

КАЗАХСТАН – СПЕКТР
аналитические исследования

КАЗАХСТАН – 2030

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф
редактор:** М. С. Ашимбаев,
Директор Института

**Исполнительный
редактор:** С. М. Акимбеков

**Технический
редактор:** Е. Н. Урсул

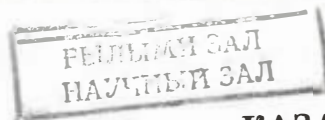
**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480100,
Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04
Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kaziss.alma-ata.su

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.

Регистрационное свидетельство № 644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

КАЗАХСТАН - СПЕКТР
№ 2 (12), 2000
СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАХСТАН

Исингарин Н. К. О формировании общего рынка услуг стран
Барбасов М. А. Таможенного Союза и содружества в целом 3

Айткалиев Р. А. Полиэтнический состав населения и
национальная безопасность страны 30

ВОКРУГ КАЗАХСТАНА

Надыров Ш. М. Водные ресурсы трансграничных рек
Бердыгулова Г. Е. Центральной Азии: проблемы, конфликты и
Латыпаев Ш. Т. механизм совместного использования 43

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Лаумулин М. Т. Английское востоковедение и изучение
Центральной Азии 54

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Кадырбаев А. Ш. Народы древнего Казахстана на пути создания
первых государств 89

Каримова Н. Э. Древние народы Центральной Азии 109

РЕЦЕНЗИЯ 120

SUMMARY 125

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 127

KAZAKHSTAN - SPECTRUM
№ 2 (12), 2000
CONTENTS

KAZAKHSTAN

- Isingarin N. K.*
Barbasov M. A. Forming of the communal market of services of a Custom Union's countries and the Community on the whole 3
- Aitkaliev R. A.* The poliethnic structure of the population and state national security 30

AROUND KAZAKHSTAN

- Nadyrov Sh. M.*
Berdygulova G. E.
Latypaev Sh. T. Water resources of the Central Asia's transborder rivers: problems, conflicts and mutual using 43

CENTRAL ASIA

- Laumulin M. T.* British eastknowledge and the Central Asia research 54

HISTORY PAGES

- Kadyrbaev A. Sh.* The peoples of the ancient Kazakhstan on the path of the First-rate states creation 89
- Karimova N. E.* The ancient peoples of the Central Asia 109

- THE REVIEW 120
SUMMARY 125
ABOUT THE AUTHORS 127

О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГО РЫНКА
УСЛУГ СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА
И СОДРУЖЕСТВА В ЦЕЛОМ

Исингарин Н. К.
Барбасов М. А.

Введение

Современный мир характеризуется интернационализацией и глобализацией процессов жизни людей, наукоемкими технологиями, углублением международного разделения труда, созданием мировой экономической инфраструктуры. Складывается глобальное мировое экономическое, информационное и культурное пространство, в котором уровень развития государств определяется параметрами человеческого развития, расширением комплекса услуг, направленных на совершенствование самого человека, его интеллектуальных и физических возможностей, удовлетворение его духовных и социальных запросов.

Такие мировые процессы неизбежно вовлекают в свою орбиту политику, экономику, социальные отношения каждой страны. Происходит углубление межгосударственного сотрудничества, глобализация и взаимодополняемость экономик отдельных стран. Это не означает ослабления конкуренции между странами, так как меняется лишь форма "борьбы" за свое место.

В то же время общемировые процессы глобализации сопровождаются растущим протекционизмом развитых стран, направленным на формирование новых источников сырья, сбыта товаров и услуг. Как одна из мер нейтрализации таких устремлений в различных районах мира образуются региональные экономические объединения государств в целях общего развития и защиты интересов. Регионализм несет в себе протекционистский заряд по отношению к третьим странам, ведя к формированию мирохозяйственных блоков.

Региональная интеграция изначально направлена на создание рамочных условий свободной торговли товарами и услугами в регионально ограниченном экономическом пространстве. Такой формой регионального объединения могло бы стать Содружество Независимых Государств (СНГ) при условии своевременной и полной реализации Договора о создании Экономического союза, подписанного еще в сентябре 1993 г., последующих соглашений и договоров по проблемам экономической интеграции. Подобные задачи ставит перед собой созданный рядом государств Таможенный союз.

Для функционирования регионального интеграционного образования необходима согласующаяся с мировыми тенденциями экономическая стратегия регулирования торговых отношений, что

позволило бы странам-партнерам не стать источником дешевого сырья и рынком для сбыта товаров и услуг третьих стран, а достойно занять свою нишу в мировой торговле товарами и услугами. Целью региональной интеграции является формирование Общего рынка - совокупности международных отношений, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на Едином экономическом пространстве государств-партнеров.

Приобщение к процессам на мировых рынках услуг новых независимых государств происходит, как правило, путем непосредственного "знакомства" с иностранными услугами на внутренних рынках. Процессы носят зачастую стихийный характер и уже в долгосрочном плане, в случае отсутствия государственного регулирования и его согласования, не сулят обнадеживающих перспектив для национальных экономических операторов государств СНГ.

Мерой позитивного преломления таких тенденций, складывающихся на рынках услуг и в первую очередь на внутренних рынках, должна стать регламентация таких процессов в рамках Содружества (или иного региональнального объединения) по следующим направлениям:

- согласование национальных политик по развитию внутренних рынков услуг;
- взаимное предоставление национальных режимов для экономических операторов стран-партнеров;
- проведение согласованной политики по предоставлению доступа на внутренние рынки государств партнеров услуг, производимых экономическими операторами третьих стран;
- осуществление согласованной внешней политики в торговле услугами.

Уровень такой регламентации должен оптимальным образом сочетать государственное и межгосударственное регулирование в рамках регионального интеграционного объединения при обязательном соблюдении национальных интересов всех стран-партнеров.

1. Сфера услуг в современной экономике

Экономика современных развитых стран все больше определяется как "экономика услуг": идет опережающий рост сферы услуг по сравнению с товарным производством. К концу 90-х годов сфера услуг в развитых странах стала крупнейшим сектором экономики. Суммарная доля транспортных услуг, связи, оптовой и розничной торговли, кредитно-финансовых, страховых, бытовых, деловых и иных услуг достигла 62-74 % валового внутреннего продукта этих стран, 63-75% - в обеспечении занятости населения, превысила 50% общего объема инвестиций. На услуги приходится около 50% всех потребительских расходов населения этих стран. Сфера услуг превращается в главную сферу современного общественного производства. Изменение соотношения торговли товарами и услугами во внешнеторговом обороте

страны является своего рода показателем уровня экономического развития страны. Так, например, в 1997 году доля США в мировой торговле товарами составила 18,8%, а услугами - 33,1%, доля Японии, соответственно, - 7,3 и 5,4%, доля Польши - 2,7 и 1,2%, доля России - 3,5 и 1,9%.

Понятие "услуги" в современном мире уже не ассоциируется с узким кругом низкопрестижных, в основном бытовых услуг. Облик сферы услуг определяет группа наукоемких отраслей - телекоммуникации, кредитно-финансовые и страховые услуги, деловые услуги научного содержания, сферы образования, здравоохранения и др. В США в середине 90-х годов на долю услуг в высокотехнологичном секторе экономики приходилось 75% фирм и 30% занятых в экономике в целом, а также весь прирост рабочей силы в этом секторе. Традиционные для стран Содружества услуги (бытовые, ремонт и обслуживание автотранспорта и ряд других) в современной экономике развитых стран оттеснены на второстепенные позиции.

Показательна динамика роста спроса на услуги со стороны основных агентов экономики: домашних хозяйств и сферы производства. Доля затрат на услуги в потребительских расходах населения за 1983-1996 гг. в США повысилась с 51 до 59%, во Франции - с 38 до 47%, Великобритании - с 39 до 48%, Японии - с 51 до 58%. Еще более динамично растут потребности в услугах со стороны современного промышленного производства, которое на 50-80% стимулирует прирост объемов услуг в развитых странах. Расходы на услуги превратились в крупную статью производственных издержек фирм в самых разных сферах экономики. В развитых странах сфера услуг поглощает практически весь приток новых работников на рынки услуг, а также рабочую силу, вытесняемую из сферы материального производства.

При общей поступательной динамике развития сферы услуг в 90-е годы обозначились и отраслевые различия. По темпам роста во многих странах лидирует комплекс деловых (коммерческих) услуг. Это службы маркетинга и рекламы, лизинговые операции, научно-исследовательские фирмы, услуги по охране и обслуживанию помещений, инженерно-строительные и архитектурные услуги, документооборот, бухгалтерские и аудиторские операции и др. Эти услуги формируют базовые черты современной экономики и в значительной степени определяют конкурентоспособность страны на мировом рынке. В США в деловых услугах занято более 11 млн. работников, Японии - около 3 млн., Великобритании - 1,5 млн., Германии - 1,4 млн., во Франции - 0,6 млн.

В динамичное ядро сферы деловых услуг входят телекоммуникации, кредитно-финансовые и страховые услуги. При значительном разбросе отраслевых показателей инвестиций быстрее всего они росли в этих и ряде других деловых услугах, в первую очередь в компьютерных, оптовой торговле, здравоохранении, где на их основе радикально

менялись производственный аппарат и характер операций. В группу быстрорастущих отраслей входят также различные виды обслуживания свободного времени людей, их культурных и социальных запросов. Здесь первенство за туризмом, различными формами активного отдыха, кинопроизводством, аудио- и видеобизнес.

Для других отраслей услуг характерны более умеренные темпы. Противоречива динамика развития отраслей транспорта и торговли. Рост потребности в их операциях сдерживается относительным сокращением в структуре экономики развитых стран доли товарного (материального) производства, транспортировкой и реализацией продукции которого заняты эти отрасли услуг.

Целый ряд услуг - ремонт бытовой техники, одежды, обуви, прачечные, химчистки - развиваются низкими темпами. Под воздействием конкуренции со стороны производителей товаров-заменителей и изменений в уровне и стиле жизни людей их доля в большинстве стран сокращается: купить новый и модный товар зачастую дешевле, а потому и предпочтительнее, чем отремонтировать старый.

Таким образом, в мировой динамике сферы услуг прослеживается сдвиг в сторону их более сложных, наукоемких видов, а также социальных услуг, обеспечивающих качество экономического роста, жизни людей и гуманизацию общества. Развитие сферы услуг порождает изменения в формах организации деятельности в этой области экономики.

В зависимости от национальной специфики производство услуг в разных странах распределяется между частным и государственным секторами в различных пропорциях. Однако очевидна тенденция роста частного сектора в сфере услуг.

В ряде секторов услуг идет быстрое формирование больших корпораций, серьезно потеснивших в экономике прежних промышленных гигантов. Так, в первой сотне корпораций мирового уровня сильны позиции ряда компьютерных компаний, банков, торговых фирм, нескольких медицинских компаний, а также фирм деловых услуг и страхования. Такая глобализация процессов в сфере услуг во многом объясняется самим характером услуг и отсутствием разработанных по ограничению деятельности в этой сфере экономики мер аналогичных существующим в сфере торговли товарами.

В последнее десятилетие прослеживаются примечательные тенденции в процессах внутреннего регулирования в отраслях услуг. При больших различиях практически всюду сокращается прямое участие государства. Проблема эффективности социальных услуг решается через предоставление госструктурам самостоятельности, возможности использования рыночных механизмов, контрактных моделей, тендерной формы бюджетного финансирования, расширения практики бюджетного финансирования непосредственно потребителей социальных услуг и т.д.

В то же время возрастают роль и ответственность государства за разработку стратегии развития рынков услуг, финансирование программ и проектов стратегического характера, нормативно-правовое обеспечение деятельности в сфере услуг, выполнение контрольных функций. Государство осуществляет децентрализацию системы управления социальной инфраструктурой, обеспечивает концентрацию услуг в низших звеньях управленческой вертикали, в рамках семьи, общины.

Объемы экспорта услуг в мировой торговле приближаются к 25% всего мирового экспорта продукции (товаров и услуг). В развитых странах этот показатель увеличился с 99 млрд. долл. в 1980 г. до 361 млрд. в 1994 г. По динамике роста внешнеторгового оборота выделяется группа деловых (коммерческих) услуг: их доля в общем экспорте всех услуг из развитых стран возросла за этот период с 28 до 44%. Бесомым остается и туризм, доля которого в экспорте услуг превышает 1/3.

Внешнеторговый оборот услугами концентрируется в группе развитых стран. Главные экспортеры - США, Голландия, Франция и Великобритания; импортеры - Германия, Япония, Италия. В этих странах по темпам роста лидируют финансовые и компьютерные услуги, а также бухгалтерские, аудиторские, рекламные, юридические, консалтинговые по вопросам маркетинга, управления, повышения эффективности и т.д. В 1994 г. на долю развитых стран приходилось 88% всего экспорта деловых услуг.

Удельный вес отраслей услуг в прямых зарубежных инвестициях США, Великобритании, Японии, Франции превысил их половину. Прямые инвестиции направляются в телекоммуникации, торговлю, общественное питание, банковскую сферу, страховой бизнес, деловые услуги, здравоохранение и другие.

Услуги содействуют глобализации мировой экономики, хотя юридические и политические барьеры для международного обмена на этом рынке более высоки, чем на товарных рынках.

2. Мировая торговля услугами и ее регулирование

Торговля услугами охватывает несколько десятков видов деятельности, занимает важное, расширяющееся место в международной торговле и отличается от торговли товарами разнородностью и многоплановостью различных видов. Сложно найти унифицированные подходы к регулированию рынков услуг, к применению в отношении торговли ими общепринятых норм международной торговли товарами, в частности, режима наибольшего благоприятствования или свободной торговли. В связи с этим вплоть до 90-х годов торговля услугами не охватывалась многосторонними межгосударственными соглашениями, подобными Генеральному Соглашению по Тарифам и Торговле (ГАТТ ВТО). Вместе с тем, отдельные виды услуг и ранее регулировались отраслевыми межгосударственными многосторонними соглашениями.

На Уругвайском раунде международных торговых переговоров (1986-1993 гг.) сфера услуг впервые стала предметом переговоров, был начат процесс выработки основных принципов и норм, регулирующих международный обмен услугами. Переговоры о торговле услугами шли параллельно переговорам о торговле товарами и привели к созданию Генерального Соглашения по Торговле Услугами (ГАТС) в рамках Всемирной торговой организации (ВТО с января 1995 г.). ГАТС содержит отправные принципы, составляющие основу многосторонней правовой системы, регулирующей торговлю услугами и влияющую на развитие национальных правовых систем.

По ГАТС/ВТО торговля услугами определяется как **поставка услуг** четырьмя основными способами оказания услуг: *трансграничная торговля, потребление за рубежом, коммерческое присутствие и перемещение физических лиц.*

Эти способы различаются по двум основным критериям:

- происхождение поставщика и потребителя услуги, т.е. гражданство физического лица или место инкорпорации (регистрации) компании;
- местонахождение поставщика и потребителя услуги в момент оказания услуги и характер этого территориального присутствия, т.е. постоянное или временное.

Под **поставкой услуг** понимается производство, распределение, маркетинг, продажа, доставка услуги и последующее сервисное обслуживание.

Четыре способа поставки услуг показывают, что торговля услугами имеет отношение как к торговле товарами (стоимость услуг зачастую включается в стоимость товара), так и к международному движению капиталов (особенно прямым инвестициям) и трудовых ресурсов (особенно высококвалифицированных работников).

Непростым является и определение самого термина "услуга". Если товар имеет материальную форму, может быть выражен в физических единицах (штука, метр, килограмм и т.п.), то к услугам эти критерии не применимы. Услуги практически нельзя измерить в количественных единицах (кроме стоимости) и дать им четкую количественную оценку. Ни в ГАТС, ни в других международных соглашениях не дается определения понятия "услуга". Тем не менее, в международной торговле существует общее понимание этого термина: "услуга - это все, чем торгуют, но не товар", или "услуга - это все, что продается, но не может упасть вам на ногу". Услуги включают, в частности, деятельность промышленного и торгового характера, деятельность ремесленников и лиц свободных профессий.

Поскольку мировым сообществом пока не выработано исчерпывающее определение услуги, а предмет взаимоотношений в сфере торговли услугами должен быть четко определен, то для целей регулирования торговли услугами в рамках Всемирной торговой организации все услуги были классифицированы в рамках 12 секторов:

- деловые (коммерческие) услуги;
- услуги почт и электросвязи;
- строительные и связанные с ними инжиниринговые услуги;
- торговые и дистрибьюторские услуги;
- услуги в области образования;
- услуги, связанные с защитой окружающей среды;
- финансовые услуги, включая страхование;
- услуги в области здравоохранения и социальной области;
- туризм и услуги, связанные с путешествиями;
- услуги в области организации досуга, культуры и спорта (кроме аудиовизуальных услуг, которые входят в услуги электросвязи);
- транспортные услуги;
- услуги прочие, не вошедшие в перечисленные (например, бытовые услуги), а также другие услуги, связанные с предпринимательской деятельностью.

Каждый сектор в свою очередь делится на подсектора, которых уже насчитывается более 155. Следует иметь в виду, что процесс появления новых видов услуг далеко не завершен, как, впрочем, и новых товаров.

Вместе с тем классификатор Секретариата ГАТТ (ВТО) лишь перечисляет виды услуг, не описывая содержание самой деятельности. Такое описание дается во Временном едином классификаторе продукта ООН, который находится в стадии доработки.

Каждая рубрика классификатора Секретариата ГАТТ (ВТО) содержит ссылки на коды рубрик классификатора ООН. Вместе с тем перечень услуг в классификаторе Секретариата уже, чем в классификаторе ООН. Эти классификаторы имеют справочный характер и, в отличие от текста ГАТС, не являются юридически обязывающими документами.

ГАТС содержит три блока прав и обязательств, в рамках которых присоединяющиеся к ВТО государства формируют свои обязательства по услугам :

- непосредственно само Соглашение, в котором сформулированы базисные правовые нормы, относящиеся ко всем видам услуг, а также основные концептуальные определения;
- приложения, касающиеся отдельных отраслевых видов услуг, определяющие, как конкретные статьи ГАТС должны применяться в отношении этих видов услуг: морской транспорт, телекоммуникации, финансовые услуги воздушного транспорта;
- перечни специфических обязательств стран - членов ВТО в отношении отдельных видов услуг.

Эти три блока взаимосвязанных документов лишь при совместном рассмотрении определяют сферу действия ГАТС и конкретные права стран-участниц. Подобная структура ГАТС позволяет разделять общие положения, обязательные для всех государств, и конкретные

обязательства по отдельным отраслям и видам услуг. Кроме того, в ГАТС можно выделить пять основных положений, определяющих характер взаимоотношений государств в сфере торговли услугами:

- *национальный режим*: поставщики услуг и сами услуги из других стран - членов ВТО должны пользоваться таким же режимом, что и национальные;

- *режим наибольшего благоприятствования*, предполагающий одинаковый режим для всех и отсутствие каких-либо дискриминаций между участниками соглашений в рамках ВТО (режим РНБ устанавливается странами-партнерами только на основе двусторонних соглашений при вступлении в ВТО);

- *транспарентность*: вся информация, законы, административные положения и распоряжения, касающиеся регулирования торговли услугами, должны публиковаться;

- постепенная либерализация путем переговоров в рамках всей сферы торговли услугами;

- решение спорных и конфликтных ситуаций через *систему урегулирования споров*, общей для ГАТТ и ГАТС.

Вместе с тем не все виды услуг находятся в сфере регулирования ГАТС. Так, услуги правительству изначально не включались в ГАТС, а вопрос включения АВИА-услуг будет решаться в ходе раунда 2000 переговоров в рамках ВТО.

“Идеологической” основой развития международного обмена услугами в рамках ГАТС ВТО является систематическое проведение переговоров по либерализации торговли услугами и улучшению доступа на рынки услуг. Однако на пути развития международного обмена услугами существуют национальные и региональные барьеры, которые не всегда имеют прозрачный характер.

“Защита” рынка услуг обычно осуществляется созданием дискриминационных условий для иностранных услуг и их производителей в пределах национального рынка. Поэтому барьеры в торговле услугами часто имеют форму национальных законов, административных распоряжений, ведомственных инструкций, непризнания иностранных квалификационных сертификатов, дипломов и т.п. Осложняет проблему либерализации и то, что только часть услуг при предоставлении “пересекает” границу государства. Как излагалось выше, значительная часть услуг предоставляется непосредственно на национальной территории.

Безусловно, положения международной торговли (ГАТС ВТО) признают за каждым государством право регулировать предоставление услуг в пределах своей территории, включая право вводить новые виды регулирования с целью проведения в жизнь национальной политики в сфере производства и предоставления услуг.

Между тем, в международной торговле услугами определяющим принципом признана возможность применения режима наибольшего благоприятствования. Однако в силу специфики сферы услуг доля торговли услугами, происходящей между производителями и потребителями услуг в пределах национальной территории, как правило, выше, чем трансграничное движение услуг. Поэтому национальный режим выступает в торговле услугами как принцип первостепенной важности, во многом определяя положение государств во взаимной торговле услугами.

Особенность применения национального режима к сфере международного обмена услугами заключается в том, что в отношении многих видов услуг регулирование их поставки в страну не может быть осуществлено мерами “на границе”, а достигается главным образом средствами регулирования торговли внутри страны. В этом случае национальный режим обеспечивает фирмам-иностранцам равные с национальными фирмами условия конкурентоспособности.

Все это показывает актуальность проведения международных переговоров в рамках ВТО (ГАТС) по снижению барьеров в торговле услугами.

Главная проблема, решение которой определяет возможность эффективных переговоров о либерализации торговли услугами, - это сложность количественной оценки барьера в торговле услугами и их перевода в унифицированные, сопоставимые показатели, могущие стать предметом переговоров по снижению барьеров.

В сфере услуг до последнего времени отсутствует гармонизированная система классификации, что затрудняет определение в мировой торговле услугами достаточно точной картины географии, структуры и объемов потоков торговли услугами.

Уругвайский раунд международных переговоров в рамках ВТО значительно продвинул понимание вышеуказанных проблем. Однако выработка конкретных механизмов реализации мер по снижению таких барьеров и расширению поля для либерализации в сфере услуг перенесена на будущие международные переговоры.

3. Рынок услуг в странах СНГ: - состояние и перспективы

Внутренняя и внешняя ситуации, с которыми приходится иметь дело государствам с переходной экономикой, существенно осложняют процессы интеграции в международную торговую систему. В этом направлении молодые независимые государства сталкиваются с проблемой регулирования новой сферы деятельности, включенной в компетенцию международной торговой системы, - торговлю услугами. У государств Содружества пока отсутствуют многие важные элементы во внешнеторговом режиме, в законодательном регулировании сферы услуг, приоритеты национальной политики по этому вопросу находятся в стадии определения.

Мировой опыт показывает, что без современной сферы услуг с развитыми транспортом, коммуникациями, торговлей, финансово-кредитным и страховым секторами, комплексом деловых услуг, прогрессивными сферами образования и здравоохранения нельзя создать эффективную рыночную экономику. Немаловажен и потенциал отраслей услуг в решении проблем занятости, которые в процессе реструктуризации отраслей товарного производства становятся критическими. Между тем отставание стран Содружества в развитии сферы услуг значительное. Так, например, в России в 1990 г. на долю отраслей услуг приходилось 23% ВВП и 37% численности занятых, что в 2-2,5 раза ниже, чем в развитых странах. В 1996 г. эти показатели были 53 и 50% соответственно, однако их "рост" является относительным и стал таковым на фоне более глубокого падения в товарном производстве. В других странах СНГ уровень развития услуг еще ниже.

Прежде всего в государствах Содружества предстоит преодолеть ментальную оценку сферы услуг как второстепенного сектора, развивающегося за счет товарного производства. Разделение услуг и товаров во многих случаях противостоит, как, например, закупка новейшего самолета без системы эксплуатации и обучения. Каждый вид товарной продукции "обрастает" пакетом услуг, а в новых информационных технологиях они вообще неразделимы. Поэтому позитивная динамика сферы услуг в странах Содружества, быстрое формирование в последние годы ряда услуг (телекоммуникации, кредитно-финансовые и деловые услуги, обслуживание торговли) отражают новые потребности развития экономики и общества.

Необходима также аналитическая, научно обоснованная оценка всего спектра услуг, в котором нуждаются внутренний рынок и экономика государства, для выхода на параметры устойчивого развития.

Следует определить приоритеты и общественно значимые услуги в гуманитарной сфере, создающие базу для высокоинтеллектуального и культурного развития граждан государства.

Предстоит практически заново формировать систему статистики сферы услуг в странах Содружества, так как существующая в государствах-партнерах статистика заимствована из области товарного производства и не учитывает специфических особенностей видов услуг, как это осуществляется в развитых странах. Кроме того, статистический учет охватывает лишь малую толику громадной сферы услуг.

Государство должно содействовать формированию и развитию мелкого бизнеса, который в предоставлении услуг занимает традиционно важное место. Высокая трудоемкость большинства услуг и сравнительно небольшие размеры стартового капитала для организации дела благоприятствуют развитию этой сферы мелкого предпринимательства.

Опыт многих стран убеждает в ошибочности распространения в социально-культурной сфере принципов и способов разгосударствления, практикуемых в сфере товарного производства. Наибольший эффект дает плюралистическая структура, состоящая из государственных, частных и неприбыльных учреждений и организаций. Государство должно играть ведущую роль в формировании неприбыльных структур ввиду отсутствия традиций и дефицита финансовых средств. В целом по социально-культурным услугам государству необходимо сохранить ведущую роль, так как данная сфера является ключевой при формировании современного общества и играет стратегическое значение для страны.

Актуальна задача формирования благоприятных торгово-политических и правовых условий для экономических операторов государства, осуществляющих деятельность в сфере услуг на зарубежных рынках, обеспечения их доступа на внешние рынки на условиях, принятых в мировой практике.

Основной проблемой новых государств становится защита емкого внутреннего рынка услуг от многоопытных, "агрессивных в бизнесе" иностранных конкурентов на фоне стремительного расширения международной торговли и глобализации мировой экономики. Необходима выработка согласованных мер по защите внутренних рынков государств Содружества и национальных производителей от экспансии поставщиков услуг из третьих стран с учетом необходимости поддержания условий для добросовестной конкуренции. Предстоит выработка единой методологии, принципов, форм и методов защиты внутреннего рынка услуг.

Прорыв на мировой рынок возможен при условии быстрых институциональных, структурных и инновационных изменений в отраслях экономики, при скоординированных и согласованных действиях стран-партнеров по выработке и реализации торговой политики в области услуг на внутренних и внешних рынках.

Такая политика позволит реализовать потенциал развития услуг и всей экономики, заключающуюся в том числе и в сравнительно высоком образовательном и профессиональном уровне значительной части трудовых ресурсов большинства стран Содружества.

В каждом государстве процессы формирования рынка услуг, создание условий для деятельности производителей услуг должны найти достойное место в законодательной работе, экономической и социальной политике для задействования потенциала сферы услуг в преодолении нынешних экономических трудностей.

Как нам представляется, государственная политика в области развития сферы услуг и расширения присутствия на внутреннем и внешнем рынках отечественных производителей могла бы быть следующей:

а) Развитие внутреннего рынка услуг

Внутренний рынок услуг

- услуги, которые поставляются или могут поставляться национальными производителями на внутреннем рынке при проведении государством политики развития и поддержки (протекционизма);
- услуги, которые поставляются производителями государств-партнеров по региональным объединениям на основе межгосударственных договоренностей по свободной торговле;
- услуги, которые поставляются производителями третьих стран, но могут быть заменены услугами производителей как национальными, так и стран-партнеров при соответствующей политике протекционизма;
- услуги, которые поставляются производителями третьих стран и которые экономически невыгодно или невозможно заменить услугами национальных производителей.

По нашим оценкам, есть потенциал для увеличения объема предоставляемых на внутреннем рынке услуг государств Содружества в ближайшие 5 лет примерно в 2-2,5 раза. Особенно велика потребность в деловых (коммерческих) услугах в части развития малого бизнеса, обучения предпринимательской деятельности, торговых и дистрибьюторских услугах, финансовых, кредитных, страховых и ряде других.

б) Расширение деятельности национальных производителей услуг

Деятельность национальных производителей услуг

- уже существующие поставки услуг национальными производителями на внутренний рынок;
- деятельность национальных производителей услуг в условиях государственного протекционизма по "замене" на внутреннем рынке производителей услуг третьих стран;
- поставки услуг на рынки стран-партнеров на основе межгосударственных договоренностей о свободной торговле;
- поставка на мировой рынок услуг, по которым имеется сравнительное преимущество в условиях правил ВТО/ГАТС;
- предоставление услуг гражданам других государств на внутреннем рынке национальными производителями услуг.

Вызывает сожаление, что в странах СНГ предоставление услуг в таких сферах, как электро- и радиосвязь, строительство и связанных с ними инжиниринговых услугах и ряде других сфер в значительной мере отданы производителям третьих стран. Огромные резервы и потенциал

кроются в совершенствовании и выведении на современный мировой уровень предоставления услуг в области образования, здравоохранения, туризма досуга, культуры и спорта, а также бытовых услуг.

Государства Содружества, обладая огромной территорией на Евразийском материке, по существу могут стать сухопутным мостом между Европой и Юго-Восточной Азией. Транспортные отрасли, обеспечивая услуги по выполнению транзита грузов и пассажиров между Западом и Востоком, могли бы получать ежегодно доходы, исчисляемые миллиардами долларов.

Следует также подчеркнуть, что рынок услуг в государствах Содружества - это наиболее неразвитая сфера интеграционного взаимодействия, где вопросы предоставления услуг мало изучены и не урегулированы в должной мере законодательными нормами, не рассмотрены и не оговорены в межгосударственных отношениях стран-партнеров.

4. Основные направления и принципы региональной интеграции в сфере услуг

Региональная интеграция преследует цель максимального развития внутреннего рынка услуг как по качеству, так и объему ее предоставления, активизации деятельности отечественных производителей услуг в государствах-партнерах, а также эффективного использования таких преимуществ экономического объединения, как расширение рынка предоставления услуг, кооперация и специализация в этой сфере деятельности, совместная защита интересов в мировой конкурентной среде.

Существующие объективные условия для формирования регионального общего рынка можно разделить на следующие:

- центробежные - такие, как различный уровень экономического развития и хода реформ в новых государствах, недостаточность правового регулирования национальных сфер услуг, сложности межгосударственных отношений и несовпадение интересов, кризис в экономике и неостребованность многих видов услуг и др.;
- интеграционные - такие, как общность истории, близкие стандарты жизни людей, экономики и техники, тесная взаимосвязанность коммуникационных систем, менталитет населения, совпадение целей и задач преодоления экономического кризиса и др.

С учетом этих условий процесс формирования Общего рынка услуг государств Содружества могли бы основываться на следующих принципах:

- обеспечение равенства стран-партнеров;
- взаимное уважение суверенитета;
- приоритетное соблюдение совместных решений;
- экономическая взаимовыгодность;
- поэтапность действий;

- единство методологических подходов.

Процесс формирования общего рынка должен опираться на принципы добровольности и экономической целесообразности. При этом всеми признается возможность различных конфигураций экономической интеграции суверенных стран. Должны учитываться также и текущие изменения условий экономической деятельности государств регионального объединения в целом.

Сам же процесс формирования общего рынка услуг, как нам представляется, будет осуществляться с применением таких механизмов исполнения, как:

- создание координирующего исполнительного органа взаимодействия в целях проведения общей политики и практики по вопросам рынков услуг;

- согласованное внесение изменений в действующее законодательство стран-партнеров, гармонизация законодательной базы в области торговли услугами; синхронное принятие странами-партнерами национальных актов в соответствии с заключенными соглашениями по вопросам рынков услуг;

- модернизация методологии и стандартов статистического учета в области услуг; создание информационной системы мониторинга за динамикой процессов в сфере услуг;

- синхронизация институциональных преобразований в органах государственного регулирования национальных рынков услуг; координация политики на рынках услуг в зависимости от инвестиционных процессов и динамики развития государств-партнеров;

- регулирование поведения производителей услуг и их потребителей через национальные законодательства; доступность (открытость) государственных служб регулирования сферы услуг.

Интеграционному взаимодействию должно предшествовать создание в каждом государстве условий для функционирования национального рынка услуг. Для этого необходимо:

- сформировать плюралистические структуры сферы услуг: государственные, частные и неприбыльные учреждения и организации;

- модернизировать системы статистики в области услуг;

- создать законодательные базы, регламентирующие квалификационные требования к производителям различных видов услуг, процедуры организации самой деятельности и порядка ее осуществления на рынке, а также определяющие технические стандарты и порядок функционирования разрешительной системы (сертификация, лицензирование и т.п.), применяемой к определенным видам услуг;

- принять национальные программы по расширению предоставления услуг, а также потенциальной возможности отечественных производителей услуг.

Цель и действия по формированию общего рынка услуг можно иллюстрировать следующей схемой:

В первую очередь предстоит по результатам анализа состояния национальных рынков услуг и мировых тенденций выработать и принять единую (или гармонизированную) методологию статистики торговли услугами на национальных рынках стран-партнеров. Это позволит в дальнейшем использовать единый «стандартный инструмент» для мониторинга состояния рынков услуг и «смотреть на вещи одинаковыми глазами» при выработке решений по вопросам услуг. Очевидно, что должен быть использован опыт развитых стран по данному вопросу.

Для выработки реальных предложений по сближению позиций стран-партнеров, представляется целесообразным определить приоритетные сектора сферы услуг для каждой страны и общий базовый перечень услуг в рамках регионального объединения.

Базовый перечень услуг должен быть максимально приближен к принятым в мировой практике классификациям в системе ГАТС\ВТО, о которых излагалось выше и которые реально будут модернизироваться в ходе «Раунда - 2000» международных переговоров в рамках ВТО с учетом бурного развития мировых рынков и видов услуг. Принимаемые по базовому для стран-партнеров перечню услуг решения должны закрепляться соответствующими межгосударственными документами.

Национальные рынки услуг стран-партнеров требуют учета их специфических особенностей. В этой связи предстоит согласование перечней приоритетных услуг для каждой страны и регионального объединения в целом, что позволит наметить чувствительные для каждой страны сектора услуг в целях дальнейшей работы по

сближению позиций. К вопросам согласования позиций по изложенным направлениям страны-партнеры должны будут возвращаться периодически с учетом реальной динамики на рынках услуг, интересов государств и регионального объединения в целом.

Предстоит организовать и провести сопоставительный анализ национальных режимов регулирования рынков услуг, выработать меры по сближению механизмов и правил такого регулирования. На законодательном уровне необходимо согласование условий функционирования национальных рынков услуг стран-партнеров: системы статистики, квалификационных требований, технических стандартов, норм и правил разрешительной системы: систем налогообложения; внедрение единых стандартов инфраструктуры в отдельных отраслях сферы услуг в рамках согласованных национальных политик по развитию внутренних рынков.

Гармонизацию режимов регулирования сферы услуг необходимо осуществлять с учетом перспектив вступления государств в ВТО.

Страны-партнеры будут выступать на международных торговых переговорах как региональное объединение, а значит, должна проводиться единая внешнеторговая политика по вопросам услуг. Механизмы реализации принимаемых решений должны быть выработаны и приняты в рамках интеграционного объединения.

По отдельным вопросам взаимосвязь секторов услуг частично уже осуществляется на двусторонней основе экономическими операторами стран-партнеров, например, по вопросам коммуникационных, транспортных и некоторых деловых услуг. Однако этот процесс во многом носит стихийный характер, отражающий текущий конъюнктурный интерес экономических субъектов, который не имеет системного и целенаправленного характера государственной и региональной политики. Реализация представленных направлений позволит проводить странам-партнерам согласованную, общую торговую политику на внутренних и внешних рынках по вопросам сферы услуг, а также осуществить меры по формированию общего рынка услуг.

Как известно, рынки услуг в государствах Содружества находятся в стадии становления, а вопросы услуг являются наиболее уязвимым разделом при переговорах как между собой, так и на международном уровне. Поэтому от активности и уровня профессиональной работы исполнительных и законодательных органов во многом будут зависеть перспективы формирования общего рынка услуг, а также продвижение совместных интересов стран-партнеров в отношениях с третьими странами и их объединениями.

Практическая реализация решений по вопросам формирования общего рынка должна сопровождаться систематической оценкой экономической эффективности проводимых мероприятий на уровне стран-партнеров и в целом по региональному объединению, хотя последнее будет носить больше политико-экономический характер.

Важность этого процесса трудно переоценить, так как лишь реальные фактические данные в виде позитивной динамики на рынках услуг способны быть аргументом в пользу формирования общего рынка.

Методики оценки экономической эффективности широко известны, и с учетом принятия единой методологии статистики рынков услуг странами-партнерами будет выработана приемлемая система оценок.

Однако результаты оценок экономической эффективности могут оказаться по каким-либо отдельным вопросам и отрицательными. В этом случае предстоит кропотливая работа по выявлению причин и поиску путей выхода из создавшегося положения. В зависимости от "веса" повлиявших причин по решению соответствующего органа управления интеграцией возможен по целесообразности возврат к дополнительной переработке вопросов.

Следует отметить важность беспристрастности при определении оценок и неприемлемость "подгонки" решений под политическую целесообразность. Лишь реальные данные позволят принимать адекватные решения и добиваться успеха на пути формирования регионального общего рынка услуг.

5. Этапы и механизм формирования общего рынка услуг в Таможенном союзе

Содружество Независимых Государств и его исполнительные органы продолжают предпринимать большие усилия по внедрению режима свободной торговли товарами. Однако, несмотря на ранее принятые договоренности, ввести в действие с 1 января 2000 года механизм реализации подписанного еще 15 апреля 1994 года Соглашения о создании зоны свободной торговли, а также Протокола от 2 апреля 1999 г. о внесении изменений и дополнений к нему, запустить его не удалось. Россия, Азербайджан, Грузия еще не закончили необходимые внутригосударственные процедуры по ратификации этих документов.

Стратегически введение режима свободной торговли, а также решение второй насущной проблемы - переход на принцип взимания налога на добавленную стоимость по месту назначения (этот переход предусмотрен вышеназванным Протоколом) - обещает увеличение взаимной торговли, возвращение на внутренние рынки стран Содружества отечественных товаропроизводителей за счет повышения конкурентоспособности их продукции и, естественно, оживление экономики в целом. И, наконец, режим свободной торговли - это первый этап реализации заключенного в сентябре 1993 г. основного документа Содружества - Договора о создании Экономического союза.

Государства - участники Таможенного союза (с января 1995 г. - Беларусь, Казахстан, Россия, с 1996 г. - Кыргызстан и с 1999 г. - Таджикистан) свое сотрудничество начали с разрешения вопросов в торговле товарами - отмены таможенных пошлин, количественных и

других нетарифных ограничений, т.е. фактически с введения режима свободной торговли товарами без изъятий. Теперь же предстоит формировать общую политику государств-партнеров в области услуг. Вся работа по этому вопросу будет вестись в рамках подписанного 26 февраля 1999 года пятью государствами Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. На повестку дня поставлены задачи завершения формирования Таможенного союза и перехода к общему рынку товаров, услуг, капиталов и рабочей силы при согласованной структурной перестройке экономики стран-партнеров.

В разделе "Общий рынок услуг" вышеупомянутого Договора определено, что государства-партнеры, придерживаясь норм и принципов Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), будут стремиться предоставить друг другу на взаимной основе национальный режим доступа на рынки услуг. В этих целях намечено принять общую Программу, направленную на развитие торговли услугами в рамках Единого экономического пространства.

Как нам представляется, организационно-последовательная схема подготовки и реализации Программы формирования общего рынка услуг могла бы выглядеть следующим образом.

Анализ состояния и формирование современного национального рынка услуг

- формирование системы статистики предоставления услуг с учетом полного охвата всей сферы и современных требований национального учета;
- определение основных сфер приложения, степени развития и специфики услуг (на основе данных национальной статистики и аналитических материалов);
- выделение приоритетных видов услуг с точки зрения их доли в валовом внутреннем продукте, экспортно-импортных операциях и влияния на социально-экономическую ситуацию в государствах-партнерах;
- составление базового перечня услуг исходя из классификации услуг ГАТС/ВТО, с учетом национальной специфики становления рынка услуг страны с переходной экономикой.

Установление благоприятного режима взаимодействия стран-партнеров в сфере услуг

- проведение сопоставительного анализа национальных режимов регулирования рынков услуг, подготовка и принятие документов, определяющих систему взаимоотношения в сфере услуг;
- выявление ограничений в режимах доступа на национальные рынки услуг для поставщиков услуг государств-партнеров и формирование договорной базы по установлению режима благоприятствования;

Установление режима свободы предоставления услуг в рамках Таможенного союза

- сопоставление режимов регулирования на рынках услуг с правилами ГАТС/ВТО и выработка рекомендаций по устранению различий;
- анализ статистических данных и выявление возможностей для увеличения объема взаимной торговли услугами по приоритетным направлениям.

- подготовка и принятие документов (международных соглашений, протоколов, пилотных проектов и др.) с учетом норм и принципов ГАТС/ВТО и международной практики, устанавливающих режим свободы предоставления услуг без ограничений и изъятий, а также порядок их функционирования;
- выработка рекомендаций по развитию национального и регионального рынков услуг с расширением на рынках участия национальных производителей, удовлетворением взаимных интересов и решением актуальных задач сотрудничества по отдельным видам услуг;
- разработка и реализация предложений по специализации и кооперации в оказании услуг производителей стран-партнеров, расширению их взаимного участия на рынках.

Установление согласованного режима торговли услугами с третьими странами

- подготовка и подписание документов, устанавливающих согласованный режим торговли услугами с третьими странами;
- установление единой политики и единых мер регулирования доступа на внутренние рынки государств-партнеров услуг и поставщиков услуг из третьих стран;
- выработка предложений по активизации деятельности национальных производителей услуг на мировых рынках услуг по направлениям, на которых достигнута конкурентоспособность.

Формирование общего рынка услуг в рамках Единого экономического пространства

- разработка модельных законов, сближение и унификация национальных законодательств в сфере предоставления услуг, сближение налоговой политики в целях создания равных условий для производителей услуг стран-партнеров;
- разработка и реализация общей программы развития и расширения сферы услуг, деятельности производителей услуг, совместной деятельности на мировом рынке услуг по общим приоритетным направлениям;

- мониторинг за выполнением необходимых внутригосударственных процедур, приведением национальных законодательств в соответствие с принятыми договоренностями;
- мониторинг статистических данных в сфере предоставления услуг и деятельности производителей услуг, развития общего рынка услуг и влияния этой сферы на развитие национальных экономик, рост валового внутреннего продукта стран-партнеров;
- оценка экономической эффективности развития взаимного сотрудничества по отдельным видам услуг и пилотным проектам, мероприятий по специализации и кооперации, совместного расширения деятельности производителей услуг;
- выработка рекомендаций по дальнейшему развитию сотрудничества и совершенствованию законодательной базы в торговле услугами.

При этом должны быть использованы такие механизмы исполнения, как:

- создание координирующего исполнительного органа интеграции в целях проведения общей политики и практики по вопросам рынков услуг;
- согласованное внесение изменений в действующее законодательство стран-партнеров, гармонизация законодательной базы в области торговли услугами;
- синхронное принятие странами-партнерами национальных актов в соответствии с заключенными соглашениями по вопросам рынков услуг;
- синхронизация институциональных преобразований в органах государственного регулирования рынками услуг.

Очевидно, что для анализа и формирования рынков услуг координационный орган государств Таможенного союза должен иметь достаточный объем статистических и иных данных, доступ к информации в государствах-партнерах, потенциал и возможности для проведения теоретических и практических разработок, а также для защиты интересов участников Таможенного союза иметь соответствующий статус и полномочия представлять от лица всех государств Таможенного союза в международных органах.

Нарастание задач по формированию благоприятных торгово-экономических и правовых условий для экономических операторов государств Таможенного союза на региональных и мировых рынках услуг по реализации заключенных странами-партнерами соглашений, например, о формировании транспортного союза, об автомобильном сообщении, а также обязательства и ход переговоров, ведущихся государствами-партнерами с ВТО по услугам, определяют необходимость скорейшей разработки стратегических направлений согласованной политики в этой сфере.

6. Взаимоотношения стран Содружества с ВТО в сфере услуг

Усиление глобализации мировой торговли диктует необходимость не только интеграции в рамках регионального объединения и тем самым совместных усилий в конкурентной борьбе, но и сотрудничества в мировом масштабе, присоединения государств Таможенного союза к ВТО, и как результат, принятие ими обязательств в сфере услуг. В этом движении важно учитывать, что ГАТС/ВТО ставит конечной целью прогрессивную либерализацию торговли товарами и предоставления услуг. Это обстоятельство не должно создавать иллюзий относительно будущности интеграции в рамках Таможенного союза после вступления в ВТО отдельных его участников.

Вступление в ВТО дает возможность государствам строить стратегию развития в более предсказуемой среде, использовать многосторонние права и уникальную возможность защищать свои торговые интересы в рамках многосторонней правовой системы. С другой стороны, присоединение к ВТО требует от стран адаптации их внешнеэкономических законодательств, правил и практики к содержащимся в соглашениях ВТО многосторонним обязательствам, а также ряда существенных уступок другим странам в целях обеспечения более открытого доступа на внутренние рынки также иностранных услуг.

Определение и расширение своего места в мировой системе торговли услугами является актуальнейшей задачей Таможенного союза в процессе создания общего рынка услуг. На сегодняшний день торговые отношения большей части мирового рынка услуг координируются в рамках положений ВТО. В этой связи странам-партнерам по Таможенному союзу наряду с формированием и развитием национальных рынков услуг, созданием механизмов предоставления национальных режимов друг другу на своих внутренних рынках предстоит сложная работа по адаптации к уже сложившейся и бурно развивающейся мировой системе торговли услугами.

Вопросы, связанные с присоединением государств-партнеров к ВТО, в течение 1997-99 гг. приобрели проблемный характер для реализации задач по формированию Таможенного союза. Первоначальные надежды, связанные с подписанием 3 июня 1997 г. главами правительств "Протокола о международных торговых переговорах государств-участников соглашений о Таможенном союзе при вступлении во Всемирную торговую организацию", не оправдались.

По этому Протоколу государства-партнеры по Таможенному союзу договорились, что будут самостоятельно оформлять документы о присоединении к Всемирной торговой организации (ВТО), при этом Стороны в ходе переговорного процесса будут осуществлять координацию работы, обмен информацией и консультации по вопросам стратегии и тактики переговоров, обмениваться опытом

решения проблем, возникающих в ходе таких переговоров, с целью создания возможно благоприятных условий для формирования и функционирования Таможенного союза.

Позже правительства государств-партнеров согласовали проведение регулярных консультаций руководителей правительственных делегаций государств-участников соглашений о Таможенном союзе на переговорах по присоединению к ВТО по всем соглашениям, входящим в структуру обязательств членов ВТО.

Но усилия органов управления интеграцией по координации действий, согласованию позиций и условий были существенно ослаблены действиями ряда стран по оказанию давления на отдельные государства Таможенного союза в целях экономического разобщения партнеров и навязывания сепаратных условий вступления в ВТО. Подобные действия могут создать в дальнейшем непреодолимые препятствия для унификации сотрудничества и привести вообще к невозможности формирования общего рынка в рамках Таможенного союза, в том числе и в сфере услуг.

Тем не менее, предпринятые в конце 1999 года меры по координации действий и согласованию позиции при присоединении государств-партнеров к ВТО, на наш взгляд, должны стать началом консолидированных действий государств Таможенного союза по реализации цели вступления в ВТО региональным объединением.

Лишь блоковая, региональная стратегия на переговорах по присоединению к ВТО позволит отстоять общие интересы перед очевидной экспансией развитых стран на рынках, и особенно на столь специфичных рынках, как услуги. При этом речь идет не об ущемлении суверенных прав стран-партнеров, а о необходимости получения на переговорах о вступлении в ВТО торгово-политического статуса, аналогичного развитым странам - членам ВТО.

Фундаментальной предпосылкой для достижения сбалансированного присоединения к ВТО является определение национальных и региональных интересов в торговой политике и их роли в общих целях развития. Эти интересы должны коррелироваться с положениями соглашений ВТО, в соответствии с которыми в ходе переговоров о присоединении к ВТО при принятии обязательств в сфере доступа на национальные рынки услуг стран-партнеров должен быть зафиксирован преференциальный режим в виде изъятий из режима наибольшего благоприятствования в пользу государств - партнеров по Таможенному союзу.

Присоединение к ВТО связано со сложными и имеющими политическую подоплеку дилеммами, оказывающими воздействие настоящую и особенно будущую политику в области внешней торговли и ее роли в национальной стратегии развития. Во многих отношениях присоединение к ВТО требует существенных уступок, которые

практически сразу скажутся на доступе иностранных товаров и услуг на внутренние рынки и окажут существенное воздействие на возможности использования внутренних мер регулирования.

В то же время выгоды от членства в ВТО, связанные с улучшением доступа на иностранные рынки, станут ощутимыми в более долгосрочной перспективе и только в том случае, если страна имеет относительно развитые и конкурентоспособные экспортные возможности, хорошо подготовленный и скоординированный правительственный механизм, способный защищать права страны в сложных отношениях с системой ВТО и с динамичными иностранными экспортёрами, полностью использующими коммерческие выгоды, вытекающие из членства в ВТО.

Должна быть готовность, по сути, и в материально-техническом плане к ведению беспрецедентно сложных и чувствительных переговоров о присоединении, при которых экономическая система и внешнеторговый режим будут тщательно исследоваться всеми заинтересованными членами ВТО. Поэтому в ходе подготовки к переговорам о вступлении в ВТО необходимо провести тщательный анализ каждого многостороннего торгового соглашения в рамках этой организации, чтобы была осознанная готовность принять вытекающие из него обязательства с предоставлением убедительных доказательств в национальном законодательстве и в статистической информации о текущем положении и о перспективах соответствия национального внешнеторгового режима требованиям ВТО.

Государствам Таможенного союза предстоит решить две главные проблемы для достижения сбалансированности условий вступления в ВТО и достижения полноправного членства в многосторонней торговой системе. Во-первых, как указывалось выше, необходимо убедить членов ВТО, что национальный торговый режим и экономическая система в целом сопоставимы с положениями ВТО, а отдельные элементы внешнеторговой политики будут приведены в соответствие с нормами ВТО на поэтапной основе. Во-вторых, достигнуть сбалансированного размера уступок в переговорах по доступу на свои внутренние рынки иностранных товаров и услуг.

Таковы реальности "индивидуального" присоединения государств к ВТО. Существенно иные условия возможны при вступлении региональным объединением, как это было сделано в свое время Европейским союзом.

Оценка экспертами ЮНКТАД (ПРООН) условий вступления в ВТО различных государств показывает, что существенная либерализация по доступу на внутренний рынок и полное предоставление национального режима иностранцам на рынках услуг, к чему призывают присоединяющиеся к ВТО развитые страны, не дают существенных плюсов в виде инвестиций, деловой активности и т.п. Страны Восточной Европы "по рекомендации" развитых стран

при вступлении в ВТО приняли наиболее либеральные условия в сфере услуг, невыгодность которых становится все более очевидной. Это плохо вяжется с развитием международной торговли.

Вместе с тем по правилам ГАТС при вступлении в ВТО государство может ограничиться принятием на себя обязательств только по одному виду услуг, как это сделал Бахрейн, взяв обязательства только по туризму. Нет необходимости брать обязательства по всем секторам услуг или упоминать многие сектора в "оффере" по услугам. Кроме того, история ВТО имеет прецеденты неисполнения первоначальных обязательств. Так, Венгрия нарушила свои обязательства по субсидиям в сельское хозяйство, увеличив их. Проведенные в рамках ВТО переговоры оставили вопрос в отношении Венгрии открытым.

Эти обстоятельства должны быть использованы при разрешении возникших в рамках Таможенного союза проблем после присоединения Кыргызской Республики к ВТО. По оценке экспертов ЮНКТАД, количество обязательств, взятых на себя Кыргызстаном при вступлении в ВТО по рынку услуг, превосходит обязательства многих развитых стран.

Масштабы либерализации Кыргызстаном доступа на рынок услуг и предоставления национального режима странам-членам ВТО серьезно обеспокоили других партнеров по Таможенному союзу, поставили под угрозу соблюдение в будущем режима свободной торговли товарами и свободы предоставления услуг без изъятий и ограничений в рамках Таможенного союза. Ввиду значительных пробелов в нормативных актах стран-партнеров по Таможенному союзу в области услуг любая неоднозначность в договорно-правовой базе, регулирующей отношения в сфере услуг, может быть использована третьими странами для расширения масштабов деятельности и "захвата" рынков торговли услугами государств Таможенного союза через коммерческое присутствие на рынке Кыргызской Республики.

Кроме того, либерализация Кыргызстаном своего режима регулирования торговли услугами в рамках обязательств перед ВТО приведет к ухудшению условий доступа на кыргызский рынок для услуг из стран-партнеров по Таможенному союзу в относительном выражении. Это вызвано тем, что поставщики услуг стран-членов ВТО, в силу условий вступления Кыргызстана в ВТО, будут пользоваться на его территории более благоприятными условиями, чем государства Таможенного союза.

Партнерам по Таможенному союзу предстоит кропотливая работа по выправлению последствий "кыргызского прецедента" вступления в ВТО.

Конструктивный характер в ходе переговоров носят координация и согласование практических шагов и позиций стран-партнеров по проектам Перечней первоначальных обязательств по услугам. Хотя

указанные проекты носят лишь первоначальный характер и в процессе переговоров с ВТО претерпят изменения, максимальное сближение начальных условий стран-партнеров по Таможенному союзу является необходимой для выхода на возможно более близкие позиции по обязательствам в сфере услуг после присоединения к ВТО по отдельности, если не будет принято решение о блочном вступлении.

Исходя из практики ВТО, важно иметь в виду, что изменение переговорной позиции присоединяющейся страны уже в процессе переговоров с ВТО, особенно в рамках завершающейся стадии, практически невозможно.

Анализ проектов условий по услугам государств Таможенного союза (Беларусь, Казахстан, Россия), подготовленных в качестве "офферов" для переговоров с ВТО показывает, что наиболее критическими являются следующие положения:

- отсутствие обязательств по какому-либо сектору у одной страны и наличие конкретных обязательств по этому же сектору у других;
- при принятии обязательств по какому-либо сектору услуг всеми странами-партнерами введение исключений для отдельных видов деятельности у одной страны;
- наличие ограничений в секторе и\или в способе поставки услуги у одной страны и отсутствие таковых у других;
- существенные расхождения в уровне защищенности по какому-либо сектору и\или по способу поставки услуги.

Если расхождения в наличии обязательств по видам услуг объясняются диверсификацией этих видов услуг по странам, то расхождения в уровнях защищенности должны быть устранены в первую очередь, так как это создаст в перспективе предпосылки для расхождений в уровнях протекционизма на едином экономическом пространстве, которое формируют партнеры по Таможенному союзу.

Таким образом, довлеющие реальности сегодняшнего дня и перспектив развития национальных рынков услуг как составляющих элементов мирового рынка услуг требуют от государств Таможенного союза скорейшей выработки согласованной политики в области торговли услугами, что станет возможным в результате принятия и практической реализации концепции формирования общего рынка услуг Таможенного союза.

Заключение

Интеграция как региональная, так и международная позволит каждой стране достичь динамичного развития при одновременном укреплении экономического и политического суверенитета и обеспечении государственной независимости. При этом поиск резервов экономического роста и оценки его эффективности обуславливают

необходимость реализации долгосрочных проектов взаимовыгодного сотрудничества в сфере производства товаров и услуг, движения капиталов и труда.

Создание единого экономического пространства, формирование общего рынка расширяют возможности более рационального использования услуг при свободном их движении из одной страны в другую, способствуют росту эффективности производства и качества предоставляемых услуг, кооперированию и специализации их предоставления на основе эффективных форм общественного (отраслевого) и территориального (межрегионального) разделения труда. В итоге реализуются стимулы роста производительности общественного труда, возрастает национальное богатство страны, и тем самым увеличивается прирост ВВП. Так, например, развитие транспортной инфраструктуры и создание интегрированной системы транспортных комплексов государств Таможенного союза, функционирующих на основе согласованных технологий, унифицированной нормативно-правовой базы будут способствовать росту предложений и реализации транспортных услуг.

Начавшееся в последние годы развитие многих видов услуг в государствах Таможенного союза является позитивным с точки зрения отсутствия сложившихся, как на товарных рынках, стереотипов и во многом консервативных институциональных структур. Процессы интеграции по вопросам торговли услугами практически могут осуществляться одновременно с развитием национальных рынков услуг и органов регулирования ими без "ломки устоявшихся традиций".

Кроме того, важно учитывать уроки первых лет становления новых независимых государств, когда собственные экономические интересы противопоставлялись интересам стран-партнеров, наблюдались прямые торговые столкновения между странами СНГ на мировых рынках товаров и услуг. Такая "суверенная" торговая политика привела лишь к взаимной потере рынков, которые интенсивно были заняты многоопытными производителями третьих стран.

Развитие регионального экономического блока - Таможенного союза, как показало время, идет по пути открытого сотрудничества с одновременным созданием внутреннего эффективного взаимодействия и плавного вхождения в мировую экономическую систему.

Не простым является процесс интеграции государств со сложившимися и во многом близкими культурными и политико-экономическими структурами, как, например, Европейский союз. Интеграция же стран с переходной экономикой, как показывает опыт СНГ и Таможенного союза, еще более сложный, длительный и во многом противоречивый процесс, с движениями вперед и возможными резкими откатами. Формированию общего рынка услуг стран

участников Содружества могла бы предшествовать реализация этой задачи в рамках Таможенного союза, с накоплением определенного теоретического материала и практического опыта.

Общий эффект от реализации интеграционного экономического взаимодействия будет выражаться в снижении инфляции, бюджетного дефицита, стабилизации макроэкономических показателей каждого государства, создании предпосылок дальнейших шагов экономической и политической интеграции, вплоть до проведения единой финансово-экономической и валютной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения /Информ.-аналит. Центр "маркетинга". -М. БИВЦ"Маркетинга", 1996. С. 194.
2. Бургонов О.В. Международная интеграция - тенденция XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. госуд. ун-та экономики и финансов, 1999. С. 97.
3. Глобализация мирового хозяйства и проблемы российской экономики: Сбюсто - М.: Фин.акад. при Правительстве РФ, 1999. С. 173.
4. Дюмулен И.И. Всемирная торговая организация. - Москва, 1997.
5. Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее. Открытие внутреннего рынка. - Международная издательская группа "Право", Москва, 1995.
6. Единый рынок - новая модель европейской экономики./ сборник статей, Минсодружество. России, 1998. С. 257.
7. Исингарин Н.К. Проблемы Интеграции в СНГ. - Алматы: Атамур, 1998.
8. Исингарин Н.К, Исламова Г.Р. Развитие интеграционных процессов в СНГ - проблемы и предложения, "Транзитная экономика", №3, 1999. С. 59-77.
9. Исингарин Н.К. Пути развития, формы и механизмы интеграционных процессов в СНГ. - Москва, 1999. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук.
10. Линдерт П. Экономика мирохозяйственных связей / Пер. с англ. М.: 1992. С. 520.
11. Международные экономические отношения. Под ред. С.Ф. Сутырина, В.Н. Харламовой СПб.: Изд-во Петербургского университета, 1996. С. 248.
12. Мусинов Р. Североамериканская интеграция и постсоветская протестация. "Деловая неделя", №45 (373), 19 ноября 1999, Алматы.
13. Огневцев В.А., ВТО: вопросы присоединения. Секретариат ЮНКТАД, материалы семинара, Алматы, сентябрь, 1999.
14. Основы права Европейского сообщества. С. 552-553.
15. Трощевский Ю.И. Государственное регулирование экономики в период формирования рыночных отношений. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1998. С. 206.
16. Trade and development. Report by the secretariat of the United Nations Conference on Trade and Development. UNITED NATIONS, New York and Geneva, 1999.
17. Services infrastructure for development and trade efficiency assessment. Report by the UNCTAD secretariat, Geneva, 1997.

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

Айткалиев Р.А.

История завершающегося XX-го века, особенно его периода, начавшегося после второй мировой войны, поставила вопрос о национальной безопасности и о системах обеспечения национальной безопасности стран мира, на первое место в списке проблем их национально-государственной жизни. В наиболее сложном, дискуссионном ракурсе, этот вопрос предстал перед государствами впервые или вновь, после долгого перерыва, обретших независимость. Среди таких государств можно выделить группу стран, где проблемы наиболее сконцентрированы и, поэтому, влияют друг на друга, усложняя и без того сложную ситуацию. Это страны с полиэтническим составом населения.

Данная статья посвящена исследованию той специфики, которую придает проблемам и перспективам Республики Казахстан в сфере национальной безопасности, особенности ее национальной структуры.

§1. Национальная безопасность и национальное развитие

Различия уровней успеха, которых добились страны третьего мира, бывшие страны социалистического лагеря, новые независимые государства, вступившие на путь национально-государственного становления в различных регионах мира, заставляют задуматься об основных причинах этих различий. Отвлекаясь от бесконечно разнообразных страновых особенностей (ввиду необъятности этого поля) остановимся на одной из этих причин.

Можно сделать следующее наблюдение: наибольшего успеха, с наибольшей эффективностью, добились страны, этническая и социальная структура которых, отличалась относительно большей этнической и социальной однородностью (обратное также справедливо). Причем, это одинаково верно и для Юго-Восточной Азии и для Восточной Европы, и для Латинской Америки, и для Черной Африки (за исключением ЮАР). В тех странах из этой группы, где успехи были не так очевидны, помимо основного экономического вектора, недостаточно учитывался социальный (измеряемый, например, ООН, с помощью индекса человеческого развития).

Таким образом, проблемы национальной безопасности (в широком смысле слова) развивающихся, освободившихся и новых независимых государств тесно увязаны с проблемами национального развития. При этом, на передний план выходит проблема выбора направления и

критериев развития. Практически ни одна из этих стран (за небольшим исключением) не выбрала путь государственной экономики, однако далее начинаются большие различия. Можно отметить, что равномерное поступательное внутриэтническое и общенациональное социальное развитие, без огромных стратификационных перепадов, является здесь одним из критериев-условий. Несоблюдение этого критерия, накапливая ближайшие и отдаленные последствия, влечет за собой перегрузки всех государственных и общественных систем, в том числе системы обеспечения национальной безопасности, выступая в качестве существенного ограничения. Обратная тенденция, напротив, высвобождает ресурсы для качественного совершенствования этой системы, на фоне обычного, штатного режима ее функционирования.

§2. Особенности этно-социальной структуры основных этнических групп Казахстана

История последних ста лет социально-экономического развития Казахстана достаточно хорошо освещена за прошедшие пятнадцать лет. Лево-радикальный геноцид коллективизации в отношении казахов, последующие репрессии, массовые депортации в Казахстан, проект "Целина", одностороннее сырьевое развитие с вербовочным перемещением русского населения из России в различные регионы Казахстана, создало в нашей республике весьма своеобразную этно-экономическую и этно-социальную ситуацию. "Планета ста языков" стала таковой в "добровольно-принудительном порядке". В результате этих и последующих явлений в Казахстане, к настоящему времени, сформировалась следующая этническая диспозиция. Два наиболее крупных этнических компонента населения - это казахи и русские. При этом, как и раньше, расселение казахов - в основном сельское, расселение русских - преимущественно городское. Два основных больших компонента населения, их социально-экономическое состояние и тенденции, особенности стратификационных кривых, их культурно-цивилизационные ориентации и составляют субстратное ядро реальных проблем современного Казахстана.

В последние годы на этно-демографической карте Казахстана постепенно "прорисовывается" третий, условно говоря, "южный" компонент, в составе этнических групп, традиционно исповедующих ислам - таджики, узбеки, азербайджанцы, курды, представители кавказских народов (несколько особняком здесь, также, стоят уйгуры). Можно отметить интересную корреляцию актуальной этнической структуры с двумя (из трех основных) геополитическими контрагентами страны - северным (Россия) и южным (Узбекистан-Таджикистан-исламский мир). Вопрос об ограничениях и ресурсах системы обеспечения национальной безопасности страны погружается здесь в более широкий контекст, создаваемый геополитической динамикой, т.е. начинает зависеть от форм и направления

взаимодействия с геополитическим окружением. Можно предварительно отметить, что полиэтничность Казахстана, в данном контексте, является стратегическим запасом, нейтральным самим по себе, который становится ресурсом или ограничением, в зависимости от ряда, в первую очередь, внутренних условий, в опосредованном, но высокодинамичном (соответствующем динамике общемировых процессов) взаимодействии с внешними условиями.

Обратимся к некоторым основным внутренним условиям, определяющим, на наш взгляд, то, чем является или может стать полиэтничность, а также рассмотрим некоторые причины того, почему полиэтничные переходные постсоветские страны менее успешны в своем нынешнем движении. Для этого несколько подробнее обсудим особенности этнической структуры основных этнических групп Казахстана, в этно-социальном аспекте.

По настоящее время большинство казахского населения страны проживает в сельской местности. Тем не менее, уже с начала 60-х годов началось постепенное движение казахов в города. В годы реформ, особенно последние несколько лет, этот процесс принял новые формы, на фоне возросшей его интенсивности. В результате, в настоящее время у казахского населения республики сложилась этно-социальная структура следующего типа:

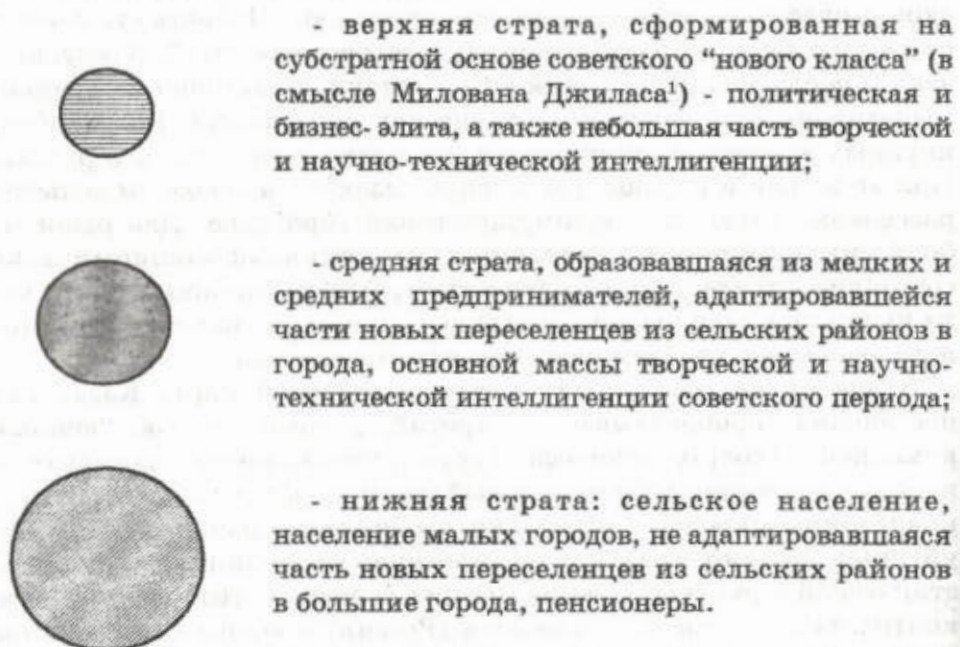

Рис 1. Базовая этно-социальная структура казахского населения РК.

Можно отметить следующие особенности этой структуры:

- национальная контрэлита, в целом формируется из верхней страты;
- средняя страта не отвечает классическому определению среднего класса, так как в ней существуют статусные противоречия, в частности между квалификационно-профессиональным статусом, и уровнем доходов и отношением к собственности;
- стратные границы практически непроходимы, т. е. данные страты представляют из себя социальные изоляты.

Русское население Казахстана, в основной массе, проживает в городах, составляя большинство населения наиболее крупных городов. Базовая этно-социальная структура его такова:

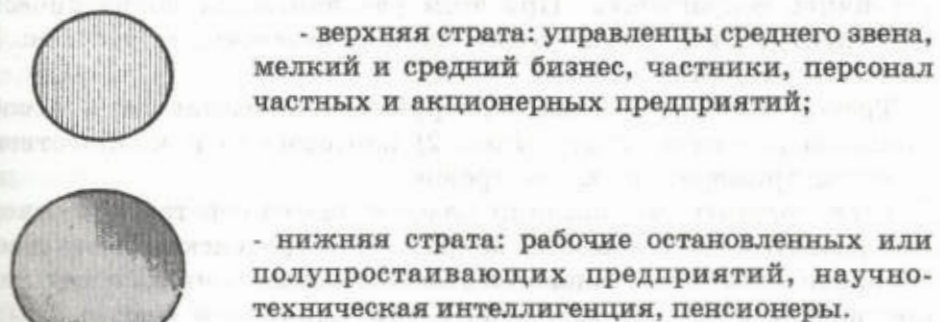

Рис 2. Базовая этно-социальная структура русского населения РК.

Данная структура имеет следующие особенности:

- стратные границы относительно прозрачны;
- верхняя страта, в общем, соответствует классическому определению среднего класса.

Этно-социальные структуры "южных" этносов, проживающих в Казахстане таджиков, узбеков, азербайджанцев, курдов, а также народов Кавказа - относительно гомогенны, в них трудно выделить явно выделяющиеся стратные группы. Их можно было бы кратко охарактеризовать как патриархальные, традиционные.

Этно-социальные структуры "городских" этносов - татар, евреев, отчасти корейцев и уйгуров (проживающих в городах) также относительно гомогенны, без особых стратных перепадов. По основным признакам, они, в целом, соответствуют определению среднего класса.

Таким образом, можно сделать вывод о существенных различиях базовых этно-социальных структур основных этнических компонент, составляющих постоянное население Казахстана. Причем тенденции изменений этих структур таковы, что в этно-социальной структуре казахов (Рис.1) нижняя страта возрастает, как за счет составляющих

ее компонент, так и за счет средней страты, в этно-социальной структуре русского населения верхняя страта уменьшается за счет эмиграции, нижняя - за счет старения. Этно-социальная структура "южных" этносов не претерпевает особых качественных изменений, однако эта группа устойчиво расширяется за счет уровня рождаемости и внешнего притока. "Городские" этносы, в количественном отношении, сокращаются за счет невысокой рождаемости, присущей урбанизированному населению, и за счет некоторого оттока из страны.

Общая тенденция, просматривающаяся за анализом этно-социальных структур населения, состоит в том, что полиэтническая подструктура общей структуры населения в составе: средней казахской страты (Рис.1), верхней русской (Рис. 2) и "городских" этносов, которую в целом можно считать неким совокупным аналогом среднего класса, в его классическом западном определении, устойчиво сокращается. При этом увеличивается полиэтническая подструктура, в которую входят: нижняя казахская страта (Рис. 1) и "южные" этносы.

Третья моноэтническая подструктура, представляющая собой нижнюю русскую страту (Рис. 2) качественно и количественно остается примерно на одном уровне.

Если полагать, что средний класс является субстратной основой для развития политической демократии европейского или северо-американского типа, становится несколько более понятным медленное продвижение ее в Казахстане, с периодическим остановками и откатами назад. Отсюда, очевидно, следует, что выравнивание этно-социальных структур этносов-компонент населения в сторону, во-первых, приведения к одному типу структуры, и, во-вторых, увеличения подструктуры, соответствующей среднему классу - есть тот вектор национального развития страны, который, продвигая демократию, не перегружает систему обеспечения национальной безопасности. Однако, это лишь общее направление, и сформулированное абстрактно и внеконтекстно, представляет из себя политологический трюизм. Более того, чтобы полиэтничность, сама по себе, имманентно, увеличивала ресурсы национального развития (или хотя бы не уменьшала их) необходимо выполнение еще ряда условий, задаваемых конкретной реальностью нашей страны.

В частности, необходимо, следуя сформулированному вектору снять или упредить ряд уже формирующихся угроз национальному развитию.

§3. Угрозы национальному развитию

Современное казахское общество (применим здесь этот термин) существенно стратифицировано (некоторое представление о типе этой стратификации приведено на Рис. 1.). Верхняя страта, контролирующая значительные властные, информационные и материальные ресурсы,

функционально не заинтересована в существенном изменении стратификационных кливажей, поскольку уже имеет возможность жить и работать в условиях, сходных с условиями жизни европейского среднего класса, а при внутриэтническом перераспределении ресурсов этот уровень может снизиться.

Средняя страта, в целом заинтересована в изменении типа внутриэтнической стратификации (прежде всего потому, что механизм вертикальной внутриэтнической социальной мобильности парализован), однако ресурсы ее для этого сравнительно невелики и становятся все меньше.

Нижняя страта, практически не имея ресурсов, находится в состоянии патриархального ожидания благоприятных перемен, практически не имея никаких возможностей влияния.

Подобная этно-социальная структура не уникальна, однако речь здесь идет об уровне и качестве стратификационных перепадов. В результате, этнос разделяется на три отчетливых квази-субэтнических подразделения. Соответственно и, общие когда-то, культурно-ориентационные, социально-экономические, семейно-бытовые поля разделяются на три непересекающиеся участка. Поскольку, современная Республика Казахстан является одной из исторических форм реализации государственности казахов, подобная тенденция не может не сказаться на общем социальном, этническом, экономическом и политическом пространстве страны.

Если попытаться продлить эту тенденцию в будущее, с учетом поколенческих перемен, можно увидеть американизирующуюся, англизирующуюся верхнюю страту, постепенно становящуюся частью европейского среднего класса, посредством прямых контактов с дальним зарубежьем и мировых информационных сетей. Постепенно скудеющую и люмпенизирующуюся часть средней страты, в лице творческой и научно-технической интеллигенции, чаще всего русскоязычной (с ограниченным использованием казахского языка в быту). Несколько увеличивающуюся маргинализованную часть средней страты, демонстрирующую "вестернизацию без модернизации"⁴ в лице мелких и средних предпринимателей, работающих в полутеневой экономике, говорящую на казахско-русско-"американском" аргю.

И наконец, увеличивающуюся нижнюю страту, жителей депрессивных сельских районов и малых городов, в которой все более усиливаются социально-психологические напряжения, которые ищут внешнего выхода в каких-либо альтернативных идеологиях (или "новых мифологиях"), ядро которых содержит идеи социальной солидарности и нормирования. Подобной идеологией вполне может послужить нынешний политический ислам, с его несомненным социальным подтекстом (в основе которого лежит синкретная социальная доктрина первоислама - Умма), организационной

активностью, внешней поддержкой и новым (хотя и взятым из прошлого) видением будущего мира. Это уже происходило в далеком Алжире, и происходит сейчас в соседнем Узбекистане.

Так выстраивается одна из угроз национальному развитию, и, следовательно, национальной безопасности страны, с отчетливым "южным", в этно-культурном и геополитическом отношении, вектором.

Этно-социальные процессы среди русского населения имеют несколько иной характер. Тенденции в верхней страте, в общем схожи с тенденциями в средней казахской. Единственным существенным отличием является, пожалуй, устойчивый процесс оттока из нее в Россию. В нижней русской страте, находящейся в депрессивном состоянии, стихийного поиска новой социальной доктрины не происходит, она уже существует. Это "русский коммунизм", в терминологии Николая Бердяева² - причудливое сочетание идеализированных воспоминаний о 70-80-х годах "реального социализма", сопряженных с "воссоединительными", по направлению к России, тенденциями. Данные нескольких социологических опросов свидетельствуют о том, что русские Казахстана, в целом, рассматривают себя не как этническую группу, проживающую на территории соседней с Россией страны, а, как часть русского народа, во всей полноте этого понятия.

Здесь формируется очередная угроза национальному развитию республики, в основе которой лежит все большее внутреннее отчуждение значительной части населения, от страны в которой она живет, со всеми ее особенностями, возможностями и проблемами. Формы этой угрозы, могут быть воплощены в варианте ирредентизма в северных областях республики, с возможной внешней поддержкой (что зависит от дальнейшего пути России), а также, в менее очевидной форме, молчаливого пассивного сопротивления всему, без исключения, происходящему, и все большему этническому отстранению от всего казахского населения государства, в целом (что есть одна из основ для этноконфликтов) по всей территории страны.

"Южные" этносы не меняя своей этно-социальной структуры, существуя в замкнутом культурном пространстве и вне общеполитического, начнут подпитывать первую угрозу (с "южным" вектором), когда перейдут определенный порог численности. Таким образом, они выступают в виде потенциального фактора, способного сыграть неожиданную интенсифицирующую роль, в ходе актуализации и реализации этой угрозы.

Дополнительным фактором здесь может выступить залповый неконтролируемый вброс на территорию Казахстана значительного по численности контингента представителей "южных" этносов. Со стороны России - жителей Кавказа, с южных границ - узбеков и таджиков, со стороны Китая - уйгуров (в случае, например, обострения положения в СУАР, что уже имело место, в прошлом).

§ 4. Полиэтничность - ограничение или ресурс?

Закономерен назревающий коренной вопрос - все-таки, сегодняшняя полиэтничность населения нашего государства, сама по себе - это ограничение или ресурс?

На этот вопрос нельзя ответить в абсолютных выражениях, не используя контекста. Выше обрисован этно-социальный контекст вопроса. Добавим в качестве уточняющего, контекст этно-культурный и этно-психологический.

Преыдущие века культурных контактов, показали, что казахская культура достаточно открыта, для продуктивной ассимиляции внешних влияний идущих со стороны Европы, через Россию. В то же время она достаточно цельна и уникальна для того, чтобы всегда сохранять некоторое твердое внутреннее ядро, которое определяет лицо нации. Евразийская культура России, также достаточно лабильна, чтобы, встречаясь с чем-то новым, отыскивать в нем смутно знакомые черты и устанавливать пределы культурной экспансии. Этот устойчивый процесс был нарушен коммунистическим экспериментом, ущерб от которого понесли, как обе этнические культуры, так и формы и режимы их взаимодействия. Можно отметить, что в целом, существует возможность вернуться к испытанному временем опыту, модифицированному, конечно, в соответствии с опытом культурной истории XX века. Во всяком случае, выраженного культурного антагонизма, подобного взаимному вековому неприятию тюркской и китайской культур, здесь нет и в помине. Этно-психологические стереотипы поведения казахов и русских, также, сравнительно близки. Это означает, что в отношениях между двумя данными этническими группами нет глубоких этно-культурных и этно-психологических барьеров⁶.

Если обратиться к статистике межнациональных браков, можно отметить, что существенного смешения этнических групп в Казахстане не происходит.

Общесоциальный процесс в Казахстане, затрагивающий взаимодействие этнических групп затруднен, поскольку, как отмечено выше, этно-социальные структуры их различаются.

Экономическое взаимодействие этнических групп характеризуется конкурентными отношениями, на фоне различных норм прибыли в экономических (в том числе этно-экономических) нишах, до степени вытеснения. Одним из индикаторов, может служить, например, процесс саморегулирования рынка труда по ул. Сейфуллина в г. Алматы. Стихийные команды, создающиеся здесь под разовый найм, комплектуются почти исключительно по этническому признаку.

Собственно политический фактор в отношениях этнических групп можно проследить через программы, политические декларации и действия этноориентированных партий и движений. Сравнение их говорит о ярко выраженном политическом антагонизме.

Следовательно, в сложившихся в настоящее время условиях, полиэтничность нашего государства выступает, как весьма существенное ограничение (именно вследствие сложившихся условий, а не сама по себе). В случае неблагоприятного режима подключения внешних факторов, она может превратиться в источник формирования угроз национальному развитию и национальной безопасности. И если мировые тенденции (как об этом говорят многие аналитики) складываются с акцентом углубления этнических, экономических, социальных, политических противоречий и конфликтов, тогда совокупное действие всех этих факторов внутри страны, преломленное полиэтничностью, способно оказать на жизнь государства и общества разрушительное действие.

Какая-либо общенациональная идея, как воплощение некоего (вообще говоря - утопического³) представления о будущем, в настоящее время не сможет объединить этнические компоненты населения Казахстана, прежде всего потому, что будущее это они представляют себе по-разному⁴. Следовательно, возможная этническая комплементарность, при дальнейшем развитии страны, воспринимается, как вариант иерархического соподчинения.

Однако, если мировые тенденции укрепления старых и возведения новых оснований для разделения государств, геополитических зон, этнических и социальных групп, будут переломлены, тогда страны, имеющие длительный внутренний опыт жизни в сложной полиэтничной среде, могут иметь серьезные преимущества, с точки зрения национального развития. Тогда полиэтничность государства становится его стратегическим ресурсом.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в начале параграфа, можно сказать, что полиэтничность для нашей страны - ограничение настоящего, но потенциальный ресурс будущего.

§5. Полиэтнический опыт США

Среди стран с полиэтничным составом населения, наибольшего внимания заслуживает опыт США. С конца 60-х годов эта страна осознала в качестве главной внутренней угрозы национальной безопасности и национальному развитию - неравномерность социально-экономического развития этнических и расовых групп. Примерно тогда же была сформулирована и воплощена в множестве мероприятий, законов и положений политика аффирмации (утверждения) этнических и расовых меньшинств и женщин. Эта политика предполагала предоставление данным группам населения определенных преимуществ при получении образования, устройстве на государственную службу, продлении контрактов. При этом был использован квотный принцип. По данным опроса Гэллапа, главным результатом этой политики стало улучшение отношений между этническими и расовыми группами, однако выравнивания социально-экономических показателей, в целом, не

произошло. Исключением становится азиатское население США - второе и третье поколение эмигрантов из Китая и стран ЮВА, демонстрирующих последовательный рост социально-экономических показателей, в том числе параметров образования.

В последние годы все больше американцев выражает свое отрицательное отношение к квотному принципу. Некоторые общественные организации афро-американцев Юга, говорят даже о "реакции белого мужчины" на политику аффирмации. Устойчиво сдержанное или отрицательно отношение к этой политике в США, можно отметить со стороны республиканцев. Если в новом цикле американской политической истории произойдет смена демократической администрации на республиканскую, следует ожидать если не полной отмены, то по крайней мере ограничения масштабов политики аффирмации.

На смену метафоре "плавильного котла", который, как говорят этнические меньшинства, сработал только "в отношении белого цвета", пришла сейчас метафора "миски с салатом". Выражение это, не лишнее определенной наглядности, тем не менее содержит гораздо больше от желаемого, чем от реальной действительности. Хотя, значения некоторых этно-демографических показателей последних лет американские исследователи рассматривают, как индикаторы положительных тенденций, в частности увеличение количества межэтнических и межрасовых браков (последнее в меньшей степени касается афро-американцев⁵).

Тем не менее, аутсайдеры так и остались аутсайдерами, что говорит о том, что эта внутренняя угроза национальному развитию США, далеко не снята. События 1992 года в Лос-Анджелесе (доклад о которых для президента США, еще в 1998 году не был готов), говорят о том, что полиэтничность и для такой страны как США, не то ограничение, с которым нельзя не считаться.

Сомнительно, что квотный принцип для Казахстана может быть реально использован. Скорее всего, он породит новые проблемы, не разрешив старых. Да и, в целом, опыт США вряд ли применим во всей полноте, вследствие его уникальности. Тем не менее, он чрезвычайно ценен для полиэтничных государств, подобных Казахстану, поскольку дает представление о пределах возможностей государственной политики в этно-социальной и этно-экономической сферах, в условиях политической демократии.

§6. Направления национального развития

Конечный успех пути национального развития страны решающим образом зависит от правильности выбора направления этого развития. В свою очередь выбор направления базируется, в своей глубинной основе, на культурно-цивилизационных ориентациях страны. Ориентации же эти во многом замешаны на этнических

особенностях групп людей, составляющих население. Основываясь, в том числе, на вышеприведенном анализе, можно сказать, что главной результирующей (синтезируемой не аддитивно, но на основе синергии составляющих, отфильтрованной через ограниченный набор реальных альтернатив) ориентацией полиэтнического населения Казахстана, является современная европейская (западная) ориентация. Как "южная" (теократическая исламская), так и "восточная" (китайская) почти в равной степени ему чужды. Равно, как и православная (изоляционистская) цивилизация, на возвращении в лоно которой настаивают определенные политические и культурные круги в России.

Оговоримся, что ориентации, о которых идет речь, означают, прежде всего, устойчивый комплекс условий и ограничений, в рамках которых принимаются политические и социально-экономические решения, придающие им определенные технологические, типологические (соответствующие ориентациям) формы⁷.

При всей сложности определения и выбора ориентаций, более или менее очевидно, что слишком длительный выбор главной ориентации лишь уменьшает ресурсы, в первую очередь временные, поскольку окружающий, существенно конкурентный мир, отнюдь, не стоит на месте.

Что касается рассуждений о конфликте цивилизаций, в духе Сэмюэла Хантингтона⁴, то этот конфликт может развернуться, и уже отчасти разворачивается не между христианами и мусульманами Казахстана, не между русскими и казахами (и другими исламскими этносами), а прежде всего внутри казахского этноса, в его сложно стратифицированном этно-социальном пространстве. Что вовсе не означает, что в этот конфликт не будут вовлечены другие стороны, в случае его полного развертывания.

В настоящее же время отсутствие единых представлений об общем будущем у этнических и социальных групп является одной из главных причин промедления с окончательным выбором Казахстаном главной культурно-цивилизационной ориентации и, следовательно, направления национального развития. В этих условиях решающая роль по-прежнему остается за государственной властью и на нее же будет возложена основная ответственность за неверные выборы или неадекватные пути их реализации.

Отсюда непосредственно следует вывод о том, что полиэтничность населения Казахстана, в своих структурных формах, существенно ограничивает и одновременно направляет национальное развитие страны, тем самым уточняя контекст ресурсов и ограничений системы обеспечения национальной безопасности. То есть она является условием, которое в совокупности с другими контекстными условиями может, как ограничивать процесс национального развития, так и стимулировать его дополнительным ресурсом.

В заключение сформулируем несколько итоговых выводов.

1. *Главным фактором* препятствующим выбору страной, наиболее адекватной ее культурно-цивилизационному типу, ориентации развития (и тем самым препятствующим национальному развитию), является сложившийся к настоящему времени тип этно-социальной структуры казахского этнического компонента РК.

Причем основаниями для такого результата являются не какие-либо специфические этнические черты казахов, а результаты советского периода их истории, мультиплицированные социально-экономическими последствиями реформ периода независимости.

2. *Вторым по значению фактором* препятствующим национальному развитию являются супраинтегративные интенциональные установки большей части русского населения Казахстана в отношении России, которые интенсифицируются *главным фактором*.

И здесь дело не в этнических особенностях русских, а в той политике этнической экспансии, который проводил советский режим в отношении, как тогда говорили, "малых народов", через русский этнический компонент, и его реакции на изменение форм взаимоотношений бывшей автономии и федерации (реальный СССР был федерацией), последовавших за формальным распадом и фактической сецессией. Основной составляющей данного фактора, таким образом, является этно-политическая компонента политической составляющей.

3. *Третьим фактором, потенциально* способным стать препятствием национальному развитию страны, является увеличивающийся, в абсолютном и относительном измерениях, "южный" этнический компонент населения Казахстана. *Однако станет ли он таким, зависит от того, насколько будут элиминированы два первых фактора.*

4. *Перечисленные факторы* не были бы столь критичны с точки зрения национального развития, если бы государство не встало на пути начавшегося в период премьерства С.Терещенко, и, в основном, завершено в период А.Кажегельдина, процесса создания и легитимации больших капиталов, или хотя бы серьезно его ограничило.

Для новых независимых государств, кроме выбора адекватной культурно-цивилизационной ориентации пути национального развития, важнейшей целью является ориентация на *современное* (в первую очередь - социально-экономическое, генерирующее определенный тип социального расслоения) состояние государств и обществ, составляющих субстратную основу, выбранного в качестве ориентира, культурно-цивилизационного ареала. В ином случае догоняющая модернизация лишается своего смысла, и государство и общество движутся в обратном, основному (нельзя не признать - турбулентному) мировому потоку, направлении⁷. Поскольку, понятие национальное развитие имеет также и соотносительное измерение,

движение страны превращается не в развитие, а в регресс, сопряженный с отставанием. В существенно конкурентном мире общим итогом, тогда, является все более снижающийся уровень национальной безопасности страны. При этом уровень ограничений системы обеспечения национальной безопасности возрастает, а уровень ресурсов падает. При отсутствии принципиальных корректировок, общий процесс, в зависимости от иных внутренних и внешних условий, последовательно приведет к невозможности решения системой обеспечения национальной безопасности задач, для которых она предназначена.

Таким образом, можно сказать, что процесс обеспечения национальной безопасности страны параллелен и адекватен процессу национального развития. И если ориентиры национального развития выбраны неверно, либо этот процесс осуществляется в неадекватных технологических формах, то и процесс обеспечения национальной безопасности не будет результативным.

Завершая изложение, хотелось бы, учитывая определенную напряженность, а в иных случаях, болезненность для восприятия, некоторых обсуждаемых здесь тем, подчеркнуть, что данная статья отнюдь не является упражнением в области моральной философии, социальной риторики или экзальтированных этно-политических, этно-демографических и этно-религиозных дискуссий. Максимальное освобождение от личных пристрастий для автора, также было одним из критериев при ее написании.

¹ Джилас М. Новый класс // Лицо тоталитаризма. М., 1992.

² Вердяев Н. Истоки русского коммунизма. М., 1990.

³ Утопия в истории социальных идей // УТОПИЯ и утопическое мышление. Часть вторая. М., 1991. С. 113-210.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги). Московский Центр Карнеги. 1997.

⁵ Касенов У., Жусупов С., Айткалиев Р., Мустафаев Н. Потенциальные этноконфликты в Казахстане и превентивная этнополитика. Алматы, 1997.

⁶ Айткалиев Р. Взаимовлияние потенциальных социальных и этнических конфликтов // КАЗАХСТАН-СПЕКТР, № 2 (8), 1999. С. 51-66.

⁷ Айткалиев Р. Тулики и перспективы политической системы Республики Казахстан // КАЗАХСТАН-СПЕКТР, № 4 (10), 1999. С. 107-129.

⁸ Стэнфилд Рошел Л. Смешанное население Америки // США: ОБЩЕСТВО И ЦЕННОСТИ. Том 4, № 2, июль 1999. Информационное агентство США.

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ, КОНФЛИКТЫ И МЕХАНИЗМ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Надыров Ш. М.

Бердыгулова Г. Е.

Латыпаев Ш. Т.

Глубокий экономический кризис, охвативший новые независимые государства Центральной Азии, породил комплекс серьезных проблем, в том числе, связанных с совместным использованием водных ресурсов.

Ухудшилось состояние систем водораспределения, как для хозяйственно-питьевых, так и для поливных нужд. В результате возросла уязвимость для загрязнения многих поверхностных источников воды. Усилился риск для здоровья населения в связи с употреблением некачественной воды. Использование в регионе открытых водоемов, потребление воды из оросительных каналов привело к увеличению инфекционных заболеваний, особенно у детей. Правительства Центрально-азиатских стран сегодня не имеют достаточных средств для реконструкции систем водоснабжения.

Проблемы совместного использования водных ресурсов трансграничных рек для РК, в частности для Южно-Казахстанской и Кызылординской областей, имеет не только решающее экономическое, но и огромное экологическое, политическое и международное значение, что предопределено ролью водных ресурсов в экономике стран центрально-азиатского региона (ЦАР). Отсутствие общей правовой базы совместного использования водных ресурсов, опора на национальные интересы в странах ЦАР, неадекватность и разноуровненность экономических реформ уже накопили достаточный конфликтный потенциал, дальнейшее развитие которого может вызвать резкое обострение межгосударственных взаимоотношений стран ЦАР. Дело в том, что на конфликтные ситуации в основе которых лежит совместное использование водных ресурсов, будут накладываться межэтнические, территориальные и другие проблемы и их суммарный потенциал может привести к трудноразрешимым последствиям.

Безотносительно, к вышеизложенному в результате затягивания решения проблем совместного использования водных ресурсов уже возникли угрозы в частности для Южно-Казахстанской и Кызылординской областей, исключаящие их нормальное развитие. Это следующие:

1. Аральская проблема - признанная мировым сообществом как глобальная экологическая катастрофа, главной из причин которой стал бесконтрольный водозабор из русел рек Сырдарья и Амударья. Ее последствиями стали:

- вынос солей и пыли с осушенного дна Арала;
- опасное загрязнение пестицидами и засоление Сырдарьи;
- поднятие уровня грунтовых вод и разрушение строений;
- снижение плодородия почвы и деградация пастбищ;
- утрата генофонда растительного и животного мира;
- ухудшение условий жизни и здоровья населения;
- рост уровня общей и детской смертности.

2. Агропромышленный комплекс Казахстана в бассейне Аральского моря потребляет 93-95% всех используемых водных ресурсов региона и является, таким образом, тем сектором экономики, состояние и нужды которого определяют водную политику и направленность водохозяйственного комплекса.

Сельскохозяйственные угодья бассейна Аральского моря составляют порядка 23 млн. га, или около 65% общей территории региона и представлены в основном пустынными естественными пастбищами. Мелиоративный фонд - около 9 млн. га земель различного качества. Фактический орошаемый земельный фонд региона составляет 786 тыс. га (1994 год), или 8.7% пригодных к орошению земель.

Качество поверхностных водных источников в связи с интенсивной хозяйственной деятельностью характеризуется как весьма неудовлетворительное. Вода р. Сырдарьи не пригодна для питьевых и рыбохозяйственных целей, при орошении необходима почти повсеместная профилактика почв от засоления. Вода, поступающая из Узбекистана, имеет минерализацию 1,1-1,2 г/л, по химическому составу - из более 40 ингредиентов, вода отвечает нормативам лишь по 50% показателей.

Коллекторно-дренажные воды характеризуются соленостью от 1,5-3,0 г/л в вегетацию до 5-12 г/л в осенне-зимний период, не отвечают требованиям хозяйственно-бытового использования и при повторном использовании для орошения требуют многократного разбавления.

3. Значительное ухудшение экономических и экологических условий жизни в период с 1990 по 1995 гг. существенно изменило демографическую ситуацию в регионе. Среднегодовые темпы прироста населения снизились с 2,7% до 0,8%. Возросла смертность, уменьшилась рождаемость, усилилась миграция населения, отток населения составил до 10-15 тыс. человек в год, в том численность населения в этот период снизилась на 50 тыс. человек.

Социально-бытовые условия жизни населения региона даже до экономической перестройки характеризовались как самые низкие в республике. Спад промышленного и сельскохозяйственного производства,

а также резкое ухудшение экологической обстановки в последнее десятилетие еще более усугубили положение людей и социально-экономическую ситуацию.

Крайне неудовлетворительно обстоит дело с обеспечением продуктами питания. Здесь производится продукции на душу населения в 1,5-2 раза ниже рациональной потребности.

Доходы населения, в связи с преобладанием доли занятых в низкорентабельном сельском хозяйстве, являются одними из самых низких в республике.

Отсутствие питьевой воды надлежащего качества и низкий уровень благоустройства привели к тому, что водоснабжение многих населенных пунктов региона стало острой проблемой. Уровень водопотребления на питьевые и коммунально-бытовые нужды составляет в городах от 120 до 200 л./сут. на человека, во многих сельских населенных пунктах - от 20 до 80 л./сут. на человека. В большинстве населенных мест региона отсутствуют канализационные системы, низок уровень очистки сточных вод.

Интенсивное хозяйственное использование территории и низкий уровень благоустройства привели к резкому ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки и условий проживания. Появились очаги хронических инфекционных, сердечно-сосудистых и других заболеваний. Пестицидезией охвачено все население прибрежной зоны Арала и 50-60% обследованных в остальной зоне Приаралья. Резко возросла смертность населения, особенно в детском возрасте.

В целом, по комплексной экологической и социально-экономической оценке, с учетом низких доходов населения, безработицы, заболеваемости и смертности людей, уровень жизни и благосостояния населения региона характеризуются как самые низкие в республике.

Необходимо отметить, что при современной системе водопользования РК несет огромный экономический и экологический ущерб, который составляет более 43 млн. долл. США ежегодно. Сложилась ситуация при которой недостаточно учитываются взаимные интересы.

В сложившейся ситуации в регионе решение широкого спектра межгосударственных экономических взаимоотношений, предполагает формирование системы отношений, где определенное место было бы отведено и совместному использованию водных ресурсов. Однако, разный уровень экономического развития, и неодинаковые подходы к одним и тем же проблемам, а также существующие экономические, политические противоречия пока исключают возможность создания такой системы. Поскольку водные ресурсы составляют основу экономического благополучия стран ЦАР, причем речь идет не только о количественном перераспределении воды, а главным образом, об экономических интересах, то создание механизма экономических взаимоотношений по совместному использованию водных ресурсов

и его реализация могут избавить страны ЦАР от серьезной угрозы, которая может привести не только к экологической но и экономической катастрофе.

При разработке соответствующих принципов по совместному использованию и охраны водных ресурсов р. Сырдарья, на наш взгляд, исходным положением является нахождение общих точек соприкосновения. Чтобы достичь этого необходима объективная оценка факторов, которые заставят сделать выбор совместного использования водных ресурсов региона и предпосылок при которых государства могут прийти к принципиальным соглашениям. По мнению большинства специалистов стран ЦАР ведущими факторами выступают следующие: электроэнергетика, сельское хозяйство, промышленность и Аральская проблема.

Совмещение интересов государств бассейна Сырдарья, определяет те принципы, которые должны лечь в основу экономической модели совместного использования и охраны водных ресурсов. Вместе с тем нельзя игнорировать административные методы, если их цели, задачи и направленность отвечает соответствующим требованиям стран ЦАР. Однако, в основе межгосударственного механизма должны лежать рыночные, уровень развития которых в странах ЦАР пока еще не высок и до поры и времени административные методы межгосударственного механизма вынуждены выступать дополнительными элементами, функции которых с развитием рыночных отношений будут трансформироваться в сторону отмирания.

Исходя из этого одним из стрессовых задач в создание межгосударственного механизма экономических взаимоотношений (ММЭВ) является нахождение приемлемого на данный момент оптимального соотношения между административными и рыночными методами управления и регулирования по совместному использованию и охране водных ресурсов. Оно должно основываться на том, что водные ресурсы Сырдарья представляет собой комплекс сложных гидроэнергетических и гидротехнических систем и водных объектов, требующих специальных структур по обеспечению их совместного функционирования в тесной взаимосвязи со всеми отраслями хозяйства на территории Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана.

Основные административные рычаги - лимитирование забора свежей воды, безвозвратного водопользования и сброса загрязняющих веществ хозяйствующими субъектами всех организационно-правовых форм должны быть едиными для всех стран ЦАР.

Лимиты и платы за водным ресурсы должна явиться органически взаимосвязанными элементами механизма экономических взаимоотношений по совместному использованию и охраны водным ресурсам р. Сырдарья. Причем, механизм платы за водные ресурсы, безотносительно стран ЦАР, должны устанавливаться на следующих

принципах: платит тот, кто наносит ущерб водным объектам, пользуясь ими для забора воды на хозяйственно-питьевые, производственные, транспортные, энергетические и другие нужды и для добычи полезных ископаемых, плата поступает в бюджет и расходует исключительно на восстановление и охрану водохранилищ и защиту их от вредного воздействия; равная экономическая ответственность субъектов на территории стран ЦАР, находящихся в пределах бассейна Сырдарья, за несоблюдение согласованных норм, правил, нормативов, регламентирующих региональные водохозяйственные отношения, совместного финансирования общеканальных работ по восстановлению и охране водных объектов; экономическое сотрудничество стран ЦАР в чрезвычайных ситуациях и при предотвращении трансграничного ущерба окружающей среде.

Принципы и механизмы экономического регулирования и стимулирования рационального водопользования ресурсов Сырдарья, а также возмещение ущерба, причиненных нарушением законодательства РК должны опираться на: межгосударственные договоры и соглашения, в основе которых должны лежать гарантийные попуски воды для Малого Арала и это не должно осложняться взаимными платежами; эквивалентные затраты, с одной стороны затраты РК на территории Кыргызстана и Узбекистана с целью улучшения качества воды, должны компенсироваться поставкой воды из этих государств, с другой стороны поставки недоброкачественной воды в РК должны компенсироваться Кыргызстаном и Узбекистаном. Вместе с тем Казахстан должен взять на себя обязательство гарантировать необходимые попуски воды по Сырдарье из Узбекистана и Кыргызстана и, таким образом, обеспечить поступление ее в Малый Арал.

Безусловно, часть этих функций должно стать прерогативой отдельных стран, а другая часть Межгосударственного Совета. Последняя, занимающаяся разработкой различного рода соглашений, договоров, резолюций и т.д., при решении проблем в основном делает акцент на политические методы. Однако, уже на этом этапе необходимо подкрепление политических решений конкретными экономическими мерами на основе целевого финансирования. По нашему мнению, необходимо, создать межгосударственный банк по решению проблем совместно использования трансграничных рек (МБТР) ЦАР.

Вышеуказанные экономические принципы могут быть реализованы лишь в случае выполнения субъектами водопользования норм и правил, создаваемого Международного водно-энергетического консорциума, который должен осуществлять мониторинг, регулирование и контроль рационального водопользования. При этом все финансовые операции должны проводится через МБТР.

Предположительно банк создается на базе долевого участия стран ЦАР, средств вносимых юридическими и физическими лицами стран ЦАР и помощи международных организаций и будет функционировать

совместно с международным водно-энергетическим консорциумом. Деятельность банка будет заключаться в финансировании проектов комплексной реконструкции гидротехнических сооружений на территории стран Центрально-Азиатского региона, кредитовании агропромышленного комплекса и проектов направленных на повышение эффективности использования водных ресурсов.

Синтетическим показателем эффективности функционирования Межгосударственного Совета и его структур, в том числе межгосударственного банка по совместному использованию водных ресурсов и международного водно-энергетического консорциума должны выступать позитивные изменения ситуации в Аральском регионе и в бассейне р. Сырдарья в целом. Причем конкретным выражением их деятельности должны явиться качественные и количественные параметры воды поступающей в пределы Республики Казахстан.

Экономические аспекты межгосударственных отношений по совместному использованию водных ресурсов трансграничных рек являются отражением уровня развития, становления и частью экономических взаимоотношений между Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном. Анализ экономической эффективности межгосударственных и межведомственных договоров и соглашений по вопросам использования и охраны водных ресурсов показывает, что процесс перехода от противостояния друг другу к конструктивизму, т.е. к сотрудничеству происходит в исключительно сложных условиях.

При разработке принципов компенсационных затрат нельзя смешивать межгосударственные и межхозяйственные отношения. В первом случае имеется ввиду заключение межгосударственных, межправительственных соглашений, договоров и т.д. регламентирующих условия межхозяйственных отношений. Во втором - о компенсационных затратах хозяйствующими субъектами одного государства хозяйствующим субъектам другого государства, в соответствии с межхозяйственными соглашениями, договорами. Погашения долгов хозяйствующих субъектов не входит в функции государства и поэтому не может быть включено в расходную часть бюджета государства.

Отсюда вытекает, что принципы механизма экономических взаимоотношений должны базироваться в четком, согласованном правовом поле, которое не противоречит внутреннему законодательству государств, и на экономически взаимовыгодном сотрудничестве хозяйствующих субъектов разных стран.

В Республике Казахстан вследствие развития рыночных отношений и проведения реформ и приватизации фактически отсутствует государственная собственность в сфере добывающей промышленности и ТЭК. Отсюда неспособность правительства Казахстана выполнять требования Кыргызской Республики по закупке электроэнергии поставками угля. Вместе с тем нельзя забывать, что в Республике Казахстан практически не сформированы рычаги и методы

государственного управления по межотраслевому перераспределению ресурсов и особенно продукции и услуг. В результате в Казахстане уже разрушен старый механизм межотраслевого перераспределения ресурсов и продукции, и пока не сформирован новый рыночный.

Рассмотрим схему перераспределения ресурсов, действовавшую в бытность СССР. Обе республики подчинялись Центру. Потоки товаров и услуг определялись нормативами, устанавливаемыми Центром. Аналогично определялись денежные потоки, направляемые в Кыргызскую ССР на развитие и функционирование гидротехнических сооружений. Средства водопользователей аккумулировались в Центральном банке и ими, также, распорядился Центр. Такая система имела большой плюс - межреспубликанские отношения никогда не обострялись, так как за объем и время потоков отвечал Центр. В тоже время, административные методы управления показали свою полную несостоятельность и непригодность для управления сложными, а тем более сверхсложными системами. Ярким примером этого может служить Аральская проблема.

Рассмотрим элементы, сохранившиеся после распада СССР. Это государства, потоки товаров и услуг, в которых они нуждаются. Но при этом необходимо учитывать, что уровень развития республик неодинаков, кроме того пути развития, реформы и методы их претворения в жизнь также отличаются. В Кыргызской Республике основные потребители и поставщики товаров и услуг сохранили старый вид собственности - государственный. В Казахстане ситуация прямо противоположная - основной вид собственности частный или частный с небольшой государственной долей. В связи с этим, у государства нет возможности выполнить принятые на себя обязательства по поставке угля взамен попусков воды для ирригационных нужд или электроэнергии, в силу отсутствия средств в бюджете обеспечить нормальную работу государственных шахт. Что касается электроэнергии, то в Казахстане уже сформировался рынок электроэнергии с единственным поставщиком и множеством неплатежеспособных потребителей, и выход на него кыргызским энергетикам закрыт.

Сформулируем основные функции, стоящие перед новой схемой перераспределения ресурсов:

1. Возможность выполнения межгосударственных соглашений без директивного вмешательства правительства;
2. Оперативность выполнения заказов и их общая направленности в соответствии со стратегией МВЭК;
3. Создание дополнительного источника финансирования больших проектов, направленных на улучшение ситуации в бассейне р. Сырдарья;
4. Аккумуляция средств поступающих от водопользователей бассейна р. Сырдарья и их целевое размещение;

5. Простота межгосударственных расчетов;
6. Возможность оперативного выражения различных поставок товаров и услуг в стоимостной форме;
7. Минимизации межгосударственных денежных потоков;
8. Оптимизации выбора или размещения ресурсов на внутреннем рынке РК.

Советом Премьер-министров Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан утверждено Положение о международном водно-энергетическом консорциуме (МВЭК), в котором определены цели, задачи, структура, функции и обязанности Консорциума и принято решение о подготовке проекта Договора и учредительных документов.

Данное Соглашение является рамочным, рассчитано на перспективу до 5 лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, к нему могут присоединиться и другие государства (статья 12, 13).

В настоящее время Республика Таджикистан уже прошла процедуры по присоединению к данному Соглашению.

Итак, основная структура, отвечающая за межгосударственное взаимодействие, уже создается. Соответственно на плечи МВЭК ложится выполнение двух первых функций. Для исполнения технической функции по управлению капиталами в рамках МВЭК, мы предложили МБТР, и про его функции было сказано выше. Таким образом, остаются четыре последние функции не обеспеченные соответствующей структурой. Все эти функции можно решить в рамках простого межгосударственного клиринга. По определению клиринг - это обеспечение равенства товарных поставок и платежей между двумя странами и их ежегодное сбалансирование. Необходимо отметить что, сальдо клирингового счета, выявляет несбалансированность товарооборота и покрывается страной-должником способом и в сроки, обусловленные соответствующим межгосударственным договором.

По нашему мнению, создание Клирингового Центра РК по перераспределению ресурсов бассейна р. Сырдарья, который возьмет на себя эти последние функции будет наилучшим решением поставленной проблемы.

Как видно из схемы (см. Схему 1.) Клиринговый Центр управляет движениями средств на клиринговом счете РК в МБТР, в соответствии с запросами из МВЭК и отраслей промышленности РК. Все потоки товаров, услуг и финансовых средств в рамках МВЭК и согласно межгосударственных соглашений и договоров учитываются Клиринговым Центром в стоимостном выражении и определяют сальдо клирингового счета РК в МБТР. Средства, поступающие от водопользователей казахстанской части бассейна р. Сырдарья поступают в государственный бюджет республики. Часть этих средств, поступающих как плата за доставку воды по территории Казахстана,

остается у государства. Из остатка Казахстан выплачивал в пользу Кыргызстана компенсационные расходы на содержание гидротехнических сооружений. Мы предлагаем эти средства также аккумулировать на клиринговом счете в МБТР. Все средства на клиринговом счете направляются, в зависимости от запросов МВЭК, на приобретение угля, выплату компенсационных затрат по содержанию гидротехнических сооружений Нарын-Сырдарьинского комплекса, финансирования закупок электроэнергии на возвратной основе у кыргызской стороны. При этом хозяйствующие субъекты других республик работают только с МВЭК и МБТР. При этом предлагаемая схема является универсальной. Как видно из полного варианта схемы, включение дополнительных элементов лишь немного усложнило восприятие, но не изменило количества межгосударственных потоков Республики Казахстан.

Так, например, в соответствии с межгосударственными соглашениями Кыргызская Республика поставляет попуски доброкачественной воды по р. Сырдарье для ирригационных нужд Казахстана в размере X км³. Объем этого попуска отмечается в Клиринговом Центре. В ответ Кыргызстану необходимо получить У тонн угля для работы ТЭЦ в зимний период. Клиринговый Центр на средства, имеющиеся в его распоряжении на клиринговом счете, закупает уголь и отправляет его по назначению.

Предлагаемая схема должна обеспечить реальный сбалансированный товарооборот в рамках МВЭК, и в конечном счете разрядить напряженную ситуацию в регионе.

Литература

1. Материалы Круглого стола по вопросам регионального использования водно-энергетических ресурсов, Иссык-Куль, Кыргызская Республика 1999 г.
2. Отчет "Проблемы регулирования, управления и охраны водных ресурсов трансграничной р. Сырдарья. (к выработке позиции Республики Казахстан по проблемам рационального использования и управления водными ресурсами р. Сырдарья)". КИСИ при Президенте РК, 1999.
3. Авакян А.Б., Салтанкин В.П., Шарипов В.А., Водохранилища, М.: Мысль, 1987. 325 с. ил. (Природа мира).
4. Каргажанов З.К. Проблемы рационального использования природно-ресурсного потенциала Республики Казахстан. С. 123-130, Сборник по результатам научно-практической конференции "Стратегия развития Казахстана на период до 2030 года и реформирование национальных производительных сил". Стратегия развития Казахстана и реформирование национальных производительных сил, Отв. Ред М.Б. Кенжегузин, Алматы, Институт экономики МН-АН РК, 1998. С. 272.

Схема 1. Схема перераспределения ресурсов в СССР

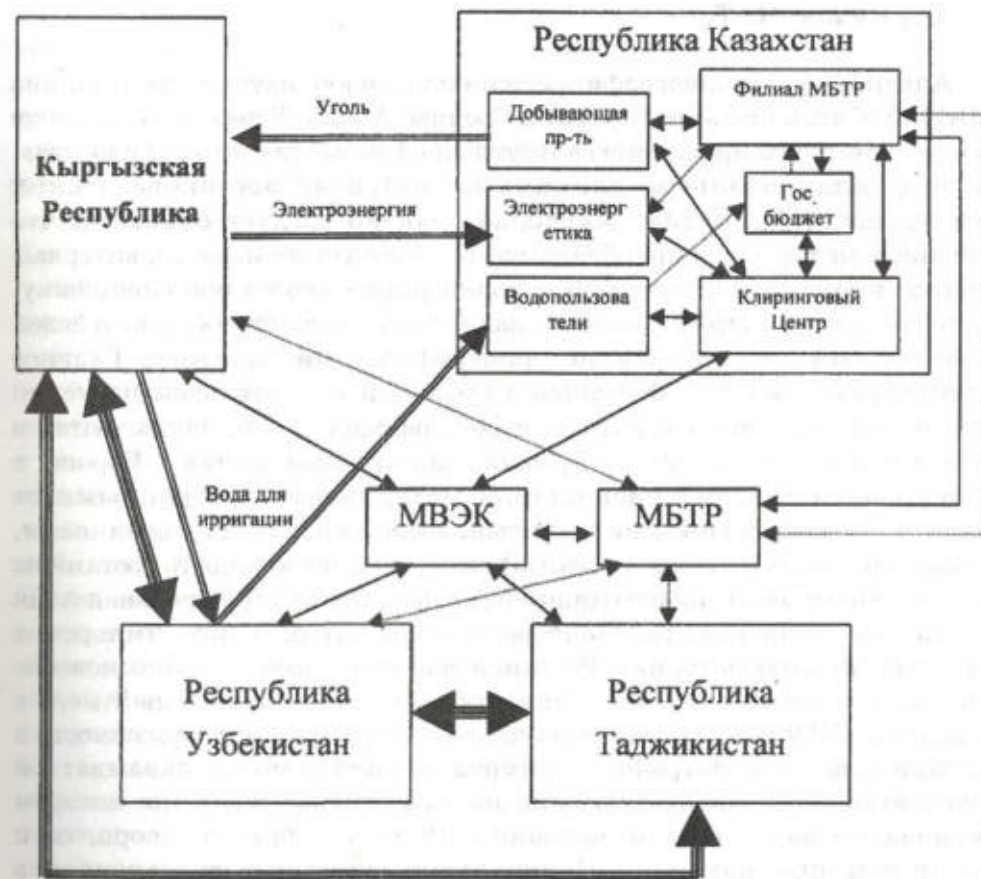
Новая схема перераспределения ресурсов (упрощенный вариант)

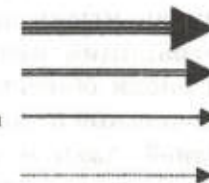
Потоки товаров и услуг
 Управляющие и информационные потоки
 Денежные потоки

Новая схема перераспределения ресурсов (полный вариант)

Межгосударственный Товарооборот
 Потоки товаров и услуг
 Управляющие и информационные потоки
 Денежные потоки

АНГЛИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И ИЗУЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Лаумулин М. Т.

Английская историография, сложившаяся как научная дисциплина в XIX-XX вв. в процессе изучения Средней Азии и Казахстана, а также более обширного пространства Внутренней Азии, достаточно известна, и ее фундаментальное влияние на развитие востоковедческих исследований на Западе бесспорно. Однако следует отметить, что английская традиция приобрела со временем устойчивые характерные черты, которые придали этой историографии особенную специфику, которую можно охарактеризовать как национальное своеобразие и даже, в некотором смысле, как историографический парадокс. Главное противоречие, которое бросается в глаза при внимательном изучении британской традиции в изучении Центральной Азии, заключается в том, что английская историография, как никакая другая в Европе, в наибольшей степени располагала материалами, собранными ее многочисленными агентами (купцами, военными, путешественниками, разведчиками, собственно учеными), что давало возможность достаточно детально описывать происходящее в регионе. Однако Центральная Азия стала тем регионом, где непосредственно столкнулись имперские интересы Великобритании и России, и вошли в прямое соприкосновение их колониальные империи. Таким образом, уже по меньшей мере с середины XIX в. возникла устойчивая антирусская направленность в английской историографии, которая зачастую могла оказывать и оказывала искажающее влияние на объективное изучение истории региона, ее народов и их отношений с Россией. Образно говоря, если французы при изучении Центральной Азии руководствовались симпатией и искренним научным интересом, то англичане в Средней Азии действовали из своей антипатии к России и своих прагматических интересов. Конечно же, данная мысль является в какой-то степени преувеличением, но эта традиция отчетливо прослеживается в английской историографии эпохи британской экспансии на Среднем Востоке и существования Британской империи в Азии; она усиливается после трансформации Средней Азии в советские республики и не прекращается после ухода Великобритании из своих азиатских колоний. И уже в XX в. эта традиция нашла свое продолжение в англоязычной историографии по западную сторону Атлантики. И несмотря на это, а возможно и во многом благодаря этому, значение английских исследований и их вклад в изучение Центральной Азии бесспорны, а британская историография эпохи классической ориенталистики остается выдающимся феноменом.

В средние века одним из первых англичан, оставивших письменное описание Центральной Евразии, был Роджер Бэкон (XIII в.). Бэкон упоминает "Команию" - половецкую степь, дает ее историческую и географическую характеристику, излагает политические и этнические изменения в регионе от междуречья Дона и Волги и далее к востоку вплоть до Семиречья ("государство канглов"). Историко-географическийopus Бэкона был типичной компиляцией, характерной для средневековья, и в дальнейшем английские авторы еще длительное время пользовались итальянскими, французскими и испанскими источниками, а также переводами источников с латинского и арабского языков. И только в XVII в. англичане получили возможность получать сведения об Азии из первых рук благодаря торговой активности своих соотечественников на Востоке¹.

Энтони Дженкинсон открыл длинный список английских путешественников, посещавших казахские степи и среднеазиатские оазисы, дважды проехав из России в Иран в 1558-1559 и 1562-1563 гг. В его "Дневнике" степи восточнее Урала названы "Казахией"; здесь же помещены материалы этнографического характера о казахах, а также по политической истории Южного Казахстана и среднеазиатских ханств той эпохи. Так же как и Дженкинсон, по делам английской Московской компании в областях восточнее Урала побывали Ричард Джонсон (1565-1567), Артур Эдвардс и Лоренс Чэпмэн (1568), Энтон Марш и Френсис Черри (1587). Несколько позднее все эти материалы были помещены в т.н. "Геклейтовском сборнике" - собрании документов, описаний, дневников и записок различных английских путешественников, которые составлял, но не завершил Ричард Хэклайт (Геклейт) в 1598-1660 гг. (*The Principal Navigations, 1598-1660*). В 1625 г. Самюэль Пэрчас издал расширенный вариант сборника (переиздан в 20 томах в 1905 г. в Англии и в 1965 г. в США), который охватил все известные тогда европейские путешествия в период с VI по XVII вв. Опубликование материалов путешествий способствовало появлению таких историко-философских трактатов как "О вероятном происхождении татар" Дж. Флетчера (написан в конце XVI- начале XVII вв., издан в 1677 г.; *Fletcher, 1677*) и "Краткая история Московии..." Дж. Мильтона (1682), где были сделаны попытки дать исторический, политический и этно-географический абрис обширных территорий, населенных тюркскими народами Урала, Поволжья, Сибири и Центральной Азии.

В XVIII в. первым британцем, посетившем центральноазиатский регион стал шотландский врач Джон Белл, поступивший на русскую службу в 1714 г. и принявший участие в посольской миссии А. Волынского в Иран в 1715 г. В своих воспоминаниях (1747) Белл оставил сведения о русской авантюре с экспедицией в Хиву и ее гибели. Белл побывал также в Сибири и дал описание Семипалатинска ("Семь Палат"). Непосредственно на территории, населенной казаками,

в течение четырех лет работал Джон Элтон в составе сначала Оренбургской экспедиции, а затем Оренбургской комиссии (1734-1738). Элтон посетил и внимательно изучил большую часть территории Младшего жуза. Плоды его деятельности и многочисленных расспросов местных жителей, карты поволжских и приуральских областей и официальная переписка с руководством экспедиции содержат большой фактологический материал о Западном Казахстане первой трети XVIII в. Это были первые годы после формального признания некоторыми родами Младшего жуза российского протектората, и естественно, что фигура Абулхаира и возглавляемый им жуз были в это время объектом нарастающего внимания. Этот интерес отразился в "Дневнике" (Журнале) Джона Кэстла, другого участника Оренбургской экспедиции, посетившего в 1736 г. ставку Абулхаира в Приаралье. Миссия Кэтла носила не только познавательный, но и разведывательно-политический характер. В "Дневнике" Кэтла (1741) содержатся чрезвычайно важные и подробные сведения о ситуации в степи, общественной жизни казахов, природе региона, политическом окружении Абулхаира, уровне военного дела у казахов того периода, этнографические зарисовки быта, психологии и обычаев казахов той эпохи (Castle, 1784). Дневник был издан в 1784 г. в Риге вместе с добавлениями и иллюстрациями автора.

Среди английских купцов, активно действовавших в Западном Казахстане и торговавших со среднеазиатскими ханствами, был также Рейнолд Хоуг, предпринявший в 1740-1741 гг. путешествие из Оренбурга в Хиву и Бухару. Помимо сведений, имевших коммерческое значение, Хоуг собрал материалы о политических отношениях в регионе между казахами, хивинцами, джунгарами, каракалпаками и их отношениях с русскими и перспективах российской политики в Средней Азии. В 1744-1748 гг. другой британец, шотландский врач Джон Кук также участвовал в посольстве М.Голицина в Иран. Кук оставил в своих воспоминаниях сведения географического и этнографического характера о Западном Казахстане (1770). Все воспоминания, материалы, дневники, записки и карты были обобщены Дж.Хэнвеем (Ганвей), который начал собирать материалы своих соотечественников для собственного путешествия в Иран (1743). Его "Исторический отчет о Британской торговле через Каспийское море" (Hanway, 1758) представляет собой коллективный труд английских авторов первой половины XVIII в., видевших и описавших жизнь казахов, и подводит черту под деятельностью англичан в ирано-каспийском регионе в этот период.

Следует отметить, что активность Англии в Азии далеко не ограничивалась Средним Востоком и ирано-среднеазиатским регионом. Помимо Персии английский коммерческие и стратегические интересы были направлены в сторону Индии и Китая. Еще в 1533 г. имела место экспедиция Виллоби и Ченслера в Китай. В XVII - первой половине

XVIII вв. английское присутствие в морях, омывающих Азию, становится постоянным, а во второй половине XVIII в. Англия прочно утверждается на Индостанском субконтиненте. Разнообразная по своему характеру деятельность британцев на востоке имела своим следствием появление - помимо собственно английских сочинений о восточных странах и народах - многочисленных рукописей, оригиналов произведений средневековых восточных авторов. Все эти факторы настойчиво подталкивали к созданию в Англии академической ориенталистики, развитию учебной и исследовательской базы востоковедения. В 1636 г. по инициативе архиепископа Лодского было введено преподавание арабского языка в университете Оксфорда; первым профессором этой кафедры стал Эдуард Покок. В 1700 г. там же в Оксфорде увидел свет первый крупный академический труд о Востоке на латинском языке, принадлежавший перу Т.Хайда, который использовал значительное количество арабских и персидских источников (Hyde, 1700).

Утверждение англичан в Индии, по словам В.Бартольда, имело серьезное значение для востоковедения². Можно расшифровать данный тезис таким образом, что английское присутствие здесь положило начало индологии, изучению санскрита, подтолкнуло иранистику и центральноазиатские исследования и в перспективе способствовало созданию и развитию собственной индостанской историографической школы. В таком духе следует рассматривать основание в 1784 г. Бенгальского Азиатского общества в Калькутте, которое способствовало, с одной стороны, интенсификации английских исследований в Азии, а с другой - развитию в Британской Индии историографии европейского толка. Из Индии англичане более активно действовали в Иране. Так, являвшийся в течение долгого времени послом британской Ост-Индской компании в Иране Дж.Малькольм имел результатом своей миссии не только дипломатический и политический успех Англии, но и серьезный научный труд - "История Персии с древнейших времен до наших дней" (1815), в котором затрагиваются проблемы среднеазиатской истории, так тесно связанной на протяжении столетий с иранской. Эту взаимосвязь и общность исторических судеб Ирана и лежащих к северу от него территорий сумел передать в своей работе английский дипломат (Malcolm, 1815).

Присутствие Англии в Индии влияло самым непосредственным образом на ее активность в Центральной Азии: англичане должны были быть уверены, что их владения в Индии гарантированы от какой-либо угрозы извне. К середине XIX в. стало очевидно, что такая угроза может исходить только от Российской империи. Вот почему в течение всего XIX в. и вплоть до начала XX в. практически все экспедиции, организованные англичанами из северных районов Индостана в Центральную Азию носили ярко выраженный разведывательный

характер. Тем не менее, собранный в ходе этих экспедиций этнографический, лингвистический и исторический материал служил и на благо научного познания как в самой Англии, так и в Европе.

К наиболее известным экспедициям и миссиям с дипломатическими и разведывательными целями в первой половине XIX в. относятся посещения среднеазиатских государств такими английскими путешественниками-военными как У. Муркрофт и Дж. Требек, А. Бёрнс, Ч. Коттрелл, Ч. Стоддарт, Дж. Эббот, Р. Шекспир и А. Конолли, Т. Аткинсон. Большинство этих экспедиций инициировались Британской Ост-Индской компанией. Ее служащими были Уильям Муркрофт и Джордж Требек, которые через Пенджаб и Афганистан достигли Бухары в 1819 г. Результатом этой экспедиции, которая продолжалась до 1825 г., был обширный отчет, увидевший свет в Лондоне в 1837 г. В 1832 г. с территории Индии было вновь послано посольство во главе с Александром Бёрнсом, которое находилось в Бухаре не меньше года. Как подтверждается источниками, в задачи этой миссии входило непосредственно изучить обстановку в регионе, составить географические характеристики местности и описать политическую ситуацию на случай военных действия против России. Одна из задач было успешно выполнена Джоном Вудом, который достиг низовьев Аму-Дарьи. Увидевший свет в 1841 г. отчет Вуда, а также ряд его статей и его материалы, включенные в книгу А. Бёрнса, примечательны тем, что в них содержатся сведения о приаральских казахах, с которыми участники экспедиции встретились во время своего продвижения к Аральскому морю (Wood, 1876; Wood, 1976).

Имели место и путешествия англичан в регион с противоположной стороны: из Сибири и Северного Казахстана. Так, в 1840-41 гг. Чарльз Коттрелл наблюдал жизнь казахов в Оренбурге, Петропавловске, Омске, Усть-Каменогорске. Его "Впечатления от Сибири" содержат обширный этнографический материал (Cottrell, 1842), однако, как отмечает казахстанский историк К. Есмагамбетов, книга страдает ксенофобией и расистскими суждениями³. В конце 1830-х - начале 1840-х гг. состоялись несколько военно-разведывательных экспедиций Ч. Стоддера, Джеймса Эббота, Ричмонда Шекспира и Артура Конолли. Их отчеты свидетельствуют, что английская активность в регионе уже перешла рамки дипломатических и разведывательных миссий и превратилась в реализацию конкретного плана по созданию антирусского союза между Англией и среднеазиатскими ханствами. Об этом очевидно свидетельствует отчет Эббота (Abbot, 1843). Капитан Эббот оставил также описание своих приключений в прикаспийских владениях казахов (он был задержан 4 мая 1840 г. вместе со своими товарищами, а также афганскими и туркменскими терджуманами на Мангышлаке за то, что "шатаясь по степи, передавал свои злые умыслы и побуждал к разным неприятностям против России"⁴) и наблюдения за жизнью казахов Младшего жуза. Сопровождавший

Эббота капитан Шекспир также издал краткий отчет о посещении Средней Азии и Западного Казахстана. Совершенно трагично сложилась судьба капитана Конолли, который был заключен под стражу в Бухаре и за отказ сотрудничать с эмиром и раскрыть цель поездки (по другой версии - за отказ принять ислам) был казнен через отсечение головы.

В 1848 г. началась эпопея английского путешественника и художника Томаса Аткинсона и его супруги в Казахстане, продолжавшаяся семь лет. Ее результатом стала книга Т. Аткинсона "Восточная и Западная Сибирь" (Atkinson T.W., 1858); позднее вдова художника издала собственные воспоминания (Atkinson L., 1970). Книги Аткинсонов представляют собой без сомнения, явление в литературе того времени. Помимо художественной ценности авторы предлагают читателям богатый материал, собранный и описанный глазами очевидцев. Это подробные описания восточных областей Казахстана, социальной структуры казахского общества, бытовые зарисовки, передачи преданий, поэтических и эпических произведений, описания материальных памятников, а главное - собственные иллюстрации автора, которые доносят до нас спустя полтора столетия дыхание степи и картины давно ушедшей эпохи. Работа Т. Аткинсона имела большой резонанс, не раз переиздавалась, в т.ч. и в XX веке, и переводилась (на русский язык - в 1865 г. в фрагментах).

Различия в целях, которые преследовали Англия и Россия в Средней Азии, выразились в различиях методов исследования региона, подборе материалов, акцентировании тех или иных вопросов, а также - в терминологии. Главной заслугой английских исследователей было введение термина, который затем утвердился повсеместно - Туркестан. Если русские источники первой половины XIX в. именовали казахские степи "Степным Краем", а земли, лежавшие к югу - "Бухарией" (или "Великой Бухарией"), то англичане сделали упор на доминирующий фактор в историческом и лингвистическом аспектах - тюркское происхождение большинства населения региона народов. Под "Туркестаном" в дальнейшем англичане, а затем и другие западные исследователи, подразумевали все огромное пространство от Сибири до Афганистана, населенное центрально-азиатскими тюрками, в том числе казахами. Как известно, русское административное понятие "Туркестан" (Туркестанское генерал-губернаторство) охватывало значительно меньшую территорию. В середине XIX в. этот термин использовался в прессе, литературе и официальных документах наряду с понятием "Средняя Азия" (а с 1860-х гг. они получили приставку русский, в отличие от Китайского, или Восточного Туркестана).

Во второй половине XIX в. литературный жанр путешествий, а также сами путешествия из просто модного превратились в повальное увлечение, завладевшее умами широких слоев британской публики.

А.Вамбери, венгерский ученый и путешественник, один из самых знаменитых исследователей Центральной Азии и мусульманского мира, долго живший в Англии, так писал об охватившей Англию и всю Европу мании далеких путешествий: “Едва ли кто пользуется в Англии такой популярностью, как путешественники. Путешественник расчищает путь миссионеру и купцу, вслед за ними и воину... Вследствие этого там установился взгляд, что исследователи новых стран и в дальнейшем помогут Англии расширить свое политическое влияние и включить в сферу своих интересов новые области”⁵.

К крупнейшим публикациям этого периода о Казахстане и о всей Центральной Азии следует отнести работы Г.Лансделла, лорда Керзона и А.Краусса. Генри Лансделл находился в 1880-е гг. в качестве миссионера и члена Королевского Географического общества в казахских степях, а также путешествовал по среднеазиатским оазисам через Кульджу, Бухару, Хиву и Мерв. В его книге (1885) затронуты практически все вопросы, связанные с современным развитием региона и его недавней и более древней истории. Энциклопедический характер работы Лансделла обеспечил ей высокую популярность среди тех, кто интересовался политикой, географией, природой, этнографией и историей Средней Азии. Однако раздавались и критические замечания в адрес книги Лансделла с упреками в том, что он чрезмерно доверял русским чиновникам и официальной позиции российских колониальных властей (Lansdell, 1970). Помимо книги “Русская Средняя Азия” Лансделл написал другую работу “По Сибири” (1882), где также им затрагиваются проблемы истории и этнографии казахов. Так, Лансделл предлагает рассматривать казахские жузы как отдельные народы (Lansdell, 1882, p. 30).

Прямо противоположной по характеру, т.е. антирусской, была написанная Дж.Керзоном (1859-1925), вице-королем Индии с 1899 по 1905 гг., книга “Россия в Средней Азии в 1889 г. и англо-русский вопрос”. Свою работу Джордж Керзон предварил вступлением, где говорится, что данная книга посвящена как русофобам, так и русофилам, и должна будет устранить чрезмерные опасения одних и преувеличенные симпатии других. Тем самым, автор еще раз подчеркнул, насколько большое значение имел среднеазиатский вопрос в англо-русских отношениях и для британского общественного мнения той эпохи. Написанная политиком и с политическими целями книга Дж.Керзона по своей структуре принадлежит к типичным образцам вояжной литературы, но демонстрирует помимо прочего серьезную академическую подготовку автора (Керзон привлек все введенные ко времени написания в научный оборот источники - как европейские, так и восточного происхождения по древней и средневековой истории региона). Книга Керзона насыщена деталями и подробностями, из которых для современной науки представляют интерес разделы о казахах в Мерве, Бухаре и Ташкенте, а также описание Закаспийской области. Для самого автора наиболее важными были последние главы книги, посвященные

политическому положению: суть англо-русского вопроса, анализ системы русского управления в регионе, военный фактор русского присутствия в Средней Азии, прогнозы дальнейшей политики России на Среднем Востоке. Керзон приходит к выводу, что дальнейшая экспансия России в сторону Индии нереальна; в военном отношении Россия недостаточно сильна, чтобы выдержать военное противоборство с Великобританией в Азии; понадобится продолжительный исторический период, чтобы Россия смогла “переварить” Среднюю Азию и освоить ее экономически (Curzon, 1899). Тем не менее, работа Керзона не устранила “чрезмерные опасения” в Англии по поводу возможной угрозы британским интересам на Востоке. Военно-политическая активность Великобритании в регионе продолжалась вплоть до Первой мировой войны, а с 1920-х гг. Великобритания столкнулась с вполне реальной угрозой экспорта революции в свои азиатские владения и с проблемой противостояния с Советским Союзом. Однако для эпохи “Большой игры” работа Керзона, который, кстати говоря, и ввел первым этот термин, имела большое значение⁶.

К числу изданий, где исследуется военно-политическое и международное значение завоевания Средней Азии Россией, следует отнести книгу Алексиса Краусса “Россия в Азии” (1899). Автор подчеркивает, что решающим фактором, вызвавшим эскалацию русского проникновения в казахские степи, а затем дальше - на юг и на восток, был военный; Россия не могла, считает Краусс, смириться с ощущением угрозы, исходившей из степи и от среднеазиатских ханств. Автор заключает: “Раньше казахи были боевым народом, который совершал рейды на поселения и караваны. С тех пор, как они оказались под русским игом, их нравы изменились, а страх перед последствиями останавливает их в подобных авантюрах” (Krausse, 1973, pp. 6-7). Книга Арчибальда Колхауна “Россия против Индии: схватка за Азию” (1900) держит в фокусе те же проблемы, что и все издания той эпохи: историю русского завоевания и колонизации Средней Азии, военный потенциал Российской империи в регионе, угрозу британским владениям. Но помимо историко-политического фона в книге Колхауна имеется содержательный материал о прошлом, культуре и этнографии региона; много интересных сведений о казахском населении Ташкента, а также информация о конфискации у казахского населения скота во время хивинской экспедиции Перовского. Автор следующим образом характеризует настроения в казахском обществе после завоевания: “Казахи не были удачливы в защите своей независимости после того, как на них обрушилась волна русского вторжения; многие из них до сих пор не признают альянс с завоевателями” (Colquhoun, 1900, p. 31).

В той или иной степени эти идеи (противоборство с Россией, надежды на оживление национализма в Средней Азии, озабоченность модернизацией региона и темпами русской колонизации) пронизывают всю английскую историографию о регионе второй половины XIX - начала

XX вв. Это работы Р.Берслема, Г.Роулисона, Ф.Бернаби. У.Ричмера-Ричмерса (**Burslem, 1846; Rawlison, 1875; Richmer-Richmers, 1913**). В этом ряду выделяются книги английского журналиста и ученого Д.Боулджера, много путешествовавшего и писавшего о Центральной Азии. Его перу принадлежат книги "Жизнь Якуб-бека" (1878), "Англия и Россия в Средней Азии" (1879), "Среднеазиатские портреты" (1880) и "Среднеазиатский вопрос" (1885). Блестящие по стилю и богатые по содержанию в них материалу работы Боулджера были заметным явлением в европейской историографии той эпохи (**Boulger, 1878; 1879; 1880; 1885**).

К числу последних путешествий эпохи классической ориенталистики, географического, этнографического и исторического познания, совершенных англичанами в Среднюю Азию может быть отнесен визит корреспондента "Таймс" Стивена Грехэма в 1914 г. Учитывая обстановку того времени, поездку Грехэма можно считать попыткой изучить союзника Англии в предстоящей войне, прочность российских позиций в регионе и проблемы колониальной политики. Грехем посетил Бухару, Самарканд, Ташкент, Верный и пересек все Семиречье. Он собрал значительный материал, попытался сделать анализ ситуации в регионе и дать прогнозы ее дальнейшего развития. Выводы, которые сделал английский журналист, были полностью опрокинуты последующим ходом событий в Средней Азии. Грехэм писал, что "в настоящий момент Туркестан и вся Русская Средняя Азия очень лояльные, мирные и счастливые русские колонии... Россия совершила свои имперские завоевания вооруженным путем, а сохранила железными дорогами и колонизацией" (**Graham, 1916**). В том же году, когда увидела свет книга Грехэма (ее издание было задержано в связи с начавшейся войной) Средняя Азия и Казахстан были потрясены великим восстанием 1916 г.

Этим изданием завершилась целая эпоха в истории изучения Англией Средней Азии. Те соображения, которыми руководствовались англичане в своем стремлении проникнуть в регион, изучить его и закрепиться в нем, исчезли вместе после бурных событий 1917 г. Резко упала политическая ценность этой литературы после стремительных изменений в регионе, вызванных событиями 1916-20-х гг. С этого времени значение этой литературы могло быть измерено только научными и познавательными критериями. Не вызывает сомнения тот факт, что многие из этих изданий представляют собой ценные источники по истории данного периода для современных исследователей. Но было бы трудно оспаривать значение того влияния, которое оказала эта литература на развитие академического востоковедения в Великобритании и в Европе.

Академическая ориенталистика в Англии XIX - начала XX вв. развивалась по трем направлениям: создание научных школ, источниковедение и собственно ориенталистская историография. Во всех трех областях были достигнуты значительные успехи, которые

обеспечили Британии лидирующее положение в изучении Востока в целом и конкретно Центральной Азии. С 1823 г. начало свое существование Королевское Азиатское общество в Лондоне; с 1843 г. - Этнологическое общество, с 1863 г. - Антропологическое общество, с 1901 г. - Королевское Центральноазиатское общество; с 1917 г. при Лондонском университете была создана Школа восточных (и африканских - с 1938 г.) исследований. Крупными научными центрами оставались в этот период университеты Оксфорда и Кембриджа. В XX веке одним из центров ориенталистики стала столица Шотландии Эдинбург: с 1912 г. здесь велось преподавание арабского языка, с 1950-х гг. - персидского и тюркских языков (**Cachia, 1970**). Результаты научной деятельности востоковедных обществ, ассоциаций и университетов освещались в их собственных периодических изданиях, среди которых следует выделить "Журнал Королевского Азиатского общества" (с 1834 г.), "Исламское обозрение" (с 1912 г.), "Журнал Королевского Азиатского общества" (с 1913 г.), "Бюллетень Школы восточных и африканских исследований" (с 1917 г.). Помимо этих периодических изданий материалы о Центральной Азии появлялись в географических и этнографических изданиях, которые выходили примерно с середины XIX в. повсеместно во всех научных центрах и крупных университетах.

Как и в других европейских странах, в Англии в XIX веке интенсивно пополнялась источниковедческая база. Помимо крупных изданий коллекций восточных рукописей в оригинале, к которым обращались все европейские востоковеды, в Англии издавались переводы средневековых авторов, писавших о Центральной Азии, комментарии ученых к ним, а также работы источниковедческого характера, построенные на сравнительном анализе и обобщении различных источников. В 1829 г. увидели свет "Странствия Ибн-Батутты" в переводе С. Ли (**Ibn Batutah, 1829**); в 1853 г. появился новый перевод трудов Ибн-Батутты (**Ibn Batutah, 1853**). В 1859 г. был опубликован отчет Р. Г. де Клавихо о пребывании при дворе Тимура в переводе К.Маркхема (**Clavijo, 1859**); в том же году источниковый комплекс о Центральной Азии пополнился переводом книги В. де Рубрука, а в 1900 г. был осуществлен новый перевод с комментариями У. Рокхилла (**Rubruquis, 1859; Rubruck, 1900**). Генри Юл пополнил коллекцию книг средневековых путешественников по Центральной Азии своим переводом "Путешествия Марко Поло" и снабдил его обширными комментариями (**Yule, 1903**); до появления соответствующей работы французского востоковеда Пелью это издание считалось наилучшим в академическом мире Европы. Кроме них изучением наследия Марко Поло занимался известный ориенталист сэр Аврелий Стейн (**Stein, 1919**).

Присутствие англичан в Индии чрезвычайно обогатило ориентальное источниковедение. В их распоряжение попали обширные коллекции рукописей, династийные хроники, отчеты, статистические данные о

государстве Великих Моголов, описания соседних регионов. Грандиозная работа, направленная на поиск, сбор, классификацию и обработку документов мусульманской эпохи, большинство из которых были написаны на персидском языке, была возглавлена Г.Эллиотом, который привлекал для этого в широкой мере образованных представителей индийской элиты. Результатом этого беспрецедентного научного проекта стала восьмитомная "История Индии в изложении ее собственных историков" (Elliot, Dowson, 1867-1877), которая издавалась в Лондоне с 1867 по 1877 гг. Эллиот ограничился мусульманским периодом в истории Индии, однако географически в опубликованных в нем хрониках нашли отражение события, происходившие в обширном ареале Среднего Востока, в том числе в Средней Азии и Могулистане.

Другой известный ориенталист Г.де Стрендж сделал попытку, как выяснилось в последствии - удачную, изложить историю Восточного Халифата (т.е. Месопотамии, Персии и Средней Азии) с момента появления арабов и до эпохи Тимура путем обработки, сопоставления и чередования произведений арабских летописцев, начиная с X в. (Strange, 1905). В дальнейшем этот метод, выбранный де Стренджем, получил широкое распространение среди историков. И наконец, в 1910 г. была издана коллекция китайских хроник, освещавшая средневековые на обширном пространстве от Дальнего Востока до Центральной Азии (Medieval Researches, 1910). Таким образом, центральноазиатские исследования в Англии к началу XX в. имели возможность опираться на основательную источниковую базу, включавшую в себя мусульманскую историографию, китайские источники и европейскую средневековую литературу.

Чрезвычайно большое значение для изучения истории казахов имело издание в 1895 г. перевода персоязычной рукописи "Тарих-и Рашиди" Мухаммада Хайдара-дуглата (Denison Ross, Elias, 1895). С этого момента историки могли документально установить время появления Казахского ханства, причины и события, вызвавшие и сопровождавшие откол орд ханов Джанибека и Гирея от улуса Узбек-хана и их уход в Могулистан. Этот уникальный источник обнаружили и ввели в научный оборот Ней Элиас и Эдуард Денисон-Росс (1871-1940), прославившийся спустя несколько лет своей совместной с Френсисом Скрайном книгой по истории Туркестана с древнейших времен и до русского завоевания (Skryne, Denison Ross, 1899). В книге "Сердце Азии: история русского Туркестана и среднеазиатских ханств с древнейших времен" Ф. Скрайна и Э. Денисон-Росса впервые в английской историографии была сделана попытка дать концептуальное изложение истории Центральной Азии с использованием при этом источников различного происхождения, в первую очередь, безусловно, мусульманских авторов, а также китайских и русских. Написанная в форме очерков, книга Скрайна и Денисон-Росса получила высокое признание среди ориенталистов, а В. Бартольд

назвал ее "пионерской работой"⁷. Несколько позднее Ф. Скрайн выпустил работу "Экспансия России", посвященную русским завоеваниям в Азии до конца XIX в.

Однако развитие востоковедения как части научного познания невозможно рассматривать вне всей системы науки и идейной атмосферы эпохи. Для Англии второй половины XIX века в контексте развития философии, социологии и отчасти естественных дисциплин характерно влияние теории эволюционизма. К крупнейшим мыслителям эпохи, сделавшим попытку с помощью эволюционной концепции дать объяснение многообразию и различиям между цивилизациями, культурами и народами, относится Герберт Спенсер (1820-1903). Г. Спенсер классифицировал совокупность факторов, оказывающих влияние на развитие, расцвет и упадок человеческих обществ, на две группы: внешние и внутренние. К первым он отнес, в первую очередь, географическую среду, а также зависимость локальной цивилизации от соседних культур; к внутренним факторам Спенсер относит специфические черты, связанные с характером, психологией, этническими или расовыми особенностями отдельных народов и культур. Феномен религии Спенсер попытался вывести из этой схемы как неподдающийся классификации на обычные группы. Идеи Спенсера аккумулировали все то новое, что получила европейская наука эмпирическим путем. В свою очередь концепция Спенсера оказала влияние на развитие в дальнейшем этнологии, социо-антропологии и других дисциплин, чьим объектом исследования были традиционные общества и культуры Востока. Это влияние испытали, по-видимому, исследования, посвященные традиционным обществам Центральной Азии.

В области синологии выдающейся фигурой британского востоковедения был Роберт К. Дуглас (1838-1913), проводивший многие годы в Китае на дипломатической службе. Вернувшись в Англию Дуглас был назначен главным хранителем Китайской библиотеки Британского Музея, а в 1893 г. - хранителем всех восточных книг и манускриптов. Венцом его научной карьеры считается знаменитая книга "Жизнь Чингис-хана" (1877). Его перу также принадлежат книги "Конфуцианство и даосизм" (1879), "Китай" (1882), "Общество в Китае" (1884) и ряд других. Его книга о Чингис-хане, построенная на внимательном изучении китайских источников, оказала большое влияние на последующих английских монголоведов, в частности Э. Хоуорта и С. Уолкера.

Во второй половине XIX в. английская историография продемонстрировала, что она может представить крупные обобщающие труды по древней и средневековой истории Центральной Азии. Это такие исторические сочинения как "Средняя Азия: от ариев до казаков" Д.Хаттона (Hutton, 1875), "История монголов" Г. Хоуорта (Howorth, 1876-1888, 1927), "Тысячелетие татар" Э. Паркера (Parker,

1893-1894; Parker, 1896) и ряд других. Из них крупнейшей работой, базировавшейся на широком комплексе источников, была трехтомная "История монголов с IX по XIX вв." Г. Хоурта (Ховорса), вызвавшая широкий резонанс в академическом мире. Так, В. Бартольд утверждал, что этот труд - компиляция, не имеющая самостоятельной ценности. Однако главный упрек в адрес работы Хоурта со стороны русского востоковеда заключался в том, что ее автор (как и Каюн во Франции) прославляют монгольские завоевания и основателя монгольской империи⁶. На наш взгляд, появление в ту эпоху исследований, в которых делалась попытка пересмотреть традиционную точку зрения, что кочевые империи несли только разрушение и деградацию оседлым цивилизациям, было позитивным шагом в развитии науки. Хоурт, опираясь на те же группы источников, что и его предшественники, показал - и вполне убедительно, что феномен монгольской (или монголо-тюркской) империи нельзя рассматривать только с позиции оседлых цивилизаций; что наличие колоссальных степных пространств Центральной Азии было объективным историко-культурным фактором, непосредственно влиявшим на развитие цивилизаций на Востоке и на Западе, способствовавшим культурному обмену и взаимодействию разных цивилизаций.

Хоурт исследовал также домонгольскую эпоху: его работы освещали историю кочевых государств кипчаков и печенегов (Howorth, 1870). Другой британский историк Т. Кингсуэлл, опираясь на китайские источники, дал динамику и ареал экспансии т.н. белых гуннов (Kingswell, 1878). Прототюркскому периоду посвящены и некоторые работы Э. Паркера, в частности его исследование "Происхождение тюрков" (Parker, 1896). Нельзя не назвать, касаясь английской историографии этого периода, труды, освещавшие общность судеб культур и государств Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока в рамках единой исламской цивилизации. Это классическая работа Л. Стенли "Мусульманские династии" (Stanley, 1894), а также исторические сочинения сэра Перси Сайкса: "История Персии" и "История Афганистана" (Sykes, 1915; Sykes, 1940). В этом смысле среди британских ориенталистов фигура Сайкса стоит особняком: государственный деятель, крупный колониальный чиновник Сайкс использовал свое пребывание на Востоке, чтобы обогатить ориенталистику безупречными с точки зрения академической науки исследованиями. Уже в XX в. была утверждена специальная медаль "Королевского Азиатского общества" имени П. Сайкса, которой награждались выдающиеся востоковеды.

В XIX-XX вв. британское востоковедение внесло большой вклад в изучение ислама и мусульманской цивилизации в Европе. Исламоведческие традиции в Англии восходят к XVII в., когда были открыты кафедры арабского и других восточных языков исламского ареала: в 1632 г. - в Кембридже, в 1636 г. - в Оксфорде. Но

революционные открытия в области мусульманской философии, в особенности суфизма, были сделаны позднее - в XVIII в., когда Англия прочно укрепилась в Индии. Начало этих исследований связано с именем сэра В. Джоунса (1746-1794), который за годы своей службы в Индии познакомился с персидской поэзией и санскритскими текстами. Джоунс первым обратил внимание на сходство суфизма и индуизма, что привело его к мысли искать корни суфизма в индуистской религии. По инициативе В. Джоунса было создано в конце XVIII в. Бенгальское Азиатское общество, где научная концепция последнего прочно утвердилась и получила в дальнейшем свое развитие в трудах его последователей. Упомянутый выше труд Д. Малькольма "История Персии" опирался именно на идеи Джоунса и оказал в свою очередь сильное влияние на представление в Европе об исламе на Среднем Востоке. Таким образом, усилиям в первую очередь британских ученых обязана своим появлением на свет т.н. "индийская теория" происхождения суфизма. Однако английские ученые не имели достаточно сравнительного материала и экстраполировали свои идеи на суфизм целом. По их мнению, суфизм явился продуктом развития индуистских и буддийских доктрин на почве ислама⁹.

Эта концепция прочно утвердилась в европейской ориенталистике, пока французские исламоведы не доказали ее несостоятельность в отношении других ареалов исламской культуры. Следующее поколение британских востоковедов (Э. Лейн, Э. Браун, Э. Палмер, Э. Винфилд) создало классическую школу суфийских штудий. Э. Браун (1862-1926) обобщил все накопленные знания о суфизме и выделил четыре теории, объясняющие его происхождение: 1) суфизм является частью учения пророка Мухаммеда; 2) суфизм явился продуктом смешения ислама с индийской и иранской культурами; 3) истоки суфизма следует искать в неоплатонизме; 4) суфизм развивался как самостоятельное течение в исламе, но позднее подвергся влиянию других философских идей. Э. Палмер в своей книге "Восточный мистицизм" (1867) повторил известные к тому времени оценки суфизма, но по-новому сформулировал идею о влиянии индо-иранской культуры. Палмер охарактеризовал суфизм как реакцию арийской культуры на "семитское вторжение" (т.е. ближневосточный монотеизм), как "религию арийской расы".

Классический период в изучении суфизма в Великобритании нашел свое завершение в трудах Р. Николсона (1868-1945), в которых он сделал попытку объединить "индо-иранскую" и "неоплатоническую" теории происхождения суфизма. Николсон пришел к выводу, что "суфизм - это результат ряда разных, но взаимодействующих течений: мусульманского монотеизма, христианского аскетизма, греческой гностики и индийской философии" (Nickolson, 1921, p. 12). В 1930-е гг. идеи английских суфиеведов были продолжены исследовательницей ближневосточного (христианского) мистицизма М. Смит, которая исходила из мысли, что мусульманский мистицизм, как и вообще ислам,

развился из ближневосточного христианства. Очевидно, что исламология в Англии, как и суфиеведение, продемонстрировали, что британские ученые генерируют новые идеи, находят неординарные решения для создания концепций, однако их часто подвели избирательная увлеченность одной идеей и игнорирование материалов, собранных при изучении смежных и близлежащих проблем, а также фактов, не укладывающихся в рамки заданной концепции. По-видимому, по этим причинам английские исламоведы не смогли выдвинуть из своих рядов фигуру, равную французскому ученому Л. Массиньону, который, как отмечалось выше, совершил подлинную революцию в изучении суфизма. Можно назвать еще один признак, отличающий это направление в английском востоковедении от французского: несмотря на практические интересы Англии в Средней Азии и масштабы исследований региона, которые осуществляли англичане на протяжении столетия, британские исламоведы проявляли мало интереса к региону в плане изучения местной специфики ислама и среднеазиатского суфизма - в отличие от своих французских коллег.

В востоковедении Соединенного Королевства, начиная с послевоенного периода (после Первой мировой войны), прослеживаются те же характерные тенденции, что и повсюду в европейской ориенталистике, которые можно охарактеризовать как кризисные. В основе этого процесса лежали серьезные объективные причины, среди которых главной был кризис британской колониальной системы и ее последующий распад. Разумеется, процесс разрыва связей британской метрополии со своими доминионами и колониями на Востоке не был напрямую связан с деградацией английского востоковедения, но постепенный упадок и даже некоторая стагнация ориенталистики опосредованно отражали этот процесс. Реально кризис этой дисциплины выразился в том, она утратила те импульсы, которые подталкивали ее развитие во времена пика британской колониальной экспансии, а также в том, что созданная в XIX веке система обучения и исследований, базировавшаяся традиционно на университетах, уже не отвечала требованиям XX столетия. Дж. Уилер (см. ниже), анализируя системы подготовки и структуры ориенталистских школ в СССР и Великобритании, отмечал, что советское востоковедение, структурированное в системе Академии Наук с ее централизованным управлением и государственным финансированием, было способно более эффективно решать крупные научные проблемы в отличие от британского, традиционно ориентированного на отдельные научные школы и направления при университетах (Wheeler, 1968). Это было также связано с тем, что на историческом фоне утраты Великобританией своего влияния на Востоке Советский Союз в течение всей своей семидесятилетней истории непрерывно наращивал свое политическое и идеологическое влияние в Азии. Тем не менее, английские ученые

несколько не сомневались в том, в какой степени советское востоковедение идеологически ангажировано и зависит от партийного руководства наукой.

Перемещение центра научных исследований в США также болезненно повлияло на ситуацию с научными кадрами в Великобритании: общность языка и культур способствовали тому, что эмиграция английских ученых принимала все более активный характер. Начиная с 1950-х гг. можно говорить, принимая во внимание интеграционный характер развития двух национальных школ, о возникновении англо-американской историографии¹⁰. Что касается собственно востоковедения, то оно в Великобритании развивалось в XX в. благодаря тому потенциалу и тем традициям, которые были созданы в классическую эпоху (о развитии востоковедения в Великобритании см.: Tisdall, 1917; Bowen, 1945; Gibb, 1951; Yapp, 1981).

Этот процесс нашел выражение в открытии новых кафедр, факультетов и центров, основании новых научных периодических изданий. Применительно к изучению Центральной Азии следует назвать такие издания как "Журнал Королевского Центральноазиатского общества" (существует с 1913 г.; с 1970 г. - "Эйшн Эффэйрс"), "Мусульманский мир" (англо-американское издание, существует с 1910 г.), "Восточный мир" (с 1947 г.), "Среднеазиатское обозрение" (1952-1970), "Азиатское обозрение искусств и литератур" (с 1964 г.), "Исследования по Среднему Востоку" (с 1964 г.), "Центральноазиатское обозрение" (с 1982 г.). Большинство этих изданий уже не представляли исключительно британскую науку, а были международными по своему характеру. Одной из главных причин популярности в научных кругах англоязычных изданий было доминирующее положение и резко возросшее в XX веке значение английского языка как коммуникативного средства мировой науки. По этой же причине многие зарубежные исследователи стремились публиковаться на английском языке; в Великобритании также часто издавались работы американских исследователей и ученых из стран Британского Содружества. Таким образом, ареал и сфера влияния английского востоковедения были значительно шире рамок самого Соединенного Королевства; они охватывали практически весь англоязычный мир, включая Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Индию и Пакистан. Кроме того, сохранялась настоятельная потребность поддерживать высокий уровень публикуемых в Великобритании исследований по Центральной Азии как эталонов научной продукции. В немалой степени это относилось к источниковедческим изданиям.

После 1920 г. источниковедческая активность британских востоковедов продолжала развиваться по нескольким направлениям: переиздавались классические издания, как например, "Книга Марко Поло" в переводе Г. Юла (Yule, 1926); составлялись новые комментарии к уже известным науке источникам, публиковались экстраты из

средневековых мусульманских летописцев по сюжетному признаку; делались авторизованные пересказы наиболее известных и важных источников (Рашид ад-Дина и Джувейни), которые после переработки представляли собой по сути самостоятельные научные исследования, и естественно, вводились в оборот новые источники. В 1928 г. Г. Ле Стрендж издал новую версию "Посольства к Тамерлану" Р. де Клавихо (Clavijo, 1928), а в 1936 г. Дж. Сандерс перевел "Историю Великого Эмира Тимура, или Тамерлана" арабского средневекового автора Ибн Арабшаха (Sanders, 1936). В 1932-33 гг. увидела свет в Канаде работа английского военного историка С. Уолкера "Чингиз-хан", переизданная в 1939 г. в Лондоне. Значение этой книги состояло в том, что жизнь и деятельность Чингис-хана рассматривались с точки зрения его вклада в военную науку, а военные кампании монголов - в контексте развития военного дела во всемирном масштабе.

Следует отметить, что усилия английских востоковедов не были сосредоточены исключительно на средневековых западноевропейских и мусульманских авторах; вводились в оборот источники, относящиеся к более ранним периодам истории Центральной Азии и ранне-тюркской истории. Так, Генри Гибб привлекал китайские источники для своей истории завоевания арабами Средней Азии (Gibb, 1923-1), Ч. Маккартни обрабатывал и комментировал греческие (наравне с другими) источники, проливающие свет на историю тюрок, печенегов и других кочевников Восточной Европы во второй половине I-го тысячелетия (Macartney, 1929-1930; Macartney, 1943-1946). Р. Листер на основе изучения и сравнительного анализа ряда источников сумел по-новому интерпретировать сведения, относящиеся к периоду пребывания Марко Поло при дворе Хубилай-хана (Lister, 1976).

В 1950-70-е гг. достижения английского источниковедения связаны с именем Джона Э. Бойла (1916-1978), который активно издавал собственные переводы классических персоязычных летописей, относящихся к монгольской и постмонгольской эпохе, среди них "История покорителя мира" Рашид ад-Дина (1958), "Наследники Чингис-хана" Джувейни (1971) и ряд других. Бойл является автором ряда публикаций источниковедческого характера, в которых изложены результаты его исследований трудов великих историков прошлого - Рашид ад-Дина, Джувейни, Бируни и других, значения их наследства для современного востоковедения и их места в мировой историографии (Boyle, 1962; 1970; 1971; 1977).

Можно констатировать, что в первой половине XX в. проблема источникового обеспечения исследований по Центральной Азии уже была решена; британские ученые располагали достаточно обширным источниковым комплексом, постоянно пополнявшимся за счет новых открытий, но уже не принципиальное, а локальное для той или иной специализации значение. При описании древней и ранне-средневековой истории внутренней Евразии востоковеды опирались на группы

китайских, древнеиндийских и византийских источников; средневековье (эпоха империй степей) было достаточно подробно представлено мусульманской историографией при сохраняющемся значении китайских, западных и древнерусских источников; позднее средневековье и начало нового времени изучались в основном по османским и иранским архивам. Пожалуй, это был в течение долгого времени наименее изученный период (с XV по XVIII вв.), так как до 1960-х гг. на Западе была плохо известна кокандская и бухарская историография. И наконец, период с середины XVIII в. и до начала XX столетия был хорошо изучен благодаря русским, а позднее - советским публикациям и собственным английским исследованиям, о чем подробно говорилось выше. Данная классификация отражена в монографии проф. этнологии Оксфордского университета Марии Чаплицкой (Чаплицка) "Тюрки Средней Азии в истории и современности" (Czaplicka, 1917). Автор выделяет в тюркской эпохе истории Центральной Азии четыре периода: 1) с конца I-го тысячелетия до н.э. до начала I-го тысячелетия н.э. - период, когда о тюрках было известно по sporadическим сообщениям китайских источников; 2) с первых веков н.э. до начала XIII в. - время создания обширных и могущественных кочевых государственных образований и их экспансии в Евразии; 3) с XIII по XVIII вв. - вхождение тюрок в состав Монгольской империи и ее эпигонов, постепенный распад и упадок кочевых тюркских государств; 4) XVIII - начало XX вв. - эпоха экспансии России в Центральной Азии; завоевание, колонизация и инкорпорирование этого региона в состав Российской империи. Исползованная М. Чаплицкой периодизация отражает уровень, достигнутый при изучении истории Центральной Азии в эпоху классического востоковедения. Любопытно, что в той или иной мере данная периодизация сохранилась на Западе до настоящего времени.

Исследование Чаплицкой - одна из немногих концептуальных работ по истории региона в английской историографии первой половины XX века, которая в эти десятилетия была более репрезентативна исследованиями, ориентированными на частные проблемы. К последним можно отнести монографию Г. Гибба "Арабское завоевание Средней Азии" (Gibb, 1923-2). Это исследование, первоначально представленное для защиты в качестве диссертации в Лондонском университете под названием "Арабское завоевание Трансоксиании" (1921), испытало сильное влияние В. Бартольда. Гибб опирался на переводы арабских источников, изданных в Лейденской серии в 1860-1890-е гг., а также на работы русских востоковедов, в первую очередь - самого Бартольда, известные ему в переводах. Популярность трудов и идей великого русского ориенталиста в Англии не случайна: в начале 1920-х гг. он находился в Лондоне, где читал лекции и готовил к британскому изданию свою знаменитую работу "Туркестан в эпоху монгольского нашествия", увидевшую свет впервые на Западе в 1928 г. и позднее неоднократно переиздававшуюся.

В Ливерпульском университете проблемы тюркского средневековья разрабатывал Брюс Босуэлл. В частности, известна его работа о кипчаках (Boswell, 1927). Босуэлл предложил принципиально новую трактовку исторической роли кипчакского союза, который, по его мнению, выполнял задачу сохранения баланса сил и поддержки той системы, которая создавалась их предшественниками от Алтая до Черного моря. В Кембридже в 1920-е гг. начала издаваться серия трудов, известная как "Кембриджская история Индии". Третий том, написанный сэром Г. Уолсли - "Тюрки и афганцы", посвящен событиям, связанным с политической обстановкой в Могулистане и вызвавшим вторжение тюрков в Афганистан и Северный Индостан (Wolseley, 1928). Эта работа интересна безусловно тем, что она опиралась на широкий круг персоязычных индоиранских источников, многие из которых до этого времени не были известны востоковедам.

Монгольская эпоха нашла отражение в трудах проф. Лондонского университета В. Ф. Минорского (1877-1966), бывшего российского дипломата, который с 1930-го г. жил и работал в Англии. Он стал известен как крупный востоковед благодаря своим публикациям по истории и культуре Ирана, Турции и Закавказья, а также истории ислама. Минорский перевел на английский и прокомментировал такие важные источники как "Худуд аль-Алам" и сочинения Марвази. Его монография об Иране при хулагуидах, основанная на анализе трактата Насир-ад-дина Туси (XIII в.), убедительно показала, как провинция Фарс, которая в наименьшей степени пострадала при вторжении монголов, была впоследствии разорена налоговой политикой ильханов. Минорский также перевел главы о Ясе Чингисхана из его истории Джувейни; этот перевод в дальнейшем использовался другими монголооведами, в частности Г. Вернадским.

Нельзя обойти вниманием достижения английских востоковедов в области библиографии. В британских библиотеках были накоплены в течение столетий колоссальные библиографические собрания. Если рукописные источники обрабатывались, классифицировались и каталогизировались, то востоковедная историография не была систематизирована в течение долгого времени. Такую попытку обобщить и аккумулировать европейскую литературу по ориенталистике предпринял Дж. Пирсон¹¹. Он собрал и классифицировал по региональному и тематическому признакам практически все публикации, относящиеся к исламскому миру. Его каталог получил название "Индекс исламический". Первый том, охвативший литературу с 1906 по 1955 гг., увидел свет в 1958 г. Литература за 1955-1980 гг. нашла отражение в шести дополнительных томах, а с 1981 г. "Индекс" превращается в регулярное квартальное издание (Pearson, 1958). В 1989 г. У. Бен (Пенсильванский университет) каталогизировал в новом издании "Индекса" литературу, относящуюся к 1665-1905 гг. (Index

Islamicus, 1989). Характерно, что во всех следующих изданиях, которые последовали вслед за каноническим "Индексом" Пирсона, были сохранены его методология и принципы систематизации материала.

В 1987 г. группа английских ученых систематизировала литературу, относящуюся исключительно к Центральной Азии, которую им удалось обнаружить в следующих библиотеках: Кембриджского университета (составитель - Дж. Баттеруорт), университета Глазго (Т. Конн), Школы Восточных и африканских исследований (Р. Сетон), Дархэмского университета (П. Старки), Британской Библиотеки (М. Уйли, Ф. Вуд), а также этнографические материалы из Центральной Азии в Музее королевы Виктории и принца Альберта (Р. Грилл), Шотландском музее в Эдинбурге (Дж. Скарс; Central Asia, 1987).

В послевоенные десятилетия в Англии нарастающим потоком продолжала выходить литература, освещавшая различные периоды истории Центральной Азии. Истории среднеазиатских ханств в XIX веке была посвящена небольшая по объему работа сотрудника Института колониальных исследований Оксфордского университета Мэри Холдуорз "Туркестан в девятнадцатом столетии" (Holdsworth, 1954). Автор сделала попытку осветить различные проблемы, связанные с историей, культурой и экономикой Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата в предшествующий русскому завоеванию период; выявить причины стагнации и упадка Кокандского ханства и объяснить, как стало возможным завоевание этих государств Россией.

Среди других крупных исторических работ о регионе, вышедших в 1950-е гг. может быть названа монография сэра Олафа Кэроу "Тюрки Средней Азии и сталинизм" (Caroe, 1967). О. Кэроу (1892-1981) продолжил традицию, согласно которой английские колониальные чиновники становились востоковедами; после 2-й мировой войны Кэроу занимал пост губернатора Патана - провинции Британской Индии, наиболее близко лежащей к Центральной Азии. Книга Кэроу формально могла бы быть отнесена к господствовавшему в то время жанру советологии, однако блистательно написанная историческая часть выдает в нем профессионального ориенталиста. Концептуально работа Кэроу близка идеям тюркских националистов, в частности З. В. Тогана, чье влияние она испытала, и выдержана в антирусском (в предреволюционной части) и антисоветском духе.

В 1960-е гг. среди ориенталистской литературы по Средней Азии увидели свет самые разнообразные издания: в 1965 г. появилась книга Тамары Райс "Древнее искусство Центральной Азии" (Rice, 1965). Это издание справедливо критиковалось за различные неточности и ошибки, но эти недостатки не могли умалить его главного достоинства - наличие богатого иллюстративного материала. В 1967 г. известный английский востоковед Э. Босуорт подготовил фундаментальное исследование

“Исламские династии”, представлявшее собой историко-генеалогическую панораму мусульманского мира на протяжении значительного исторического периода. Для исследователей Средней Азии этот труд представляет интерес прежде всего тем, что дает наглядное представление об имманентной связи среднеазиатской цивилизации с остальным исламским миром в средние века, которая в работе Босуорта поворачивается к читателям новой, генеалогической стороной (Bosworth, 1967).

В эти годы монгольская тема и тема кочевых империй Центральной Евразии в целом вновь зазвучала в работах Юстаса Филиппса (р. 1910) - “Царственные орды” (Phillips, 1965) и “Монголы” (Phillips, 1969). С концептуальной точки зрения книги Филиппса могут быть отнесены к т.н. апологетической литературе о Чингис-хане и монголах, которая упрекалась критиками за преувеличение положительного аспекта в исторической оценке роли Монгольской империи. В 1969 г. в Лондоне был издан коллективный труд “Средняя Азия” под редакцией Г. Хэмбли, в подготовке и написании которого принял участие международный коллектив авторов - А. Беннигсен, Д. Бивар, Э. Каррер д’Анкосс, М. Хаджянпур, А. Лэмб, Ш. Лемерсье-Келькежей и Р. Пирс (Central Asia/Hambly, 1969). Несмотря на столь солидный авторский коллектив, представлявший лучших историков и политологов Франции, США, Великобритании - специалистов по Центральной Азии, результат их общих усилий не смог стать шедевром. Как отмечала их английская коллега В. Конолли, из-под пера этой группы авторов вышла не история региона, а чехарда правителей, враждующих династий и режимов, начиная от Чингис-хана и заканчивая советским правлением.

Более удачным был, по общему мнению, 1-й том “Кембриджской истории Ислама”, созданный также усилиями интернационального коллектива, среди которых были В. Шпулер, А. Н. Курат, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькежей, К. Лэмбтон, В. Льюис и другие. Общий фон в частях, относящимся к истории Средней Азии, задал немецкий востоковед В. Шпулер, который предложил рассматривать исламские цивилизации Золотой Орды и Средней Азии как самоценные явления, а роль кочевников в истории региона как дестабилизирующий элемент. Эта концепция о цивилизирующей роли ислама в тюркском мире была охотно поддержана его коллегами (The Cambridge History, 1970).

Коллективный портрет английского востоковедения последних десятилетий будет неполным, если не упомянуть об исследованиях в сфере сравнительного языкознания, ориентированного на древнюю историю Центральной Азии. Они связаны с именем сэра Джерарда Клосона (Клозона). Он одним из первых в лингвистике выступил против алтайской теории происхождения тюркских, монгольских и тунгусских языков от прото-алтайского. Первые публикации Дж. Клосона, относящиеся к алтаистическому сюжету, относятся к 1956 г., где он на обширном сравнительном материале, в том числе и на пример

казахского языка, показал уменьшение монгольского элемента в тюркских языках. (Clauson, 1956). В другой статье “Древнейшие тюркские заимствования в монгольском языке” (Clauson, 1958) Клосон соглашается с некоторыми очевидными постулатами этой теории (он уточняет, что отпадение монголов от общего тюрко-монгольского языка началось не раньше 5-го века н.э. В следующих своих работах в 1960-е гг. он привлекает средневековый материал из тюркских и монгольских языков, а также исследует специальную терминологию, выработанную тюрками и монголами для обозначения лошадей и их использования, и приходит к выводу, что у монголов и ранних тюрков были свои независимые названия и определения в этой области, которые “не влияли друг на друга и не испытали влияние третьей стороны” (Clauson, 1965, p. 165). К 1969 г. Клосон уже окончательно смог сформулировать свою антиалтайскую концепцию и открыто бросить вызов главному эпигону алтайской теории в XX веке, своему другу - финскому проф. П. Аальто (Clauson, 1969). Безусловно, выводы Клосона при некоторой спорности обнажили самые слабые места в этой теории и доказали необходимость пересмотра всей алтайской теории, которая, тем не менее, продолжает существовать в неопределенной форме, так как ей не было предложено адекватной замены, в том числе и Клосоном. А термин “алтаистика” прочно утвердился за обширным комплексом целого ряда направлений в истории, языкознании, этнографии и других типов исследований Центральной Азии, тюркологии и монголоистики. В концентрированном виде труды Клосона нашли выражение в его “Этимологическом словаре тюркского языка до XIII века” (Clauson, 1972)¹².

Однако с 1950-х гг. все более определяющими в английской историографии Средней Азии были исследования не востоковедного, а историко-политологического (или советологического) характера. Это стало возможным активной научной, публикаторской и организационной деятельностью таких ученых как Дж. Уилер, В. Конолли, В. Коларз и их коллег из “Среднеазиатского исследовательского центра”¹³. В настоящее время очевидно, что не все из советологического наследия 1950-1980-х гг. представляет ценность для науки; значительная часть публикаций этой эпохи явно несет на себе отпечаток политических штампов и идеологических клише, которые были обусловлены требованиями конфронтации с советской политикой на Востоке и в Средней Азии. Тем не менее, эти работы определяли лицо английского среднеазиоведения, начиная с начала 1950-х гг., и легли в основу британской школы среднеазиатских/центральноазиатских исследований, лидировавшей вплоть до начала 1970-х гг. среди других западных историографических школ о регионе.

Джеффри Уилер (1898-1990), полковник британской армии, дипломат и разведчик, долгое время служивший в Индии, Иране и на Среднем Востоке, возглавил после возвращения в Англию и выхода в отставку Среднеазиатский исследовательский центр, созданный в 1953 г. Под

этикой центра публиковались (или переиздавались) исследования, имевшие отношение к истории и современному положению в республиках Средней Азии и Казахстане. Перу самого Уилера принадлежат несколько десятков статей и три монографии - "Расовые проблемы в советской Средней Азии" (Wheeler, 1960), "Современная история советской Средней Азии" (Wheeler, 1964) и "Народы советской Средней Азии" (Wheeler, 1966), последняя представляла собой работу справочного характера. Во всех книгах Уилера содержится материал, относящийся к древней, средневековой и дореволюционной истории региона, но основной акцент делается, как и во всех публикациях возглавлявшегося им центра, на советский и особенно послевоенный период в истории народов Средней Азии. В целом, хотя и с некоторыми оговорками, труды Уилера можно отнести к господствовавшей в то время в англо-американской историографии концепции "советского колониализма".

Уилер выделяет два основных вопроса в дореволюционном и советском периодах истории Центральной Азии: а) сравнение британской и русской колониальных систем; б) цена, смысл и методы советского правления в регионе. Уилер пришел к выводу, что британская колониальная система в Индии была более эффективной, чем русская в Туркестане; англичане осуществили в главном модернизацию и вестернизацию своей колонии, создали и оставили развитую парламентскую систему, судебную и законодательную власти; заложили экономические основы для дальнейшего развития стран Индостана. Колониальный режим Российской Империи не справился (или не успел справиться) со своими историческими задачами. Решать их пришлось уже большевистскому режиму после 1920-го года, осуществившему поставленные историей задачи, однако brutальными средствами и ценой невероятных страданий народов этого региона. Уилер сформулировал свои выводы следующим образом: "В среднеазиатских республиках уровень жизни, образования, коммуникаций, здравоохранения и производства существенно выше, чем во всех мусульманских государствах несоветской Азии, но это стало результатом вынужденного и безжалостного планирования из центра вопреки национальному развитию (Wheeler, 1964, p. 137). Смысл большинства работ Уилера и его дискуссий с западными и советскими оппонентами определялся именно этим тезисом, что советская Средняя Азия добилась существенных успехов в своем развитии, но ценой отказа от своей самоидентичности. В целом, работы Уилера не являлись историческими с научной точки зрения (очевиден их компилятивный характер) и не содержали далеко идущих прогнозов относительно будущего развития региона и его дальнейшей политической судьбы (как это было у его французских коллег Э. Каррер д'Анкосс и А. Беннигсена); главный смысл и предназначение работ Уилера и его центра состоял в отпоре и

разоблачении советской пропаганды, базировавшейся на экономическом подъеме конца 1950-х и 1960-х гг. и на этой основе рекламировавшей странам третьего мира успехи советской модели в Средней Азии.

Большее, если не главное, значение имела деятельность Дж. Уилера как директора Среднеазиатского исследовательского центра и главного редактора "Среднеазиатского обозрения" (*Central Asian Review*), издававшегося под его руководством с 1952 по 1970 гг. Обозрение помещало на своих страницах самый разнообразный материал: аналитические статьи и статистические данные о современном положении в республиках региона, работы исторического и этнографического характера, воспоминания и дневники путешествий по региону, аннотации и рецензии на новые издания по центральноазиатской тематике, дайджесты советской прессы, экономические и демографические прогнозы, материалы конференций о Средней Азии и Казахстане. Но главной задачей журнала и коллектива центра оставался анализ происходящих в регионе процессов. Основная часть материалов готовилась Уилером и его коллегами, среди которых были Э. Шихи, Л. Ботт, Дж. Шапиро, Д. Уильямс и др. "Обозрение" помещало также материалы работы небританских авторов, в частности Э. Каррер д'Анкосс и Б. Хайита. Уилер неоднократно вступал в открытую полемику со своими советскими оппонентами (известна его острая дискуссия с казахстанским историком Г. Дахшлейгером). В некоторых зарубежных и советских публикациях отмечалось, что задачи Среднеазиатского исследовательского центра были несколько шире научных рамок и включали в себя также разведывательные. Достоверно известно, что Уилер принес в центр военизированный, командный стиль руководства¹⁴. В целом, этот журнал остался в качестве заметного явления в послевоенной английской и западной историографии о Центральной Азии. В 1970 г. его выпуск был прекращен по финансовым причинам.

"Среднеазиатское обозрение" не было единственным советологическим изданием в Англии; параллельно и регулярно материалы о регионе появлялись на страницах журналов, ориентированных на изучение всего Советского Союза. Наиболее известные среди них - "Славоник Ревью" (*Slavonic Review*) (1922-1932); с 1932 по 1940 гг. он издавался под названием "Славоник энд ист юропеан ревью" (*Slavonic and East European Review*), с 1941 по 1944 гг. издание переносится в США, где с 1961 г. оно известно как "Славик ревью" (*Slavic Review*), а в Англии с 1945 г. продолжает издаваться под прежним названием под эгидой Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. С 1949 г. в университете Глазго издается журнал "Совет стадис", ориентированный также на изучение всего Советского Союза, включая Среднюю Азию.

К числу наиболее известных советологов Великобритании 1950-60-х гг. относится Уолтер Коларз (Вальтер Коларц, ум. 1962), переселившийся в Англию из Чехии и работавший долгое время в Лондонском университете. С 1944 по 1964 гг. в Великобритании

увидели свет его многочисленные исследования о России и Советском Союзе, из которых для нас представляют интерес "Россия и ее колонии" (Kolarz, 1952/3) и "Коммунизм и колониализм" (Kolarz, 1964). Книги Коларза - классические образцы трудов в духе концепции "советского колониализма". Ретроспектива русской колониальной политики в освещении Коларза достаточно глубока, но основной акцент автор делает на советский период. Коларз приходит к выводу, что "во-первых, в Средней Азии не существует политических и революционных идей, могущих противостоять большевизму. Ислам не идея, а организация, подчиненная советскому режиму. Во-вторых, пять среднеазиатских республик никогда не смогут полностью освободиться от колониального положения, поскольку несколько десятилетий русского правления завершилось появлением значительного русского этнического элемента. Русские доминируют в городах и промышленных центрах. Пока британцы действительно покидают Индию, русские остаются в Средней Азии" (Kolarz, 1953, pp. 299-300).

Как отмечалось выше, для историографии этой эпохи характерны частые сравнения советской системы с британской колониальной практикой в Азии, как правило в Индии. Коларз также пишет об этом: "Британское сообщество может служить примером, следуя которому Россия также смогла бы превратиться в сообщество - нечто вроде "Соединенных Штатов России", и это не утопия, а практическая и политическая возможность" (Kolarz, 1953, p. 315). Прогнозы и выводы Коларза напрямую обращены к нам, современникам бурных событий конца 1980-начала 1990-х гг., и удивительно точны: распад СССР, уход из его сферы Прибалтики, и по-видимому, на этот раз навсегда; упорное стремление России "остаться" на Кавказе. В Средней/Центральной Азии, по его мнению, Россия имеет те же проблемы, что и Франция в Алжире (мрачная перспектива, учитывая исторический опыт Алжира после смерти Коларза: многолетняя война, насильственное изгнание европейцев, установление диктатуры марксистского толка, угроза создания исламского режима, вмешательство Запада, террор исламистов). В одном Коларз был безусловно прав, когда писал: "Не веря в будущее советских народов, нельзя верить в будущее человеческой цивилизации, в которую они вернуться, освободившись от тоталитаризма" (Kolarz, 1953, pp. 319). В вышедшей уже после его смерти работе "Коммунизм и колониализм" Коларз обращается к тем же проблемам; отдельная глава посвящена Казахстану, которую он назвал, учитывая весь исторический опыт сосуществования традиционного казахского общества с Россией и его разрушения, "трагедией казахов". По мнению Коларза, именно в Казахстане, как нигде больше, проявился колониальный характер советской системы: "Казахи были принесены в жертву экономическим интересам Советского Союза" (Kolarz, 1964, p. 44).

В английской историографии, как и во французской, небезраздельно господствовала в качестве единственной точки зрения на историю Средней Азии как на советские колонии. В середине 1960-х гг. ряд авторов сделали попытку заново оценить значение советской политики для региона. Естественно, что на первом плане в данных работах была представлена экономика, т.е. экономический эффект советской политики, направленной на модернизацию среднеазиатского общества. Наиболее значительным явлением в этом направлении среднеазиатских исследований стала книга Вайолет Конолли "За Уралом: экономическое развитие в Советской Азии" (Conolly, 1967). В. Конолли (1902-1988) происходила из той же семьи, что и капитан Конолли, казненный вместе с Стоттардом в середине XIX в. в Бухаре. Занимаясь с конца 1920-х гг. проблемами Советского Союза, в том числе и Средней Азии, экономической политикой СССР на Востоке в качестве эксперта Форин Оффиса, Конолли уже в 1940 г. считалась одним из крупнейших советологов, а к моменту выхода в свет книги "За Уралом", и особенно после этого, превратилась в своего рода патриарха среди советологов. Эта работа не была первым или последним исследованием В. Конолли: из-под ее пера вышли такие книги как "Советская экономическая политика на востоке" (1933), "Советская Азия" (1942), "Сибирь сегодня и завтра" (1975), а также значительное количество статей, рецензий и аналитических эссе о текущих процессах в Средней Азии и Казахстане. В течение полувека Конолли являлась постоянным автором "Журнала Королевского Среднеазиатского общества"/"Эйшн Эффейрз". Конолли ограничила рамки своего исследования сугубо экономическими проблемами: "Влияние царской и советской экономической политики на местные народы Азии рассматривается здесь только строго в экономическом контексте. Эффект этой политики на традиционные культуры и образ жизни этих народов остается за пределами этой книги" (Conolly, 1967, p. XVI).

Конолли в своей книге задалась целью ответить на вопрос: за чей счет была осуществлена модернизация и индустриализация Средней Азии, созданы системы образования и социальных служб? Автор пришла к выводу, что без центрального планирования и финансирования из общесоюзного бюджета индустриализация региона не была бы возможной. Однако Конолли не решилась солидаризоваться с абсолютно позитивной оценкой советской политики в Средней Азии и была вынуждена вернуться к вопросам, которые наделась оставить без внимания в своей монографии: "Маловероятно, что эти республики смогли бы добиться такого успеха без помощи Советского Союза или какого-либо другого предположительного индустриального патрона. Но советская система управления и ее базирующаяся на марксизме культурная революция способствовали разрушению традиционной исламской базы среднеазиатского общества" (Conolly, 1967, p. 363).

В целом, картина среднеазиатских исследований в Англии в 1960-80-е гг. достаточно пестра и разнообразна, и не только за счет советологии. В эти десятилетия активно исследовалась предреволюционная эпоха, история Туркестана в XIX в., публиковались многочисленные документы и источники, относящиеся к англо-русским отношениям в Центральной Азии. В конце 1960-х - начале 1970-х гг. в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета читал лекции о русском Туркестане Д. Уильямс, в многочисленных статьях которого отражен процесс колонизации региона, создание системы управления, налогообложения, социальных служб, включая медицину и образование. А. Боуджер (университет Суонси) изучал более ранний период истории региона - XVIII век. Представляет интерес его эссе о хане Абулхаире и интерпретация присоединения Младшего Жуза к России. История англо-русского соперничества в Центральной Азии нашла отражение в двух крупных исследованиях. Первый этап (1828-1834) описан в монографии Эдварда Инграма "Начало Большой Игры в Азии" (1979). Работа Джеральда Моргана "Англо-русское соперничество в Центральной Азии: 1810-1895" (1981) более широка по кругу охватываемых проблем. В ней прослеживается эволюция британской и русской политики в регионе, причины конфронтации двух держав и методы достижения целей, в том числе в соседних регионах - Синьцзяне и Афганистане. Следует добавить немного об авторе: Дж. Морган, как и многие его коллеги, обучался в Среднеазиатском исследовательском центре и был учеником Дж. Уилера (последний написал предисловие к книге Моргана, значительно поднявшее ее концептуальную ценность). Это было не первое исследование Моргана, касавшееся истории Центральной Азии в XIX в.; в 1971 г. он подготовил биографию Н. Элиаса, посвященную истории английских открытий в регионе.

Его коллега Д. Рэйфилд из Лондонского университета в 1976 г. также подготовил биографию другого знаменитого исследователя Центральной Азии - Н. Прживальского. В книге Рэйфилда "Мечта о Лхасе" нетрадиционно интерпретируется личность русского путешественника и его роль в истории проникновения России в глубь континента. Следует добавить, что исследование Рэйфилда - первое такого рода в англоязычной и в целом - западной историографии (Rayfield, 1976).

В Среднеазиатском исследовательском центре получила подготовку Гленда Фрезер, работавшая во второй половине 1960-х гг. в Манчестерском университете; фокус ее исследований - басмаческое движение в Туркестане в начале 1920-х гг. Фрезер призвала пересмотреть стереотипные представления о лидерах басмачества как о военных преступниках и авантюристах (имеются в виду Энвер-паша и Хаджи-сами или Салим-паша), препятствовавшие объективному изучению политики Англии в отношении Средней Азии в эту эпоху. Заслуга популяризации идей французского ученого А. Беннигсена в англоязычной историографии принадлежит С. Эндерс Уимбушу.

бывшему в течение многих лет его соавтором при создании таких работ как "Мусульманский национальный коммунизм", "Мистики и комиссары", "Мусульмане Советской империи" (Bennigsen, Wimbush, 1967; 1985; 1986), в которых отражена бурная эпоха 1910-20-х гг., связанная с появлением т.н. мусульманского коммунизма, участием мусульман в большевистской революции и крушением этого политического движения. Тандемом Беннигсен-Уимбуш создан также ряд исследований о современных процессах (т.е. 1970-80-е гг.) в Советской Средней Азии и Казахстане. Эти работы создавались в русле беннигсеновской концепции "национализма" и являлись попыткой прогнозировать развитие политической и этнической ситуации в регионе в преддверии, как верили авторы, грядущих политических катаклизмов и разрушения советского режима.

Трагическая история 1930-х гг. описана в книгах Роберта Конквеста, британского дипломата, переводчика-русиста и советолога, в течение многих лет работавшего в английском посольстве в Москве. Его книги "Великий террор", "Убийцы наций", "Жатва скорби" (Conquest, 1968; 1971; 1986) посвящены разоблачению сталинской национальной политики. Во многих разделах его книг затрагиваются трагические для Казахстана и казахского народа события: страшный голод 1931-32 гг., репрессии против национальной интеллигенции, массовые депортации и насильственное переселение народов, внедрение практики террора, насилия и геноцида. Книги Конквеста имели огромное значение как правдивое и документированное описание сущности сталинского режима и его преступлений, в том числе и в отношении народов Казахстана и Средней Азии.

Различные аспекты экономического развития Казахстана и других республик региона в послевоенную эпоху изучались английскими советологами и экономистами. Френсис Ньютон в своей работе (1976) связывал экономический прогресс в среднеазиатских республиках с возникновением проблем, которые могли иметь далеко идущие последствия для будущего этого региона: уменьшение доли славянского населения, структурные и возрастные изменения в составе коренного населения, рост национальной напряженности и возрастание стратегического значения региона. Блестящую историческую работу написал в 1976 г. Мартин Макколей из школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета об истории освоения целинных земель в Казахстане. Макколей не ограничился собственно событиями, связанными с целинной программой Хрущева, а нарисовал широкую историческую панораму русской аграрной колонизации в Казахстане, начиная со столыпинских реформ и вплоть до возвращения Целинного Края в состав Казахстана. Концепция национализма нашла свое продолжение в работах Аластера Маколея (Центр русских и советских исследований Эссекского университета), который писал в 1988 г., что угрозой

советским позициям в Средней Азии станут экономический застой, резко снизившаяся компетенция господствующей элиты, рост безработицы, появление новой идеологии, влияние иранской революции (McAuley, 1988, pp. 21-22). Эти идеи перекликаются со многими другими работами в английской историографии конца 1980-х гг.

Новое поколение специалистов по Центральной Азии в Лондонском университете представляет Ширин Акинер (Лондонский университет), подготовившая в 1983 г. значительную по объему работу справочно-энциклопедического характера - "Исламские народы Советского Союза" (Akiner, 1983). С 1982 г. специалисты по региону получили возможность публиковаться в новом ежеквартальном издании "Центральноазиатское обозрение" (*Central Asian Survey*), которое выходит под эгидой Общества по изучению Центральной Азии в Оксфорде. Инициаторами воссоздания специального английского издания, ориентированного на Центральную Азию и страны Среднего Востока, были С. Э. Уимбуш и дочь его французского коллеги Мари Беннигсен-Броксап, живущая с начала 1970-х гг. в Англии. В отличие от издания Дж. Уилера новое "Обозрение" сразу же продемонстрировало свой интернациональный характер: в его редакционную коллегию вошли французские, американские и турецкие ученые. В целом, уровень нового издания был значительно выше, чем у прежнего "Среднеазиатского обозрения"; в нем публиковались как специалисты, принадлежавшие к "старой гвардии" среднеазиеведения, так и представители нового поколения исследователей, часто предлагавших новые оригинальные сюжеты. В издании также широко представлены материалы из истории Казахстана. С конца 1980-х гг. редколлегия журнала получает возможность уже напрямую сотрудничать с академической наукой в среднеазиатских республиках.

В 1983 г. М. Броксап публикует в Великобритании в соавторстве с отцом книгу "Исламская угроза советскому государству" (Broxup, Bennigsen, 1983) - одно из последних концептуальных произведений М. Беннигсена, изданных в этой стране до распада СССР. Вся книга, включавшая в себя также историческую панораму русско-тюркских отношений, современную ситуацию в республиках и прогнозы дальнейшего развития этих отношений, подчинена беннигсеновской концепции "национализма", т.е. идее о непреодолимом антагонизме между среднеазиатским исламом и Россией. Многие западные коллеги обратили внимание на чрезмерность выводов и прогнозов авторов, но в целом данная концепция отвечала настроениям и духу среднеазиатских исследований в англо-американской историографии начала 1980-х гг. Так, книга Беннигсенов перекликается с изданной почти одновременно книгой американского среднеазиоведа М. Ривкина "Вызов мусульман Москве". Как известно, прогнозы о том, что мусульманские республики СССР разрушат коммунистический режим, не оправдались. История распорядилась по-своему.

В заключении необходимо сказать о т.н. "оксфордской серии": в середине 1980-х гг. "Общество по изучению Центральной Азии" при Оксфордском университете приступило к переизданию источников по истории Казахстана и Средней Азии. Были изданы "Туркестан под властью Советов" М. Чокаева, "Восстание 1916 г." Т. Рыскулова, сборник "Казахи о русских" и ряд других. Эта серия вновь пробудила интерес к бурным событиям туркестанской истории последних десятилетий существования царского режима и первых лет большевистской эпохи.

И так, среднеазиатские/центральноазиатские исследования в Англии пережили несколько периодов, которые отразили соответствующие эпохи в истории самой Великобритании и ее контактов с азиатским миром. Эпоха т.н. практического востоковедения с XVI по начало XIX вв. отвечала торговым, военным и политическим интересам Англии, утверждавшейся в Южной Азии и пытавшейся проникнуть в глубь континента. К этим временам относятся первые контакты англичан с жителями казахских степей и среднеазиатских оазисов. Результаты, полученные в результате этих контактов, обогатили английское востоковедение и создали базу для дальнейшего научного изучения региона. Для нас письменные свидетельства английских путешественников о регионе являются ценными источниками для изучения того периода истории, который далеко отдален от нас во времени и недостаточно хорошо изучен, так как находится между периодом, описанным средневековой мусульманской историографией, и эпохой, когда история региона стала частью истории Российской империи. В этот период были заложены предпосылки для академического изучения истории всей Центральной Азии, что и произошло в эпоху классической ориенталистики в XIX - начале XX вв.

Британское классическое востоковедение, бурно развивавшееся в этот период, питалось двумя мощными источниками: непосредственным изучением территорий, вошедших в состав британской колониальной империи, и соседних регионов; академическими исследованиями, базировавшимися на обширном количестве источников, сети научных обществ, университетов и колледжей, ориентированных на познание Востока. В эту эпоху произошло оформление ряда востоковедных дисциплин, среди которых археология, этнология, лингвистика, социальная антропология, тюркология, иранистика и другие. И главное, были заложены традиции научного изучения истории и культуры народов Центральной Азии, тюркских народов в целом, а также исламской цивилизации. Эти традиции продолжали сохраняться и в XX веке как наследие классической эпохи.

Революционные по-своему изменения, потрясшие в уходящем столетии всю систему европейского колониального присутствия в Азии и приведшие к крушению Российской империи

в Центральной Азии и утверждению на ее месте коммунистического режима, привели к возникновению новых политических реалий. Сначала Великобритания столкнулась с угрозой своей колониальной империи в Азии, а после ее ликвидации, как и весь Запад - с вызовом, исходившим от советской империи. Если раньше русское присутствие в Средней Азии рассматривалось как угроза британским интересам в Индии, то позднее этот регион изучался как потенциальный источник нестабильности для коммунистического режима. Таким образом, среднеазиатские исследования в этот период из востоковедных трансформировались в политологические и превратились в важную составляющую т.н. советологии. Тем не менее, все эти факторы не умаляют научной ценности значительной части английской литературы о Средней/Центральной Азии, созданной в Англии в последние десятилетия. В целом, вклад английских ученых в изучение региона можно и должно рассматривать как выдающееся явление в истории центральноазиатских исследований на Западе.

В заключении следует коротко сказать о новейшей литературе в этой области, которая возникла сразу же после распада Советского Союза. Здесь мы имеем дело уже с новой историографией, посвященной вновь возникшим независимым государствам Центральной Азии. Фактически, эта историография была имманентным продолжением прежней "советологической" политологии, заимствовав из ее арсенала методы, задачи и постулаты. Однако в основном она создавалась специалистами-политологами нового поколения. Главной отличительной чертой этой историографии, как и американской, германской и в целом западной, было изучение Центральной Азии с точки зрения ее геополитического положения. Как правило эти работы практически не включают в себя исторический контекст; в некоторых из них присутствует внутривосточный анализ, однако в целом они рассматривают положение новых независимых государств среди главных внешних игроков нового издания "Большой Игры", интересы этих держав и основные внешнеполитические проблемы. К таким изданиям относятся "Центральная Азия: новая кризисная дуга" Ш. Акинер (1993), "Новая геополитика в Центральной Азии и соседних странах" под ред. А. Бануазизи и М. Уйнера (1994), "Формирование новых государств в Центральной Азии" Р. Данройтера (1994), "Политические реформы и экономическое развитие в Казахстане" А. Диксона (1994), "Меняющееся лицо Центральной Азии: между Марксом и Мухаммедом" Д.Хироу (1994), "Каспийские нефтепроводы" Дж. Робертса (1996) и другие¹⁵.

В этом ряду выделяется безусловно книга Ширин Акинер "Формирование казахской идентичности: от племени к нации" (Акинер, 1995). Книга Ш.Акинер базируется на концепции, что после независимости казахи вернулись к процессу формирования своего национального государства, вступив в стадию создания т.н.

государства-нации. Благодаря большому историческому и этнографическому материалу работу Акинер можно смело отнести к востоковедческой историографии. Таким образом, на исходе XX столетия традиции английского классического среднеазиоведения не умерли, нашли достойное продолжение в работах современных политологов. Изменились задачи этих исследований - открыть миру формирующийся облик новых субъектов мировой истории - независимых государств Центральной Азии. И в этом смысле британская научная школа располагает наибольшими среди западной историографии потенциалом и традициями.

¹ История английского проникновения в Центральную Азию и изучения региона английскими путешественниками, военными и естествоиспытателями достаточно подробно описана во многих изданиях, в частности: Есмагамбетов К.А. Действительность и фальсификация: англо-американская историография о Казахстане. - Алма-Ата: Наука, 1976; его же, Что писали о нас на Западе. - Алма-Ата: Казак Университеты, 1992. В некоторых случаях мы следуем вслед за К. Есмагамбетовым.

² Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. С. 317.

³ Есмагамбетов К.Л. Ук. соч. С. 45.

⁴ Там же. С. 45-46.

⁵ Вамбери А. Моя жизнь. М., 1914. С. 209.

⁶ Обширная историография, посвященная "Большой игре", англо-русскому соперничеству в Центральной Азии, как современная, так и принадлежащая той эпохе, в данной статье специально не рассматривается.

⁷ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. С. 318.

⁸ Там же. С. 512.

⁹ См.: Ислам: историографические очерки. Под ред. С. М. Прозорова. - М.: Наука, 1991. С. 114-115.

¹⁰ Однако этот термин, часто использовавшийся в советской литературе 1960-80-х гг. в отношении среднеазиоведческой историографии, достаточно условен; тем не менее, развитие английской и американской историографии о Средней/Центральной Азии носило скоординированный характер, было взаимообусловленным, взаимосвязанным и зачастую финансировалось из общих (американских) источников. С идеологической точки зрения эта литература имела ярко выраженный антисоветский контекст.

¹¹ Джеймс Пирсон, служащий Британской Библиотеки, а затем библиотеки Лондонского университета, происходил из простой семьи, как сообщил автору в частной беседе проф. Д.Синор (Блумингтон, Индианский университет) в ходе XVI-й сессии Постоянной Аластической конференции (PIAC) в июне 1993 г. в Алма-Ате, однако он предпринял грандиозный труд, который потребовал от него энциклопедических знаний и многолетних самоотверженных усилий. Результатом стал его знаменитый "Индекс исламу".

¹² См. также: Клоос Дж. Происхождение тюркского рунического письма // Зарубежная тюркология. Вып. I. - М.: Наука, 1986. С. 135-158.

¹³ О Дж.Уилере и В.Конолли см.: Лаумулин М.Т. Западная школа среднеазиоведения и казахстаники. - Алма-Ата: Наука, 1992.

¹⁴ Об этом сообщила автору в частной беседе бывший сотрудник СИЦ Эни Шихи в апреле 1992 в Алма-Ате.

¹⁵ Содержание этих и многих других западных работ подробно изложены в нашем исследовании: Лаумулин М.Т. "Казахстан в современных международных отношениях: геополитика, безопасность, международные отношения". Алматы: КИСИ, 2000.

Библиография к проблеме:

- Abbot J. Narrative of Journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the late Russian Invasion of Khiva, with some account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. 2 vols. - London, 1843.
- Akiner Sh. Islamic Peoples of the Soviet Union. - London: Paul Kegan, 1983. - 462 p.
- Allen W.E.D. The Sources for G. Delisle's "Carte des pays voisins de la Mer Caspienne" of 1723 // *Imago Mundi*. 1956. Vol.13, pp. 137-150.

Atkinson L. Recollections of Tartar Steppe and the their Inhabitants. - New York: Arno Press, 1970 (1843). - 351 p.

Atkinson T.W. Oriental and Western Siberia, a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz steppes, Chinese Tartary and Part of Central Asia. - London, 1858.

Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. - London, 1928.

Bennigsen A., Wimbush S.E. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. - London: Hurst, 1985. - 195 p.

Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. - London: Hurst, 1986. - 294 p.

Beveridge A. S. The Babur-nama in English. Zahir ud-din Muhammad Bahu Padshah Ghazi. Vol. I. - London, 1912-1921, 1922.

Blue Books. Central Asia. 24 Facs. - London, 1864-1888.

Bosworth C.E. The Islamic Dynasties. A Chronological and Genealogical Survey. - Edinburgh, 1967.

Boulger D. The Life of Yakooob Beg. - London, 1878.

Boulger D. C. England and Russia in Central Asia. 2 vols. - London, 1879.

Boulger D. Central Asian Portraits. The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States. - London, 1880. - 310 p.

Boulger D. C. Central Asians Questions. - London, 1885. - 475 p.

Bowen H. British Contribution to Turkish Studies. - London, 1945. - 62 p.

Boyle J. A. (ed.) Ala al-Din Ata Malik Juveini. The History of the World Conqueror. Trans. by J.A. Boyle. 2 vols. - Manchester: Manchester University Press, 1958.

Boyle J. A. Juveyni and Rashid al-Din as Sources on the History of the Mongols // Historians of the Middle East. Ed. by B. Lewis and P.M. Holt. - London, 1962, pp.117-137.

Boyle J. A. Rashid al-Din and the Franks // Central Asiatic Journal. 1970. Vol. XIV. No 1-3, pp. 62-76.

Boyle J. A. Rashid al-Din, the First World Historian // Iran. 1971. Vol.9, pp. 19-26.

Boyle J. A. (Trans.) The Successors of Genghis Khan. - New York, London, 1971.

Boyle J. A. Biruni and Rashid al-Din // Central Asiatic Journal. 1977. Vol. XXI. No 1, pp. 4-12.

Broxup M., Bennigsen A. The Islamic Threat to the Soviet State. - London: Croom Helm, 1983. - 170 p.

Burnaby F.G. A Ride to Kiva. Travels and Adventures in Central Asia. - London, 1877.

Burnes A. Travels into Bukhara. Being an account of a Journey from India to Kabul, Tartary and Persia. 3 vols. - London, 1834.

Burslem R. Peep into Toorkhistan. - London, 1846.

Cachia P. Les etudes islamiques a Edimbourg // Revue des Etudes Islamiques. 1970. C. XXXVIII. Fas.1, pp. 173-175.

Caroe O., Sir. Soviet Empire: the Turks of Central Asia and Stalinism. - New York: St. Martin Press, 1967. - 308 p. (2 nd ed.).

Central Asia. Ed. by G. Hambly. - London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. - 388 p. (New York: Delicorte Press, 1969).

Central Asia: Tradition and Change. Library and Museum Surveys. - London: 2nd European Seminar on Central Asian Studies, 1987.

Clavijo R. Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo of the Court of Timour, at Samarkand. Trans. by C.K. Markham. - London, 1859.

Clavijo R. Embassy to Tamerlane. Ed. by G. Le Strange. - London, 1928.

Colquhoun A.R. Russia against India. The Struggle for Asia. - London, New York: Harper, 1900. - 242 p.

Connolly V. Beyond the Urals. Economic Development in Soviet Asia. - London: Oxford University Press, 1967. - 420 p.

Cotrell Ch. N. Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841. - London, 1842.

Curzon H. G. N. Russia in Central Asia. - London: Longmans Green, 1889. - 477 p.

Czaplicka M. A. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day: An Inquiring into the Pan-Turanian Problem. - New York: Barnes and Noble, 1974 (London, 1917).

Dilke A. W. On the Valley of the Ili and the Water System of Russian Turkestan // Proceedings of the Royal Geographical Society. 1873-74. Vol. 18. No 8, pp. 246-253.

Dobson G. Russia's Railway Advance into Central Asia. Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. - London, 1890.

Elias F.N., Denison Ross E. The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haydar Dughlat. - London, 1895.

Elliot H.M. Sir, Dowson J. The History of India as told by its own Historians. The Muhammadan Period Vol. I - VIII. - London, 1876 - 1877.

Fletcher G. Essay upon some probable Grounds that the Tartars. - London: 1677.

Gibb H. A. R. Chinese Records of the Arabs in Central Asia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1923. Vol. 2, pp. 613-622.

Gibb. H. A. R. The Arab Conquest of Central Asia. - London: The Royal Asiatic Society, 1923. - 102 p.

Gibb H. A. R. (Trans.) Ibn Battuta. Travels in Asia and Africa. 1325-1354. Translated and selected by H. A. R. Gibb. Ed. by E. D. Ross. - London, 1929.

Gibb H. A. R. Oriental Studies in the United Kingdom // The Near East and the Great Powers. - Cambridge (Mass.), 1951.

Graham S. Through Russian Central Asia. - London, New York, Toronto, Melbourne: Cassel, 1916. - 280 p.

Hanway J. An Historical account of the British Trade over the Caspian Sea. Vol.1-4. - London, 1758.

Hell X.H. de Travels in the Steppes of the Caspian. - London, 1847.

Holdsworth M. Turkestan in the 19th Century: a brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. - London: Central Asian Research Center, 1954. - 81 p. (Oxford, 1959. - 84 p.).

Howorth H.H. On the westerly drifting of Nomads from the Vth to IXth Century: the Comans and Petchenegs // Journal of the Ethnological Society of London. 1870. NS-2, pp. 83-95.

Howorth H.H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Vol. I-III. - London, 1876-1888; Vol. IV: Supplement and Indexes. - London, 1927.

Huc E.R., Gabet J. Recollections of a Journey through Tartary, Thibet and China. - New York: Broadway Travelers, 1852 (2nd ed. Introduction by P. Pelliot. - London, 1928).

Hutton J. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. - London, 1875. - 472 p.

Hyde T. Historia religionis veterum persarum eorumque magorum. - Oxonia, 1700.

Ibn Batutah. The Travels of Ibn Batutah (1324-25). Trans. by S. Lee. - London, 1829.

Ibn Batutah. Voyages of Ibn Batutah. - London, 1853.

Ibn Batutah. Travels in Asia and Africa. Trans. by H.A.R. Gibb. - London, 1939.

Ingram E. The Beginning of the Great Game in Asia. 1828-1834. - Oxford: Clarendon Press, 1979. - 361 p.

Juvaini. The History of the World-Conqueror. Trans. by J. A. Boyle. - Manchester, 1958.

Kingswell T.W. The Migrations and early History of the White Huns, principally from Chinese Sources // Journal of the Royal Asiatic Society. 1878. NS-10, pp. 285-304.

Kolarz W. Russia and her Colonies. - London: Philip, 1953 (3rd ed.). - 335 p.

Kolarz W. Communism and Colonialism. - London: Macmillan, 1964. - 147 p.

Krausse A. Russia in Asia. A Record and a Study. 1558-1899. - London: Curzon Press: New York: Burnes, 1973 (1889, 1900) - 411 p.

Lansdell H. Through Siberia. - London: Simpson Law, 1882. - 376 p.

Lansdell H. Russian Central Asia. Including Kuldja, Bukhara, Khiva and Merv. - New York: Arno Press, 1970 (1887). - Vol. I - 684 p.; Vol. II - 732 p.

Lister R.D. Marco Polo's Travels in Xanadu with Kublai Khan. - London: Gordon and Cremonesi, 1976.

Macartney C.A. The Petchenegs // Slavonic and Eastern European Review. 1929-30. Vol. 8, pp. 342-355.

Macartney C.A. On the Greek Sources for the History of the Turks in 6th Century // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943-46. Vol. 11, pp. 266-275.

Malcolm J. History of Persia from the most early Period to the present Time. Vol. I-II. - London, 1815.

McAuley A. Religion, Nationalism and Economic Development in Soviet Central Asia. - Colchester: University of Essex, 1988. - 32 p.

Meakin J. In Russian Turkestan. A Garden of Asia and Its People. - London, 1915.

Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. - London, 1910.

Morgan E.D. A Journey through Semiretchia to Kuldja in 1880 // Proceedings of the Royal Geographical Society. 1881. NS-3, pp. 150-169.

Nicholson R. Studies in Islamic Mysticism. - Cambridge, 1921.

Parker E.H. A Thousand Years of the Tatars. - London, 1893-1894 (2nd ed. London: Paul Kegan, 1924).

Parker E.H. Origins of the Turks // English Historical Review. 1896. July, pp. 431-445.

Phillips E.D. The Royal Hordes: Nomad Peoples of the Steppes. - London: Thames and Hudson, 1965. - 144 p.

Phillips E.D. The Mongols. - London: : Thames and Hudson, 1969. - 208 p.

Pinder-Wilson R. Paintings from Islamic Lands. - Oxford: Oxford University Press, 1969.

Polovtsov A. The Land of Timur. - London, 1932. - 206 p.

(The) Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. - London, 1598-1600.

Rice T. T. Ancient Art of Central Asia. - London: Thames and Hudson, 1965. - 288 p.

Richmer-Richmers W. The Duab of Turkestan. - Cambridge, 1913.

- Rawlison H. England and Russia in the East. - London, 1875.
- Rayfield D. The Dream of Lhasa. The Life of Nikolay Przhevalsky, Explorer of Central Asia. - London: Paul Elek, 1976. - 221 p.
- Rubruck W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1253-1255, as narrated by himself. Trans. and ed. W.W. Rockhill. - London, 1900.
- Rubruquis W. De The Journal of the Friar William de Rubruquis, a Frenchman of the Order of the Minorite Friars, into the East Parts of the World A.D.1253. - London, 1859.
- Sanders J.H. Tamerlane or Timur, the Great Amir. Trans. from Ibn Arabshah. - London, 1936.
- Skrine F.H., Denison Ross E. The Heart of Asia: a History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. - London, 1899. - 449 p. (New York: Arno Press, 1973. - 444 p.).
- Stanley L.P. The Mohammedan Dynasties. - Westminster, 1894.
- Stein Sir A. Marco Polo's account of a Mongol inroad into Kashmir // Geographical Journal. 1919. Vol.54. pp. 92-103.
- Strange G. de The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. - Cambridge, 1905 (New York: AMS, 1976. - 536 p.).
- Sykes P. M. (Sir) A History of Persia. Vol.I-II. - London, 1915.
- Sykes P. M. (Sir) A History of Afghanistan. 2 vols. - London, 1940.
- Talbot-Rice T. The Seljuks in Asia Minor. - London, 1961.
- Tisdall W. The London School of Oriental Studies // Moslem World. 1917. Vol.7, pp. 394-401.
- Walker J. A Catalogue of the Arab-Sasanian Coins. - London, 1941.
- Wellecz E. An Early Al-Sufi-Manuscript in the Bodleian Library in Oxford // Ars Orientalis (Ann Arbor). 1953. Vol.III, pp. 1-26.
- Wessels. Early Jesuit Travelers in Central Asia. 1603-1721. - The Hague, 1924. - 344 p.
- Wheeler G. Racial Problems in Soviet Muslim Asia. - London, New York, Bombay: Oxford University Press, 1960. - 66 p.
- Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. - London: Oxford University Press, 1964. - 272 p.
- Wheeler G. The Peoples of Soviet Central Asia: A Background Book. - London: Bodley Head, 1966. - 126 p.
- Wheeler G. A new Look of Oriental Studies // Royal Central Asian Journal. 1968. Vol.LV. Pt.I, pp. 12-19.
- Wilkinson J.V.S., Binyon L. The Shah-Namah of Firdausi. - Oxford: Oxford University Press, 1931.
- Wolff J. Mission to Bukhara. - London, 1845. - 515 p.
- Wolseley H. (Sir) The Cambridge History of India. Vol.III: Turks and Afghans. - Cambridge, 1928.
- Wood J. Personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus. - London, 1841; or: idem. A Journey to the Source of the River Oxus. With an Essay on the Geography of the Valley of the Oxus by Henry Yule. - Karachi, New York: Oxford University Press, 1976. - 280 p.
- Yapp M.E. The Future of Asian Studies in the United Kingdom // Asian Affairs. 1981. Vol.XII. Pt. III, pp. 309-314.
- Yule H. (ed.) Travels of Marco Polo. 2 vols. - London: Cordier, 1903.
- Yule H., Sir The Book of Marco Polo. 2 vols. - London: Cordier, 1926.

НАРОДЫ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА НА ПУТИ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ

Кадырбаев А. Ш.

“По целым дням кряду перед глазами спутника являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие желтоватым светом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые, обвеянные ветром и временем гряды скал, то пологие холмы, на вершинах которых иногда рисуется силуэт быстроногой антилопы”¹. Так описал человек, совершивший путешествие по Великой степи, частью которой являются просторы Казахстана.

Картина, казалось бы, безотрадная. Но подобное впечатление обманчиво. Эти земли - родина многих народов древности, в том числе и предков казахского народа. Отсюда веками, как из волшебной кузницы появлялись, сменяя друг друга, воинственные батыры - кочевники, создававшие государства и империи, “потрясавшие Вселенную”.

Великая степь в течение тысячелетий рождала и губила народы, многие из которых либо плохо известны нашему современнику, либо неизвестны совершенно. След, оставляемый кочевыми народами в истории, порой настолько же зыбок, насколько зыбким бывает след коня степного воина на песке. Поэтому неудивительно, что ранняя история одного из таких народов - казахов, полна загадок и тайн, мифов и предубеждений.

Древняя история Казахстана - это в первую очередь история кочевых скотоводческих племен, освоивших степи между Волгой и Алтаем во III-II тыс. до н.э., причем этническое или, говоря современным языком, “национальное” лицо степей менялось в ходе более чем трех тысячелетней истории. И это неудивительно, ведь современные народы, а история казахов тому наглядное подтверждение, сложились на основе смешения разных племен и народностей, что отвергает теории о “расовой чистоте”, “национальной исключительности” каких бы то ни было народов.

Быт и нравы кочевых народов резко отличали их от жителей земледельческих районов. Древние летописцы отмечали характерную для жизни обитателей степи верность традициям кочевой жизни, ее неписаным законом. Так, при столкновениях с врагами мужчины вооружались, избирали предводителя и отправлялись в поход, оставляя хозяйство на женщин. Нарушение воинской дисциплины, обнажение оружия против ближнего каралось смертью.

Каждый человек, знал из какого, он рода-племени, и где находятся места его родных кочевий, был уверен: случись беда, приди болезнь или старость - сородичи не бросят несчастного одного, всегда найдут для

него пищу и кров. Суровая жизнь требовала сплочения под руководством самых опытных, пользовавшихся беспрекословным авторитетом людей - старейшин. Они, например, определяли, где будет пасти свой скот та или иная семья. Только по представлениям непосвященных, кочевники беспорядочно блуждают вслед за стадами. Их маршруты и участки строго определены природой и старейшинами: весной и летом в горы, на летние пастбища, где изобилие альпийских трав и прозрачная вода горных рек и озер; зимой - в защищенные от ветра и снежных заносов низины, где до весны сохраняется заросшая на корню трава - подножный корм для скота. И так из года в год, из века в век. Повседневная жизнь менялась незаметно для людей тех времен, всегда стремившихся жить по обычаям отцов и дедов, по заветам предков. Эпохи в народной памяти связывались с представлениями о прошедших "славных временах", о "годах бедствий" или с личностями правителей и бунтарей, батыров и предателей, пророков и "хранителей старой веры". Это лишь для нас с высоты прошедших тысячелетий одна эпоха в степи резко сменяет другую². И первой страницей древней истории Казахстана является эпоха ариев.

Страна древних ариев

История Казахстана примерно с начала II тыс. до н.э. связана с так называемыми арийскими (древнеиранскими) и индоарийскими (древнеиндийскими) племенами. Которые, относились к индоевропейской языковой и культурной общности, и обособились в это время в казахских степях, где стали известны как представители упоминавшейся выше андроновской культуры. Вторая четверть II тысячелетия до н.э. была эпохой наибольшей экспансии этих племен, а их общим самоназванием было слово "арья". Об их истории мы знаем немного. Известно, что много племен ариев и индоариев ушли на юг и юго-восток - в Северную Индию, Иран и Месопотамию, где на клинописных глиняных табличках Хеттского (на территории современной Турции) и Митаннийского древних царств остались следы языка индоариев.

Еще в более древние времена предки ариев и индоариев составляли один народ, которых называют протоиндоиранцами. Они - ветвь индоевропейской семьи и жили тем, что разводили скот в степях Казахстана и Восточной Европы. Их общество делилось на две главные группы: жрецы-священнослужители и пастухи-воины. Условия степной жизни мало способствовали изменению их жизненного уклада. Разделение протоиндоиранцев на два отличающихся по языку народа - ариев и индоариев произошло где-то в начале III тысячелетия до н.э. Они все еще оставались кочевниками и, по-видимому, имели контакты с оседлым населением Средней и Передней Азии. Из Месопотамии они заимствовали деревянные повозки, а затем узнали о боевых колесницах. Для того чтобы ездить на этих колесницах, они ловили арканами и укрощали диких лошадей. Примерно в это же время вошла в употребление бронза.

Горы, окаймляющие степи древнего Казахстана, особенно Алтай, обладали богатыми залежами олова и меди, что давало возможность производить оружие, и жители степей стали грозными воинами³. С появлением колесницы начался "героический век", когда вожди и их соратники отправлялись в походы на поиски добычи и славы, готовые совершать набеги на соседние племена и грабить иноземные селения.

Согласно древней "Авесте", речь о которой пойдет ниже, у ариев упоминаются три социальные группы - жрецы, воины, рядовые общинники (в эту эпоху, прежде всего кочевые скотоводы, так как буквальный перевод авестийского термина, обозначающий данную социальную группу, - "доставляющий траву скоту"). Объединялись арии четырехступенчатой структурой - семья, род, племя, страна. Каждая из этих частей имела своего светского и религиозного главу и божеств - хранителей, "дэвов". Обширные стада и другое имущество, крупные хозяйства с большим количеством работников, в том числе и рабов, были сосредоточены в руках знатных общинников и глав родов, племен. Увеличение пастбищных территорий, войны и набеги на земледельческие оазисы способствовали накоплению крупных богатств (прежде всего скота) в руках кочевой знати. Анализ письменных и археологических источников в социально-экономическом отношении показывает, что в обществе ариев шел процесс формирования классового общества и государства. В середине II тыс. до н.э. кочевники Великой Степи приносят к пределам Китайской равнины великое ближневосточное изобретение - боевую колесницу, а также бронзовые шлемы. Северокитайское государство Шан имело мощное войско, но не смогло противостоять войску степняков, которым колесницы поначалу давали неоспоримые преимущества в ратном деле.

К тому же шаньцы не оставляли степнякам другого выбора, кроме как победить и умереть. Они брали в плен только для того, чтобы предать пленников мучительной смерти во время жертвоприношений того или иного божества. Древние китайцы позаимствовали у победителей и освоили новинку - колесницу: мощная производственная база и обилие искусных работников позволили создать собственное колесничное войско. Но замечательное оружие не спасло шаньцев от новых вторжений кочевых соседей и поражений.

Что касается верований у древних степняков Казахстана, то в это время не было общеплеменной, оформленной и единой системы религиозных представлений. Но у них исторически засвидетельствованы культы почитания огня, коня, солнца и других небесных светил. Существовал анимизм - вера в существование души у вещей и тотемизм - представления о происхождении рода - племени от мифического животного - предка.

Арии Казахстана закончили свое существование под этим именем в начале I тыс. до н.э. Но не все они ушли из степей Казахстана в Иран и Индию. Те, что остались, явились предками новых кочевых народов в Великой Степи - саков, савроматов, скифов.

Но прежде, чем поведи речь о новой эпохе, эпохе господства в степях Казахстана саков и савроматов, вспомним, что арии приложили огромные усилия, чтобы разобраться в бескрайнем и непостижимом для древнего человека мире: они представили эти силы в облики богов, дали богам имена, определили характер каждого из божеств, составили тексты молитв и заклинаний, взываний к богам. Так возникла, чуть ли не самая древнейшая религия мира с верой в единого творца - бога, чьи приверженцы и поныне исповедуют ее в разных странах и среди разных народов. И родиной ее были степи древнего Казахстана, тогда - страны ариев. Называлось это вероучение по имени ее пророка Заратуштры или Зороастра (как называли его древние греки) - зороастризм.

Зороастр и его учение

Пророк Зороастр жил в такой глубокой древности, что сами его последователи забыли, когда и где это было. Исходя из содержания и языка, сложенных Зороастром гимнов, теперь установлено, что жил он в степях древнего Казахстана к востоку от Волги. Он был арием и предполагается, что жил между 1500 и 1200 годами до н.э. По другим предположениям он жил в начале I тыс. до н.э. или даже в промежутке VIII-VI веков до н.э. Установить точные даты его жизни не представляется возможным. Он не был богат и его авторитет в родных степях не был велик. Никто не воспринимал его как пророка, и его учение много лет отвергали, и на это были причины. Ведь учение Зороастра было подчинено идее извечной борьбы добра и зла, правды и лжи. Добро олицетворяет бог Ахура-Мазда, зло - Анхра Майнью. Человек не должен быть пассивен в этой борьбе, а активно выступать на стороне правды. Доброе слово, добрые помыслы, добрые дела - вот три силы, с помощью которых человек способствует торжеству света и добра.

Зороастр жил в тревожное время, когда правила сила, а не закон. Тогда и искал он откровения: в чем собственно заключается смысл беспокойного земного существования? Вопрос, который и по сей день волнует нас. Сохранившиеся проповеди самого Зороастра, так называемые Гаты - "Песнопения", приводимые в священном писании, своеобразной "Библии" зороастризма - Авесте показывают, что его учение содержало много такого, что раздражало власть имущих, в частности мнение о загробной жизни, где он порвал со старой традицией, отводившей незнатным подземное царство. Он дал надежду любому, кто последует за ним и будет стремиться к праведному на достижение рая. А богатым и знатым пригрозил адом, если они будут сеять зло. Зороастр яростно выступал против "лживых богов", плохих правителей. Был сторонником сильной власти, проповедовал веру в единого творца, Всевышнего, бога⁵. После долгих скитаний он нашел прибежище вдали от родных степей, где и утвердился его вера при дворе одного из восточно-иранских царей. Зороастр поддерживал своих покровителей

в стремлении создать крупное объединение кочевых племен для защиты "праведного" населения от "разбойничьей" кочевой племенной знати, мелких князей и племенного жречества. Но старое жреческое сословие не простило Зороастру, по легенде он был заколот жрецом во время молитвы. Конечно, арии, обитавшие в эту эпоху на просторах Казахстана в большинстве своем не были зороастрийцами и продолжали следовать языческим (поклонение многим богам, олицетворяющим силы природы) верованиям своих предков. Но это вероучение зародилось в их среде, в стойбищах кочевых племен, и там прошли детство и юность первой мировой религии, перенявшей доверия и мифы древнейших степняков Великой степи, которые поначалу молились на вершинах гор и холмов, на берегах рек и озер, у домашнего очага. Священные тексты этой религии устно передавали из поколения в поколение. И лишь через 1500 лет в Иране, при династии Сасанидов, зороастризм уже государственная религия Иранских империй, был зафиксирован на письме. Но это имеет отношение к истории других стран, а не к истории Казахстана. Хотя свидетельства, приводимые античными - т.е. древнегреческими и римскими авторами о наших предках на территории древнего Казахстана, можно понять при сравнении с данными зороастрийских писаний, прежде всего Авесты.

Значение зороастризма, чьи истоки в степях древнего Казахстана, выходит за пределы его истории. Зороастризм - самая древняя из мировых религий откровения - то есть религий полученных пророком от бога, таких как иудаизм, христианство, ислам. Зороастризм был государственной религией великих Иранских империй древности и раннего средневековья - от Ахеменидов до Сасанидов с VI века до н.э. по VII век н.э. и господствовавших на большей части Ближнего и Среднего Востока. Некоторые из его важнейших положений заимствованы иудаизмом, христианством, буддизмом, исламом. Зороастризм таким образом это лицо одной из величайших цивилизаций древности и средневековья, и данное обстоятельство позволяет по-новому взглянуть и оценить тот мир, в котором зародилась эта вера. Теперь древние арии кажутся нам ближе и понятней. Мы видели, как они трудились над миром, в котором им довелось жить, как они пытались возвысить его, сделать более близким и доступным. Благодаря этому они и сами становятся ближе нам. И Зороастр - творец нового, очеловеченного мира, в котором жить было бы неизмеримо лучше, чем в первобытном мире диких, враждебных человеку пространств, достойный пример этого.

"Да, скифы мы..."

Две с половиной тысячи лет назад иранский царь Дарий I приказал своим слугам нанести длинную надпись на высокой отвесной скале, которую по имени соседнего селения называют Бехистунской. Прочитать надпись снизу невозможно - от земли ее отделяют 105 метров. Ясно,

что надпись на скале не предназначалась для человеческих глаз. В то же время Дарий рассказывает о событиях, в том числе и на территории древнего Казахстана. Там народы, жившие к северу от Сыр-Дарьи, названы сака или саки. Кто же такие были саки? Севернее бактрийцев, согдианцев, хорезмийцев - жителей древней Средней Азии, на степных просторах Казахстана, согласно Авесте, обитали кочевые "туры с быстрыми конями". Эти туры и именуются древними персами как саки, что значит "могучие мужи". В числе саков летописи называют саков - тиграхауда ("носящих остроконечные шапки"), возможно обитавших в Семиречье, массагетов - жителей Приаралья, саков - аримаспов и "стерегущих золото грифов", видимо располагавшихся на Алтае и в Восточном Казахстане, где находились золотые рудники. Но древнегреческие и римские летописцы переносят на весь кочевой мир Великой Степи от Ордоса до Дуная название одного из племен древнеиранских кочевников Причерноморья - скифы. И саки, и скифы, и савроматы были частями одной культурной общности, которая сложилась на степных пространствах от Хуанхэ до Дуная не позднее IX-VIII веков до н.э. и просуществовала по крайней мере, до III века до н.э. А как утверждает "отец истории", древнегреческий ученый Геродот, чья книга "История" была завершена между 430-424 годами, "персы всех скифов называют саками"⁶. Создатели могущественной державы Ахеменидов (550-530 гг. до н.э.), именующие себя "персами" и "ариями из арийского племени", хорошо знали своих степных соседей и сородичей. И название "саки" они не выдумали. Оно появляется задолго до Бехистунской надписи и связано с драматическими событиями VIII-VII веков на Ближнем Востоке, когда саки стали грозой таких могучих государств древности как Ассирия и Урарту. Вместе с тем ассирийцам иногда на несколько десятилетий удавалось найти в лице саков верных союзников, что не раз спасало их от гибели. Много неразгаданного в истории саков и скифов. Они были первыми кочевниками Великой Степи, ставшими широко известными древнему миру и сыгравшими роль, которую трудно переоценить. Это о них читаем мы в Библии: "И пойдеши ты с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сорище великое и войско многочисленное". "Вот, поднимается он подобно облакам и колесницы его - как вихрь, кони его быстрее орлов, горе нам! Ибо мы будем разорены". "Колчан его как открытый гроб.... Держат в руках лук и копье, они жестоки и немилосердны, голос их шумен как море, несутся на конях, выстроились как один человек, чтобы сразиться с тобой, дочь Вавилона"⁷. Подобную картину рисует грузинский историк XI в. н.э. Леонти Мравели, когда воссоздает историю Закавказья второй четверти I тыс. до н.э.: "Неисчислимо множество скифов опустошало земли и города вплоть до Урарту"⁸. Сохранились сведения (восходящие, скорее всего к сакскому героическому эпосу) о сакской царице Зарине, успешно сражавшейся с мидянами за главенство над Парфией (название с I тыс. до н.э. юга

Туркмении и Северо-востока Ирана). "Но эти вторжения были началом сакской эпопеи. Ее продолжением стали военные операции персидских царей Кира и Дария против саков за Оксом и Яксартом, т.е. за Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, и "заморских" - причерноморских саков - скифов Геродота. В 558 году до н.э. главой персидских племен на Юго-западе Иранского плато стал Кир из рода Ахеменидов. Менее чем за 20 лет он создал огромную державу, включившую в себя Малую Азию, Закавказье, Сирию, Палестину, Междуречье, Иранское нагорье, Среднюю Азию. Никто не мог устоять перед натиском персов. Между 543-539 годами Кир повернул главные силы своей армии на северо-восток. Но об этом сведений очень немного и можно предполагать начало покорения саков, поскольку из Бехистунской надписи известно, что Дарий унаследовал от Кира и страну саков. А античные летописцы сообщают, что на границе с саками, близ Сыр-Дарьи был сооружен город - крепость Куриштиш (город Кира) или Кирополь.

Следующий, роковой для него поход на саков Кир совершил в 530 году уже в преклонном возрасте. Ему тогда было около 70 лет. Несомненно, массагеты - сакское племя, которое Геродот называл "племенем большим и сильным", бросило вызов персидскому владычеству в Средней Азии. Обитали они в степях Казахстана и Средней Азии к востоку от Каспийского моря. Чтобы вторгнуться в земли массагетов Кир наводит мосты и "сооружает, - по словам Геродота, - башни на судах для переправы" через реку, вероятно Аму-Дарью или полноводный тогда Узбой, приток Аму-Дарьи. Но, переправившись через реку, армия Кира подверглась сокрушительной конной атаке массагетов и потерпела полное поражение. Сам Кир погиб в сражении. Поражение персов и гибель Кира оставило глубокий след в античной литературе. Древнегреческие летописцы говорят о 200 тысяч убитых воинов Кира в этом бою. Геродот подробно рассказывает о гибели Кира. До переправы через Аму-Дарью Кир хитростью овладел лагерем массагетов и перебил их. Но на восточном берегу Аму-Дарьи силы массагетов под руководством царицы Томирис разбили персов, а отрубленная голова Кира была брошена в мешок, наполненный кровью, со словами Томирис: "Ты жаждал крови, так пей ее!". Геродот пишет, что это была самая жестокая из всех битв, в которых участвовали "варвары". Есть и другие версии этих событий.

После смерти Кира смута охватила империю Ахеменидов. Все саки восстановили свою независимость. Но в 522 году к власти приходит Дарий, который безуспешно начал вновь собирать империю. В 519 году он совершает поход на саков. "Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону ее со всем войском перешел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую (часть) захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил

их вождем, как на то было мое желание. Затем страна стала моей" - так рассказывает в Бехистунской надписи сам Дарий. "Саки в острокопечных шапках" не были до этого поражения подчинены персам, ведь Дарий не называет их бунтовщиками, а их предводителя Скунху не обвиняет во "лжи", то есть в мятеже против власти. Сам Скунха изображен на Бехистунском рельефе в острокопечной шапке, а не с обнаженной главой как прочие мятежники. Поход Дария против, "саков с острокопечной шапкой" был не подавлением бунта, а завоеванием ранее непокоренного народа. Триумф Дария над "саками в острокопечных шапках" отражен на одной печати времени Дария I, где персидский царь хватает левой рукой сака в острокопечной шапке, а правой выхватывает меч для удара. Второй сак уже побежден и лежит на земле.

Но поход против массагетов, который Дарий предпринял на следующий 518 год не увенчался успехом. Древнегреческий историк Полиен рассказал интересный эпизод борьбы массагетов с персами. Сак, по имени Ширак, нанес себе клинком раны и, перебежав к персам, представил себя обиженным своими соплеменниками. Заявив о желании отомстить им, вошел в доверие к персам и завел их воинов в безводную пустыню, где большинство их погибло. Таковы славные и трагические страницы борьбы наших далеких предков за свободу и независимость от иноземных поработителей, дошедшие до нашего времени.

Сакские и савроматские племена древнего Казахстана играли заметную роль в мировой политике того времени. Савроматы, обитавшие в Западном Казахстане и Поволжье соседствовали со скифами Причерноморья, торговали с ними, воевали, заключали военные союзы. Саки и савроматы очень рано, еще до образования Персидской империи Ахеменидов имели тесные связи с такими древними государствами Средней Азии как Большой Хорезм и Бактрийское царство. Саки участвовали во многих исторических событиях древности. Кир не только воевал с саками, но и прибегал к их помощи, например в войне с лидийским царем Крезом. Отдельные сакские племена временно подпали под власть Ахеменидов при царе Дарие I. Но при этом нельзя сказать, что саки жестоко угнетались в империи Ахеменидов. Им оказывалось доверие, они служили в войсках Ахеменидов, и даже входили в отборные элитные части, в личную гвардию персидского царя, в число так называемых "десяти тысяч бессмертных". Саки сражались на стороне персов в греко-персидских войнах. Саки наряду с персами были наиболее боеспособными частями в армии Ахеменидов. Особую роль в боях сыграла конница саков. В битве с греками в 490 году до н.э. при Маратоне саки находились в центре боевого построения персов и мужественно сражались, смяв в начале сражения боевые порядки греков. И не их вина в разгроме персов при Маратоне. Сражались саки и при Фермопилах в армии Ксеркса против легендарных спартанцев царя Леонида.

Завоевание большинства среднеазиатских областей, и части юга Казахстана ахеменидскими царями Ирана включило эти области в состав крупнейшей в то время державы древнего Ближнего и Среднего Востока, по сути мировой империи. И обусловило пребывание их в течение двух столетий (т.е. на протяжении жизни пяти-семи поколений) в ее составе, что и могло не оказать влияния на культуру, религию и уровень социального развития общества. Саки, как и родственные им народы Средней Азии, вошли в соприкосновение не только с персами и мидянами, но и с передовыми в то время культурами Ближнего и Среднего Востока - вавилонской, финикийской, древнеегипетской, малоазийской, эллинской (древнегреческой), древнеиндийской. Особенно интересно время правления Дария I, который был не только великим завоевателем, но и знаменитым реформатором. Он предусмотрел разделение гражданской и военной властей в сатрапиях (провинциях), осуществил строгий порядок в сборе государственных налогов, что позволило накопить огромные богатства и обеспечить процветание империи Ахеменидов. Дарий I установил порядок в империи, провел хорошие дороги, наладил почтовую связь, стал чеканить единую, ходившую по всей империи золотую монету - дарик. Дарий I стал царем не только персов, но и других народов империи. Как выходцы из среднеазиатских оазисов - бактрийцы, согдианцы, так и "сыны степей" саки, подвластные Ахеменидам, а также сирийцы, египтяне, вавилоняне, финикийцы, индийцы, эллины - все они чувствовали себя не столько рабами древнеперсидского царя, сколько его подданными. Каждый из них мог обратиться к царю с жалобой на неправильные действия; знал, сколько налогов он должен был уплатить царю, не подвергаясь разорению. Первым из восточных царей Дарий I поставил свои отношения с разноплеменными подданными на деловую основу: он даровал им мир и процветание, но брал за это немалые деньги. Он рассматривал созданную им империю как большую, сложную и нужную всем машину. Для Древнего Востока экономические и культурные достижения империи Ахеменидов легли в основу дальнейшего развития многих государств, существовавших позднее на землях Центральной Азии, в том числе и на территории древнего Казахстана. Так, юридические нормы Ахеменидов пережили их державу и сохранялись, в частности в Хорезме, в царстве Канг к северу от Сырдарьи. От языка официальных ахеменидских канцелярий ведут свое происхождение хорезмийская и согдийская письменности, просуществовавшие до VII-VIII в. н.э., а кое-где и дольше. Один из двух тюркских алфавитов раннего средневековья, т.е. курсивное письмо. В архитектуре и искусстве последующих эпох, вплоть до раннесредневековой Центральной Азии, четко прослеживаются мотивы и элементы, например, "сако-скифского звериного стиля", восходящие ко времени Ахеменидов⁹.

Искандер Зуль-Карнайн

Долгая память осталась в веках о величайшем завоевателе древности Александре Македонском или Искандере Зуль-Карнайне (Двурогом), как называли его на Востоке. С этим именем связаны и драматические страницы истории древнего Казахстана и Средней Азии. Под его предводительством немногочисленная греко-македонская армия разрушила огромную Персидскую державу Ахеменидов, добралась до загадочной Индии и таинственной Центральной Азии. Александр рано стал персонажем народных преданий на Востоке. Из уст в уста, из поколение в поколение передавались предания о его необыкновенных приключениях, завоеваниях, и правда все больше смешивалась с вымыслом, и "нас возвышающий обман" все больше отодвигал на задний план "тьму низких истин". И это несмотря на то, что в Средней Азии и Казахстане он показал себя кровавым завоевателем, масштабы зверств и разрушений которого разве что уступают монгольским завоеваниям Чингиз-хана. Многие города и селения, среди них город Кира были стерты с лица земли. Даже деревьев не щадили мечи воинов владыки Азии, оставлявшего после себя вместо оазисов голую пустыню. Надолго запомнила эта земля тяжелую руку Александра Македонского. Поэтому вполне можно согласиться с мнением великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева, посвятившему Александру Македонскому поэму "Искандер", где есть следующие строки: "Беспощаден и смел, кровожаден и зол, выше туч воспарил Искандер - орел". "... Много крови в моря и реки влил, без счета невинных на смерть осудил. Осталась недобрая память навек, о кровавых делах, что он совершил". "Кровавый вепрь и зол и дик. Людей презирать он привык. Придворные недаром звали его владыкой владык"¹⁰.

Хуже варваров оказался этот ученик знаменитого и поныне древнегреческого философа Аристотеля. Хотя не стоит идеализировать и Аристотеля, который был человеком своей эпохи и разделял многие ее заблуждения, ведь никто иной как он поучал Александра вести себя с эллинами и македонянами как руководитель, с варварами же - как владыка; заботиться о первых как о родных, а к варварам относиться как к животным.

Саки столкнулись с армией македонского царя впервые как союзники и наемники державы Ахеменидов. В решающем сражении за владычество над известным тогда людям миром в 331 году до н.э. при Гавгамелах конница саков смяла ряды противника первой же атакой. Но этот шанс на победу был упущен персами из-за малодушия их царя Дария III, бежавшего с поля боя, хотя исход сражения еще не был ясен. После этой битвы в Азии остался только один владыка - Александр Македонский. Но его вторжение в Среднюю Азию встретило упорное сопротивление местного населения, которое активно поддерживали кочевые племена, обитавшие к северу от Сыр-Дарьи. На завоевание этого региона Александру понадобилось три года непрерывных боев с

331 по 327 гг. до н.э. То есть столько времени, сколько он перед этим потратил на завоевание всей огромной империи Ахеменидов - от Эллады до Индии.

Борьба с македонскими завоевателями связана с именем Спитамена, возглавившего отряд саков. Он три года вел партизанскую войну с македонянами. Саки были известны своими высокими боевыми качествами, особенно как прекрасные кавалеристы в античном и древневосточном мирах, искусно владевшие тактикой, как конного так и пешего боя. Их вооружение состояло из лука, меча, панциря, медной боевой секиры и легкого щита. Конский боевой доспех включал панцирь и нагрудник. Сакские женщины наравне с мужчинами принимали участие в боях, "притворно обращаясь в бегство, стреляли с коней, оборотясь назад", и в воинском искусстве ничем не уступали мужчинам. Конницу саков древнегреческие летописцы считали лучшей и, по их мнению "саки - искуснейшие стрелки, не пускающие стрелы неудачу". В рукопашном бою использовали короткие кинжалы - "акинаки" и копья, а для дальнего боя прекрасные луки и стрелы. Кавалерия саков делилась на легкую и тяжелую. Сакское войско это не одна лава легких лучников, но и тяжелая панцирная конница, сильная не только неожиданным нападением, но и открытым сражением с всадниками и пехотинцами. Саки и массагеты с одинаковой ловкостью сражались в пешем и конном строю в отличие от македонян и греков, делавших ставку на лобовую атаку сомкнутым строем - фалангой на ровной местности. У саков накануне походов весь народ становился войском. Каждый, кто мог носить оружие и сесть на коня, участвовал в походе, причем только воин, убивший врага, имел право пить из почетной круговой чаши во время ежегодных празднеств. Античные летописцы оставили интересное описание обычая "садиться на шкуру", т.е. подготовки к походу. Организатор похода убивал жертвенное животное, готовил мясо и выставлял его в казане. Сам же в позе мольбы, заложив руки назад, как связанный садился на шкуру. Каждый, кто вступал на нее, будь то родственник или соплеменник, и вкусил мяса, становился членом дружины. "Такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве", - сообщают древние авторы.

В своих наступательных походах саки использовали ударный кулак конницы для атаки на центр вражеского войска. Сам характер сакского войска предполагал большую мобильность. Неутомимость и неприхотливость коней саков позволяла им двигаться быстро и совершать большие переходы за короткое время. Древние авторы показывают нам страшные картины боя: конная лава, дождь смертоносных, напоенных ядом стрел, летящие дротики - все это наводило панику на противника. А затем начиналась сеча - в дело шли топоры - секиры, копья, акинаки, мечи. Трудно было

противостоять натиску саков. И в бою и в состязаниях сакских конников не могли превзойти даже такие искусные кавалеристы как персы.

Саки владели искусством взаимодействия конницы и пехоты. Например, вариантом совместной атаки кавалерии и легкой пехоты, когда всадники, по двое сидевшие на коне, при сближении с врагом действовали как конники и пехотинцы: одни оставались на лошади, другие соскакивали с них. Этого приема не знали македоняне. Применяли саки конную атаку лавой, притворное бегство, наскоки малыми группами, стремительное преследование врага при отступлении. Благодаря этим достижениям в ратном деле народы Средней Азии и Казахстана, несмотря на отсутствие единства и измену части местной знати, смогли три года противостоять самой сильной армии мира того времени.

Армия Александра Македонского несла народам Средней Азии и Великой Степи иго, ничуть не легче предыдущего. При попытке переправиться через Сыр-Дарью сам Александр был тяжело ранен сакской стрелой в бедро, а при осаде городов по Сыр-Дарье "был тяжело поражен в голову и шею камнем" из пращи. Однако меры, принятые к умиротворению, не успокоили Среднюю Азию. Серьезную угрозу представляли действия Спитамена с отрядами степняков осадившего македонский гарнизон в Мараканде (совр. Самарканд). Сам Александр не мог отлучиться с берегов Сыр-Дарьи на помощь осажденным, так как к реке подошли отряды саков. С большим трудом ему удалось отогнать их в степи. Только после этого удалось отбить Мараканду у Спитамена, а его самого заставить отступить к сакам. Два отряда, посланные Александром за ним в погоню, попали в засаду и были истреблены саками. Теперь сам Александр выступил в поход на Спитамена и вынудил его отступить. Но борьба еще была далеко не закончена. Спитамен продолжал нападения на македонские гарнизоны, а при неудаче уходил в степи, к сакам. Но зимой 328 года до н.э. три тысячи массагетов во главе со Спитаменом во время очередного набега потерпели поражение от македонян. Чтобы предотвратить вторжение Александра в пределы их владений, сакские предводители предали Спитамена. Его голова была прислана Александру. Но, несмотря на море крови, македонское владычество было недолгим, а саки, жившие за Сыр-Дарьей сохранили свою независимость. Фактически они остановили продвижение Великого завоевателя на Восток¹¹.

Вместе с тем часть саков из племени дахов, "коинные лучники", стали затем союзниками Александра в его походе на Индию, являясь кавалерийским авангардом македонян, где отличились в битвах с индийским царем Пором.

Македонское завоевание имело заметные последствия не только в политическом и военном отношении. В результате походов Александра Македонского, земли значительной части Средней Азии вошли в состав

эллинистического мира, а саки в непосредственное соприкосновение с ним, с его эстетическими и религиозными воззрениями, канонами красоты. В это время Александр четко сформулировал и стал проводить в жизнь курс на объединение всех подданных создаваемой им "мировой державы" в единый народ. С этой целью он приблизил к себе представителей восточной знати, в том числе и из Центральной Азии, расселял в завоеванных странах македонских и греческих колонистов, поощрял смешанные браки. Сам Искандер, уже женатый на дочери последнего, поверженного им Ахеменида Дария III (и тем самым как бы ставший "законным" наследником древнеперсидского трона "царя царей"), женился на дочери побежденного бактрийского вельможи - Роксане (Рокшанек, Рахшан), сын его от которой должен был унаследовать престол созданной им мировой империи. Многие приближенные Александра и его воины последовали примеру своего царя. В быту были приняты некоторые восточные обычаи. Несмотря на огромные размеры державы, завоеванной Александром, и различный уровень экономического развития ее областей, была организована единая система управления. Источники отмечают обширное градостроительство, предпринятое Александром Македонским в завоеванных областях. По сообщению древнегреческого летописца Страбона в Бактрии и Согдиане македоняне и эллины основали восемь городов, а по Юстину (тоже эллинский летописец) - двенадцать. Достоверно известно о трех городах в центральной Азии - Александрии на Оксе (Аму-Дарье), Александрии в Маргиане, и городе на границе со степями саков - Александрии Эсхате на Яксарте (Сыр-Дарье), где ныне таджикский город Худжанд (Ходжент, Ленинабад советской эпохи). Хотя идея Искандера Зуль-Карнайна о политическом объединении ойкумены - обитаемой людьми части мира была похоронена вместе с ним, его деятельность имела заметные последствия для Центральной Азии. Завоеватели принесли в этот регион более развитые общественные (рабовладельческие) отношения, чем те, которые здесь были известны. Появилось древнегреческое, или принявшее греческий образ жизни - эллинизированное местное население, а политика Александра на сближение эллинов и македонян с "азиатами" приобрела немало влиятельных сторонников как среди эллинистических правителей - преемников Александра в государствах Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, образовавшихся на руинах империи Александра Македонского, так и среди местной восточной знати. В результате на территории древней Средней Азии - Согдианы, Бактрии, Маргианы, с которой столь тесно были связаны саки, в течение нескольких веков существовала своеобразная историко-культурная общность - эллинистический мир, верхушка которого знала древнегреческий язык и литературу, поклонялась эллинским богам, придерживалась в искусстве древнегреческих эстетических представлений¹².

К III веку до н.э. господство в Прикаспии, Западном Казахстане и Приуралье переходит к сакским племенам дахов или даев, которые вероятно поглощают и вытесняют родственные им племена массагетов и сарматов, потомков савроматов Геродота. А в Семиречье в это время влияние переходит к исседонам - племенам с культурой сакского типа.

Саки Казахстана были прямыми потомками ариев. Вместе с тем, установлено, что с начала сакской эпохи во внешнем облике древних степняков Казахстана происходят изменения. "Широкий пояс евразийских степей... на век два раньше середины I тыс. до н.э. заволновался. Через него потянул ветерок с востока. Среди европеоидов по внешности у степняков древнего Казахстана появились люди какого-то другого облика - с жесткими черными волосами и раскосыми глазами... Этих людей было мало, но потом к началу нашей эры, их количество стало увеличиваться". То есть начинается смешение двух групп населения: европеоидов - индоевропейцев или точнее древних иранцев с монголоидами из восточной части Центральной Азии, где зародилась алтайская семья языков, из которой вышли тюркские языки, к числу которых относится казахский.

Эпоха саков была временем прорыва из века бронзы, из мира авестийских ариев в железный век - век скифо-сакских племен. Резко меняется образ жизни древних степняков Казахстана. Окончательно происходит складывание кочевого скотоводческого хозяйства, что вовлекает в хозяйственный оборот огромные незаселенные и неиспользованные раньше междуречные степные пространства. Крупный рогатый скот все более заменялся лошадей в стадах древних жителей Казахстана. Это позволило резко удлинить маршруты перекочевок и сделать их сезонными, т.е. по временам года. Но вместе с ростом стада возрастает зависимость степняков от природы и климата. Капризы природы, например, в виде засухи в степи летом или джута зимой (когда земля покрывается льдом, и скот не может достать подножный корм под снегом) приводили к падежу скота, голоду, к переселениям, к походам на другие страны. И все же в то время и в тех условиях на большей части Казахстана переход к кочевничеству наиболее правильный ответ общества на изменение природной среды, рост населения и усиление военной угрозы. А военная опасность появляется после приручения лошади и создания войска конных лучников с высокой поражающей силой оружия, маневренностью и возможностями быстрых и длительных перемещений на большие расстояния.

Мы уже говорили о высоких боевых качествах сакских воинов и удивительной резвости их коней, о чем немало строк у античных летописцев. В связи с этим обращает на себя внимание один из эпизодов, связанных с их благородством. "Персидский царь устроил конные ристалища для всадников, представлявших разные народы. Когда начались бега, молодой сак вырвался вперед и достиг финиша.

оставив всех остальных всадников почти на половине дороги. Персидский царь предложил саку царство в обмен на коня, но тот отказался, заявив, что отдал бы коня лишь в обмен на благодарность храброго человека". Сакское общество не было однородным, в нем были бедные и богатые. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить громадные погребения - курганы сакской знати и захоронения простых людей. На высшей ступени сакского общества находились "цари" и "царицы". Они обладали немалой властью, решали вопросы войны и мира, посылали послов, заключали союзы, возглавляли войска. В конце V-IV в.в. царь саков был союзником персидского царя. Но пределы власти сакских царей среди их соплеменников неясны. Царская власть принадлежала одному "царскому" роду, а умершему "царю" наследовал его брат, вероятно, как старший в роду. Так впоследствии было и у казахов. Часто во главе саков были "царицы", что свидетельствует о заметной роли женщин у древних степняков Казахстана.

Скорее всего, власть царя у саков была ограничена решениями так называемого "народного собрания" - всех взрослых мужчин племени, где тон, вероятно, задавали "могущественные мужи скифской земли", т.е. военно-племенная аристократия. Саки во многом отличались от других народов Древнего Востока. Ведь в Великой Степи, кроме юга Казахстана, не было условий для орошаемого земледелия. Поэтому там не было и чиновников, которые стояли бы народ на работы, не было храмов, и ими руководили не столько цари, чья роль возрастала при внешней угрозе, сколько родовые предводители; жрецы приносили жертвы богам под открытым небом. Каждый сакский мужчина был гордым воином, свободным и полноправным человеком. Имущественное неравенство среди саков усиливало социальное расслоение в обществе, но далеко не всегда играло решающую роль. Принадлежность к знатному роду или личная воинская доблесть были более престижными добродетелями у саков, нежели богатство.

Вольнолюбивый характер особенно ярко проявляли представители сакской знати, они считали себя равными царям. Знать пользовалась поддержкой племенных военных отрядов, из которых сакские цари формировали свое войска. Царь, не получивший одобрения войска, мог потерять власть. Т.е. можно заметить, что управлять саками было не просто. Саки никогда не были рабами "власть предержащих", как это было в государствах восточных деспотий.

Что касается материальной кочевнической культуры саков и скифов, то многие ее элементы стали достоянием и современных народов. От скифов и саков заимствованы длинные штаны и короткий кафтан, к которым восходят брюки и пиджак (жакет), составляющие основу современной не только мужской, но и женской одежды. Характерный костюм кочевников, впервые получивший распространение благодаря

скифам и сакам (мягкие кожаные сапоги, длинные штаны, куртка-кафтан и войлочная островерхая шапка - прообраз казахского калпака) уходит корнями во времена андроновских племен: об этом можно судить по археологическим находкам в курганах андроновцев, общими для саков, скифов, бактрийцев, хорезмийцев и других индоиранских народов были и названия частей этого костюма.

О духовной культуре и религии саков лучше всего скажут нам памятники искусства, которые сотворили их ум и руки. Несомненно близость представлений саков о мире богов с воззрениями ариев. Сакское искусство, так называемый "сако-скифский звериный стиль" - это выражение мировоззрения саков, воплощенного в их мифологии, изобразительном искусстве. "Звериным стилем" называется потому, что его темой было изображение зверей, животных, мифических чудовищ. Сакское искусство - яркое явление мировой культуры. Оно было тесно связано с искусством Ахеменидского Ирана, Хорезма, Согдианы и Бактрии, с одной стороны, искусством Китая эпохи Чжоу и Хань, с другой¹³. Сакская культура, ее "звериный стиль" распространилась на огромных просторах Великой Степи и на много веков пережила создавший ее народ.

Усуни и Кангюй

Непосредственными продолжателями сакских традиций были в первые века нашей эры усуни в Семиречье и царство Канг или Кангюй в присырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Хотя существует и другая точка зрения на происхождение усуней, предполагающая их принадлежность к алтайской языковой семье и даже их тюркоязычие¹⁴. Племена усуней пришли в Семиречье из глубин Центральной Азии. Во II веке до н.э. они покорили саков и основали владение во главе с правителем, носившем титул гуньмо. Древние китайцы называли это владение государством усуней. Первые известия об усунях появляются во II веке до н.э. и связано это с расширением географического кругозора древних китайцев, открывших для себя Западный край или "Сиюй" по-китайски, "Окно в мир", куда они включали Восточный Туркестан, Среднюю Азию и Казахстан. Император древних китайцев У-ди из династии Хань в поисках союзника в борьбе с вековыми врагами Китая кочевниками сюнну (хунну), направил на запад посольство во главе с Чжан Цянем. Последний побывал в Семиречье, откуда и привез сообщение об усунях, среди которых тогда обитали и племена сэ (саков) и юэчжей. Как предполагается, юэчжи были близки сако-скифскому кругу племен и появились в Семиречье и Средней Азии в 160-158 гг. до н.э. с востока Центральной Азии после поражения от сюнну и под натиском усуней. Усунь - было государством с многочисленным населением - 630 тысяч жителей и войском - 188 тысяч воинов, в состав которого входила дружина усуньского правителя - 30 тысяч конников и пехоты

лучники. Территория государства усуней была обширной. Северные границы доходили до озера Балхаш, на западе до реки Талас. Гуньмо принадлежала верховная власть. Его ставка Чингучэн - "город Красной долины" имел укрепления и предместья. На рубеже нашей эры и в первые ее столетия этот город был заметным торговым и политическим центром на знаменитом Великом Шелковом пути, со II века до н.э. связавшего Китай с цивилизациями Средней, Западной Азии, Европы через оазисы Кашгарии и Южного Казахстана. Усуни заключили союз с китайцами против сюнну, что усилило влияние Китая в их стране и вызвало недовольство местного населения, особенно китайское вмешательство в дела престолонаследия, где оспаривали трон сторонники сюнну и прокитайской ориентации. Итогом этих распрей был развал государства усуней на два владения: великого и малого гуньмо. Эти события происходили между 64-51 годами до н.э. Но 45-14 годы до н.э. время правления гуньмо Цылими - период расцвета государства Усунь, так как он "твердо держал власть" и в его владениях "настал глубокая тишина и мир". О силе и мощи усуней, о заинтересованности союзнических отношений с ними, красноречиво говорят династийные браки. Многие принцессы из правящих домов древнего Китая, державы сюнну стали женами усуньских гуньмо, а дочь гуньмо по имени Диши женой правителя Кучи из Кашгарии. До III века н.э. китайцы подробно освещают историю усуней¹⁵. Еще в 437 году н.э. есть упоминание о посольстве усуней к китайскому двору. От усуньского времени осталось много вещественных доказательств былой культуры: круглодонная глиняная и деревянная посуда, железные наконечники стрел, мечи, кинжалы, булавы, ожерелья из драгоценных камней, серьги, браслеты, зеркала. Есть основания предполагать преемственность древних усуней с уйсунями и уйшунами, позднее вошедшими в состав казахов и кыргызов. Появление во II веке до н.э. царства Канг, скорее всего, связано с переселением сюда из Центральной Азии племен юэчжей, поделивших с усунями прежние земли саков. На рубеже нашей эры в Кангюй жило 600 тысяч жителей при 120 тысячах воинов.

Кангюй, подвергаясь натиску усуней, пошел на союз с сюнну¹⁶. Договор с сюнну был закреплен династийным браком, за повелителя сюнну - шаньюя, правитель Канга отдал дочь. Шаньюй также отдал в жены свою дочь за царя Канга. Обороняясь на востоке от усуней, Кангюй отдавал предпочтение связям с западными соседями в Приаралье и Средней Азии. В частности, с крупнейшим государством древнего мира - Кушанской державой, истоки возникновения которой, как и царства Канг, связаны с юэчжами, сокрушившими во II веке до н.э. эллинистическое государство в Средней Азии - Греко-Бактрийское царство. Вторжение юэчжей на юг Казахстана и в Среднюю Азию, вовлекших в это движение и племена потомков древних саков, затем привело к примечательному культурному и

политическому синтезу, в основе которого лежали два начала - кочевая традиция и эллинистическая государственность. С заметным и постепенно становившимся все сильнее влиянием оседлых среднеазиатских и индийских культур, поскольку Кушаны - в момент своего расцвета включали в свой состав огромные пространства Средней Азии, Афганистана и большей части Индии - от Каспия на западе до современного Синьцзяна на востоке, от Ташкентского оазиса на севере до низовьев Ганга и реки Нарбада на юге. Эти влияния в кушанской цивилизации к III веку н.э. т.е., через три столетия существования Кушанской империи, о которой в буддийском документе переведенном на китайский язык в 266 или 281 годах, говорится как об одной из трех наиболее могущественных частей света. Наряду с Римом и Китаем, стали определяющими. Это выразилось в распространении буддизма - одной из мировых религий, родина которой Индия, становление восточноиранского бактрийского языка как официального языка Кушанов, пришедшего на смену древнегреческому, хотя "кушанское" письмо было создано на основе древнегреческого алфавита.

Влияние империи Кушанов на царство Канг было огромно, как вследствие общности кушанов и кангюев в этническом и культурном отношении, так и в силу роли Кушанов в мировой политике того времени. Незадолго до 78 г. н.э. царь Канга породнился с кушанским царем. Это был, вероятно, типичный династический брак. Однако заключение его свидетельствует об обоюдном интересе кушанов и кангюев друг к другу, о политических (и, вероятно, торговых-экономических) связях Кангюя с Кушанской империей. О влиянии кушанов на владетеля Канга, свидетельствуют события 84 года н.э., когда кушаны сделали "внушение" царю Канга, вынудив его отозвать кангюйские войска из Синьцзяна, где они воевали на стороне правителя Кашгара против китайцев. Вместе с тем, несмотря на то, что царь Канга вынужден, был считаться с мощью Кушанской державы, по отношению к такой мировой империи той эпохи, как империя Хань в Китае, Кангюй вел независимо и считал себя достаточно могучим государством, чтобы вступать с ней в военную конфронтацию, пытаясь остановить ханьскую экспансию в Центральной Азии. Еще до возникновения Кушанской державы, в 101 году до н.э. Кангюй вмешивается в фергано-китайскую войну на стороне первых, а в 47-46 годах до н.э. в Кангюй находит прият враждебный Китаю шаньюй северных сюнну Чжи-Чжи. Китайский наместник Синьцзяна особо подчеркивает независимость царя Канга за его отказ "делать поклонение" перед нашими (ханьскими) посланниками. Уже во II веке до н.э. Кангюю подчинялись все присырдарьинские районы вплоть до Ферганы. В разные исторические периоды, возможно, в состав Кангюя входили и районы Центрального Казахстана. Китайские и персидские летописи XIV века, указывают

на преемственность, которая существовала между древними кангюями и тюркскими племенами XII - XIII вв. канглы, впоследствии участвовавших в образовании казахского и других современных тюркских народов¹⁷.

Своеобразие усуней и кангюи состояло в том, что их общества не были ни "классическими" кочевниками, ни "классическими" земледельцами. У усуней скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевой образ жизни с полуседлостью. Так, китайский историк Бань Гу сообщает, что китайка Фын из свиты китайской жены гуньмо раздавала подарки усуньским "оседлым владетелям". Другие китайские авторы пишут, что хотя усунь "следовали за травой и водой", т.е. кочевали, "все же имели города и предместья", а также "сажают деревья". Расслоение общества на богатых и бедных более заметно у усуней, чем у саков. Китайский "отец истории", летописец I века н.э. Сыма Цянь говорит, что "В Усунь много коней. Их самые богатые люди имеют до 4-5 тысяч голов лошадей"¹⁸. Существовало в усуньском обществе и рабство. Рабами были пленные. Так в I веке н.э. известен факт, когда усуньский гуньмо Вэй Гуйми напал на сюнну и увел у них в плен 40 тысяч человек. Но рабы использовались как слуги, в домашнем хозяйстве. Характерно, что в отличие от саков, большинство усуней не имели оружия. Вместо вооруженного народа у гуньмо были профессиональные воины, дружина. Все признаки государства в усуньском обществе были налицо. То же можно сказать и о кангюях, культура которых - это в основном культура оседлых земледельцев. Кангюи жили в поселениях с крепостными стенами и рвами, наполненными водой. Во II-I веках до н.э. Кангюи чеканили свои деньги, в ходу у них были монеты "безымянного" царя хорезмийцев. Монументальные кирпичные постройки, сложные по архитектуре дворцовые комплексы, красочные настенные росписи говорят о высоком уровне развития культуры в древнем Кангюе.

Как предполагается, Усунь и Кангюи положили конец "сако-скифскому" периоду в древней истории Казахстана и ознаменовали начало эпохи, которая стала связующим звеном между древностью и средневековьем. Характерной особенностью истории народов древнего Казахстана - ариев, саков, скифов, савроматов, усуней и кангюев является ее неотделимость от древней истории всех народов в Центральной Азии, особенно Средней Азии и Восточного Туркестана. По сути, это одна общая история, во всяком случае, для периода древности. Древняя история Казахстана, являясь неотъемлемой частью истории Центральной Азии тесно связана и с древнеиранской, эллинистической, индийской и китайской цивилизациями того времени. Особенно это касается иранской и индийской культур, поскольку древняя культура народов Центральной Азии в целом, а Казахстана в частности, была, за исключением разве что усуней, преимущественно ираноязычной. Именно в древнейшую эпоху,

начиная с ариев, которые пришли в Индию и, как предполагается, являются предками представителей высших индийских каст, существующих и сегодня, и к языку которых восходят тексты древних религиозных письменных индийских источников, н-р: "Вед", складываются тесные разносторонние связи народов Индии и Центральной Азии, пик, развития которых в древности относится к Кушанскому времени. Эта традиция не умирала и в Средневековье вплоть до Нового времени, когда тюркские пришельцы из Центральной Азии, подобно тому, как это было в древности, дали импульс индийской имперской государственности, наглядным олицетворением которой стали делийский султанат и империя Великих Моголов. Великие империи древности уходили в небытие по-разному: одни как державы Ахеменидов и Александра Македонского, раскалывались с грохотом, другие, например, Кушаны и Кангюи, растворялись подобно неясному видению...

¹ Энциклопедия для детей. Всемирная история. Т. 1. М., 1995. С. 210.

² С. Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 11.

³ М. Бойс. Зороастрийцы. М., 1987. С. 27, 40-41.

⁴ Д. Уилбер. Персеполи. М., 1977. С. 22-26; Р. Фрай. Наследие Ирана. М., 1972. С. 54.

⁵ Авеста. Избранные гимны. Перевод И. М. Стеблин. - Каменского. Душанбе, 1990. С. 17, 44-45, 119-120.

⁶ Геродот по изданию: А. И. Доватур. Д. П. Каллистов. И. А. Шишова. Народы нашей страны в "истории Геродота". М., 1982. VII. 64. С. 24.

⁷ Библия. Книга пророка Иеремии. С. 4, 13.

⁸ Картлис Цховреба. (история Грузии). Т. 1. Тбилиси, 1955. С. 11-12.

⁹ М. А. Дандамаев. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 100-101
Б. И. Вайнберг, Б. Я. Ставиский. История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н.э. - VIII в. н.э. М., 1994. С. 50-61.

¹⁰ Абай Кунанбаев. Избранное. Казахская литература для 9-11 классов. Алматы, 1993. С. 88.

¹¹ Страбон. География. В 17 книгах. Перевод с греческого, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Л., 1964. XI. 9. С. 151-159; Арриан. Поход Александра. М. - Л., 1962. III. 13, 28, V, 12; В. Б. Ковалевская. Конь и всадник. М., 1977. С. 109-110; Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 238-297.

¹² Б. И. Вайнберг, Б. Я. Ставиский. С. 76-87.

¹³ К. А. Акишев. Курган Иссык. М., 1978. С. 11-17. М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973. С. 14-19. А. К. Акишев. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1983. С. 10-18. В. П. Алексеев. В поисках предков. Антропология и история. М., 1972. С. 255.

¹⁴ Ю. А. Зуев. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем. - Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1957, вып. 2. С. 20-25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сыма Цянь, Шицзи (Исторические записки). Изд. Бона. Пекин, 1958. С. 2051 (1521) на китайском языке.

¹⁷ "Юань - ши" - (История Юань) - в серии Соинь - бона - бэнь, эр - ши - сы - ши (24 династийных истории. Шанхай - Пекин, 1958, цзюань 130. С. 1502 (27454) на китайском языке.

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (по материалам китайских источников)

Каримова Н. Э.

1. Усуни и места их обитания

С древности Кумульский оазис привлекал своими природными условиями многочисленные народы. Через него проходили торговые пути, соединявшие Китай со странами Центральной Азии.

Самые ранние сведения о народах, некогда обитавших в Кумульском регионе, восходят ко II в. до н.э., к началу эпохи Хань¹. "Шицзи" (Исторические записки) Сыма Цяня и "Ханьшу" (История династии Хань) первыми упоминают о древних усунях. Согласно этим источникам, основные районы обитания усуней в то время - бассейн реки Или. Но ранее они там не жили. Вопрос о первоначальных местах обитания усуней привлекал и продолжает привлекать внимание китайских историков. Ему посвящена статья Чэн Шиляна "Усунь юаньчжуды бяньчжэн" (О первоначальных местах обитания усуней), серия работ историка, профессора Синьцзянского университета Су Бэйхая под общим заголовком "Ханьдай усунь цзюйдикао" (Исследования о местах обитания усуней в эпоху Хань) и др. [9, с. 16-23; 4, с. 1-22].

В "Ханьшу", в разделе "Сиюй чжуань" (Повесть о Западном крае) говорится, что "...усуни с даюэчжами² совместно проживают в Дуньхуане" [3, с. 19]. В разделе "Чжан Цянь чжуань" (Повесть о Чжан Цяне) этого же источника есть строки: "Отец Куньмо³ о Чжан Цяне) этого же источника есть строки: "Отец Куньмо³ Наньдоуми и племена даюэчжей все жили в Циляни, Дуньхуане..." [3, с. 20]. "Шицзи" в главе "Давань чжуань" (Повесть о Давани) также отмечают, что "...племена юэчжей [живут] в районе Дуньхуана и Циляни" [4, с. 1]. Согласно всем этим сведениям, первоначальные места обитания усуней - Дуньхуан и горы Цилянь, расположенные на границах округов Чжанъе и Цзюцюань (КНР).

В глубокой древности в Циляни жили племена ху и жун⁴, впоследствии вошедшие в состав хуннуского союза. После того, как в 121 г. до н.э. эти земли были отобраны ханьцами, хунны сложили песню, в которой были такие строки: "Потеря наших гор Цилянь привела к тому, что поголовье (шести видов) нашего домашнего скота перестало расти" [5, с. 53]. Это говорит о том, что горы Цилянь служили пастбищами кочевого скотоводства для хуннов.

Известный китайский историк Чжан Шоуцзэ, живший в эпоху Тан, в "Шицзи. Чжэнъи" ("Комментарии к "Историческим запискам") писал: "Вначале даюэчжи жили к востоку от Дуньхуана, к западу от гор Цилянь, область Дуньхуан сейчас в Шачжоу, горы Цилянь - на

юго-западе Ганьчжоу", и далее: "Лян, Гань, Су, Гуа, Ша и другие округа - земли проживания юэчжей" [4, с. 2]. Таким образом, первоначальные места обитания юэчжей в Лянчжоу, Ганьчжоу и Сучжоу.

Китайские источники донесли до нас сведения о том, что до того, как на землях Дуньхуана появились юэчжи, здесь жили племена ху, ди, жун, сайчжун⁶ и другие. У О.Латтимора есть сведения о том, что племена ди и родственные им жуны "...обитали на территории современного Китая от оазиса Хами (Кумул) до Хингана и Сычуани. Они были европеоидны, близки к памиро-ферганской расе" [16, с. 103].

Юэчжи постепенно вытесняли усуней из Дуньхуана, но, хотя последние встретились с огромными трудностями, лишениями и потерями, они не были полностью уничтожены юэчжами. Во время нападения юэчжей и убийства ими вана⁶ усуней Наньдоуми, все земли Хэсицзоулан⁷ и горы Цилян⁸ были уже заняты юэчжами, поэтому усуней бежали на северо-запад в сторону Тангри-Тага, в район Кумула [4, с. 3]. В пользу того, что усуней бежали на северо-запад говорит тот факт, что на юго-западе, в районе гор Куньлунь им также препятствовали юэчжи, а в западной части, в Таримской пустыне были редкие оазисы, совсем неудобные для выпаски скота.

В то время, когда Хэсицзоулан был занят юэчжами, скотоводческие земли к западу от хуннов также были присоединены к юэчжам. В "Исторических записках", в разделе "Повествование о сюнну" есть свидетельство этому: "...[хунны] жили вплоть до [земли] племен на западе ...юэчжей, ди, цянь⁸" [3, с. 19].

О границах государства усуней во время династии Восточная Хань⁹ говорится в "Тундянь" ("Всеобщий свод"): "К западу от Люша¹⁰ проходили старые границы [государства] усуней [во время] Поздней [Восточной] Хань ...в течение ряда поколений здесь жили хулу" [3, с. 12].

В "Цзю Таншу" (Истории династии Поздняя Тан¹¹), в разделе "Географические описания" записано: "Иву (Кумул) /находится/ к северу от Дуньхуана, за огромной пустыней, во время Цинь¹² и Хань /там/ жили жуны" [3, с. 13].

В главе 156 "Описания стран в годы Тайпин" сказано: "При ранней (Западной) Хань¹³ на северо-западе Люша проходили границы усуней, с тех пор на земле в 5 тысяч ли... в течение ряда поколений туцзюе (тюрки) с ху смешанно живут" [3, с. 13].

Таким образом, китайские источники утверждают, что земли к северо-западу от Люша (Тинчжоу) - это старые земли усуней, а район Иву (Кумула) был местом проживания также и западных жунов. Во время династии Тан район Тинчжоу начинался на востоке с Пулэй¹⁴, а на западе доходил до Луньтая. Танский уезд Луньтай также входил в состав округа Тинчжоу, а территория Тинчжоу находилась на северных склонах восточной оконечности Тангри-Тага [13, с. 180, 184-185]. Это подтверждает тот факт, что усуней, вытесненные юэчжами, а те, в свою очередь, хуннами, переселились в земли Кумула, Баркуля и Тинчжоу.

В китайских источниках имеются также свидетельства о переселении усуней из Кумула в бассейн р. Или. Например, в "Шицзи", в разделе "Повествование о сюнну" сказано, что в процессе совершения набегов хуннов на юэчжей, одновременно ими (хуннами) были усмирены Лоулань¹⁵, усуней и еще свыше двадцати небольших государств [4, с. 8]. Из примера очевидно, что хунны сначала усмирили лежащие к югу от Лобнора земли государства Лоулань, затем прошли на север и захватили находившихся в районе Турфана, Кумула и Бешбалыка (Бэйтин¹⁶) усуней. Далее они напали на юэчжей, находившихся в бассейне р. Или, и соседние мелкие государства. Таким образом, хунны покорили почти весь Восточный Туркестан¹⁷ [4, с. 9]. После того, как усуней уже попали под контроль хуннов, произошло их совместное нападение на юэчжей. В "Чжан Цянь чжуань", разделе "Ханьшу", отмечен этот факт: "Куньмо истощен физически, [лично] просит шаньюя¹⁸ объявить отеческий гнев. В конце концов, напали на даюэчжей. Даюэчжи повторно ушли на запад, пришли в земли Дася¹⁹. Куньмо захватил их народ, остался [там] жить, войны [понемногу] окрепли" [4, с. 9].

В "Шицзи" и в "Ханьшу" есть свидетельства того, что, когда в результате этого нападения юэчжи ушли на юг, главной ударной силой была армия усуней, а хунны вполне возможно участвовали в битве малыми отрядами, но как бы то ни было, они совместными силами напали на юэчжей и в ожесточенной борьбе убили их правителя [14, с. 15]. Сохранилась народная песня, сложенная юэчжами о тех памятных и трагических для них событиях:

"Сыночек!, ты хочешь пить,

Не надо пить речную воду.

В речной воде яд врагов!

Ты выпей кровь врагов!

Сыночек, лучше умри, но не покоряйся!

Умер... Не дай мне увидеть, как ты спишь в гробу,

Твое тело должны принести на щите..." [8, с. 45].

В этой битве юэчжи проиграли и ушли на левый берег реки Амударья [4, с. 9].

Чжан Цянь²⁰, прибывший в то время в Восточный Туркестан, убедился, что в этом нападении усуньские воины были основной силой, которая при поддержке хуннов разбила даюэчжей, поэтому, хотя в "Шицзи" и говорится, что "хунны убили вана юэчжей", в действительности же, усуней были главной силой при нападении на юэчжей в бассейне р. Или. В результате тех военных действий усуней как раз и переселились из районов Кумула, Турфана и Бешбалыка в илийские земли, захватив тех юэчжей и сайчжунов, которые не смогли уйти, и которые затем влились и укрепили усуней. Чжан Цянь предложил усуням союз, тем более, что к тому времени усуней уже

не подчинялись хуннам. Все это создало предпосылки для последующего союза усуней и ханьцев и их объединенного нападения на хуннов [4, с. 9-10].

Таким образом, после переселения усуней в бассейн р. Или, примерно в 160 г. до н.э. и слияния их с остатками юэчжей и сайчжунов, на исторической арене Восточного Туркестана появилось большое и мощное государство. Это находит свое подтверждение в разделе "Сиюй чжуань" хроники "Ханьшу" [4, с. 10].

Из-за того, что усунь "не обрабатывали полей, не сажали деревьев, [шли] вслед за скотом по степям, с хуннами сходны в обычаях" [4, с. 10], территория их обитания была намного обширнее, чем земли, занимаемые оседлым населением. Необходимые для жизнедеятельности земли одной скотоводческой семьи часто в несколько раз превышали территорию, необходимую для оседлой семьи. Поэтому, несмотря на то, что, как отмечает Су Бэйхай, в то время усуней насчитывалось только 630 тысяч человек, занимали они огромную территорию в бассейне реки Или и западного Тяньчи-Тага [4, с. 10].

В "Ханьшу" сказано, что государство Гумо²¹ соединялось с усунями на севере, государство Гуйцы(21)22 - также находилось на севере. Кроме того, на севере от усуней были государства Яньци²³, Юаньду²⁴, Вэньсу²⁵, а от Вэньсу до усуньской столицы Чигу - 610 ли. Таким образом, к северу от Учтурфана, Аксу, Кучэ и Яньци находились усуньские кочевья, кроме того, они обитали в западной части Балуньтая, степях Юлдуз (Юлдусы), а также в бассейне реки Текес (Тэкэсы). Далее отмечается, что государство усуней граничит "на северо-западе с [государством] Канцзюй²⁶, на западе - с [государством] Давань" [3, с. 20].

В "Давань лечжуань", разделе "Шицзи", отмечено: "[государство] Давань [расположено] на юго-западе хуннов, прямо на западе от Хань [собственно Китай], до Хань 10 тысяч ли... на севере граничит с [государством] Канцзюй, ...на северо-востоке с [государством] усуней" [3, с. 20]. Поскольку Давань находилась на юго-западе от хуннов, а усунь - на северо-востоке и востоке от Давани, следовательно, границы государства усуней проходили по югу озера Иссык-Куль (Исайкэху), бассейну р.Налиньхэ до р. Кызыл (Кэцзыласухэ).

В "Чэнь Тань²⁷ чжуань", разделе "Ханьшу", сказано: "...три отряда, следовавшие по южной дороге, преодолели горы Цунлин (Памир) и двигались во [владение] Давань, другие три отряда, находившиеся под командованием духу²⁸ выступили из владения Вэньсу, и, двигаясь по северной [дороге], вошли в [столицу усуней] Чигу, затем, миновав земли усуней, достигли владения Канцзюй и подошли к пункту, западнее озера Тяньчи (Иссык-Куль)" [15, с. 127].

Поскольку восточные границы государства Канцзюй проходили к западу от оз. Иссык-Куль и р. Талас, то канцзюйцы жили на равнинах и в горных районах в междуречье рек Чу и Талас [15, с. 127].

В главе 4 "Сиюй тучжи" (Описания Западных стран с картами) - "Таблицы западных дорог Или" - отмечено, что восточные границы государства Канцзюй проходят по западному побережью озера Балхаш на юг, и, пройдя среднее течение р. Талас, соединяются с Даванью [4, с. 11], что подтверждает сведения других китайских источников о западных границах государства усуней.

Что касается их восточных границ, то в "Сиюй чжуань" "Ханьшу" сказано, что усунь "на востоке с хуннами" соединяются [3, с. 19]. Здесь упоминаются усунь, уже переселившиеся из районов Бешбалыка (Бэйтин) и Кумула на запад, в бассейн р. Или: в то время их действительно с восточной стороны окружали хунны. Но, после того, как усунь переселились из Бэйтина, основную часть его жителей составило население государства Чэши. А самым западным владением правителей Чэши было маленькое Уханьцзыли [4, с. 11]. В "Синьцзян тучжи" (Описании Синьцзяна с картами) есть строки о том, что "...Уханьцзыли с усунями на востоке граничит" [4, с. 11]. Согласно археологическим исследованиям, Уханьцзыли находился в районе современного Манаса.

Таким образом, огромная территория с запада современного Манаса до озера Балхаш - это земли усуней.

По поводу северных границ государства усуней китайские и зарубежные историки считают, что они доходили до р. Или. В частности, китайский историк, живший во время правления в Китае династии Цин²⁹ - Ли Гуантин, в своем "Географическом исследовании Западных стран времен Хань", в главе 3, разделе "Усунь", пишет: "Во время Хань, севернее р. Или - государство Иле, подчинявшееся хуннам, южнее - земли усуней" [4, с. 12]. Аналогичные сведения можно встретить в "Ханьшу", в сочинении Сюй Суна "Записи о водных путях Западных стран" и других китайских источниках.

На самом деле, государство Иле располагалось не севернее р. Или, а севернее озера Балхаш и государства Канцзюй. Это находит свое подтверждение в показаниях следующих источников. В главе 958 энциклопедии "Цефу юаньгуй" совершенно ясно указывается, что Бэйуилего (государство Иле) находилось севернее Канцзюй [4, с. 12]. В "Ханьшу", в разделе "Чэнь Тань чжуань" приводятся слова, сказанные Чэнь Таном: "...варвары боятся сильных и подчиняются им. Таковы их врожденные свойства. Западные страны принадлежат хуннам, а ныне, когда слава о могуществе шаньюя Чжичжи широко распространилась, он нападает на [государство] усуней и Давань, постоянно составляет для Канцзюй планы, желая привести указанные страны к покорности. Если он победит эти два владения, нападет на севере на Иле, на западе захватит Аньси, на юге прогонит юэчжей..." [15, с. 126].

Во вновь изданном "Усунь яньцзю" (Исследовании по усуням), Ван Минчжэ и Ван Бинхуа пишут что на северном побережье киргизского участка р. Или сохранилось большое число усуньских

могильников и на основании археологических находок ими доказана неверность утверждения, что на северном берегу р. Или нет следов жизнедеятельности усуней [1, с. 96].

В "Сюанну чжуань" "Ханьшу" сказано, что в последние годы правления императора Сюань-ди (73-47 гг. до н.э.) хуннуский шаньюй Чжичжи был недоволен капитуляцией шаньюя Хуханье³⁰ перед династией Хань и, в результате тайного союза с усунями, "хотел усилиться и напасть на него совместными силами" [4, с. 13].

В то время Чжичжи со своими людьми обитал в горах Алтая (Аэртайшань), и, поскольку он замыслил объединиться с усунями, то, по-видимому, северные границы усуней должны быть недалеко от Алтайских гор. Но усуньский вождь (куньми), как пишет Су Бэйхай, решительно сопротивлялся уговорам шаньюя Чжичжи, "убивая его послов". Когда Чжичжи увидел, что его посланники не возвращаются, то напал и разбил усуней, а потом на севере напал на Уцзе. Когда государство Уцзе покорилось, Чжичжи послал воинов Уцзе на запад разбить государство Цзянькунь³¹. Вслед за этим на севере покорились динлины³² и еще три государства. Сам шаньюй Чжичжи остановился в Цзянькуне [4, с. 13]. Поскольку здесь сказано, что он из Алтайских гор направился на запад разбивать усуней. А затем, на север - на Уцзе, то, возможно, что усунь и Уцзе граничили между собой. В то время, кочевники Уцзе пасли скот в западных частях Алтайских гор [4, с. 13], а усуньские северные районы должны быть тогда южнее Алтайских гор, недалеко от гор тарбагатай. "Сиюй тучжи" подтверждает это: "Таэрбахээр (Тарбагатай) - граница подчиненных Ханям хуннов и усуней..." [4, с. 13].

Таким образом, сведения китайских источников позволяют сделать вывод о том, что в период со II в. до н.э. по II в. н.э. усунь первоначально обитали в районе Дуньхуана, позже были вытеснены юэчжами на северо-запад в сторону Тангри-Тага, в район Кумула, Баркуля и Тинчжоу, а примерно в 160 г. до н.э. они переселились в бассейн р. Или и образовали здесь мощное государство. Его восточные границы проходили по р. Манас, северные - западнее Тарбагатайских гор до оз. Балхаш, западные границы доходили до оз. Балхаш, по проходящей к югу от него р. Чу и среднему течению р. Талас, отсюда прямо на восток до р. Налинь (Налиньхэ) и верхнего течения р. Кызыл, и, наконец, южные границы проходили по степям Тангри-Тага и западнее Карашара (Яньци).

В "Повествовании о западных тюрках", в разделе "Таншу" вся эта земля названа "старыми землями усуней" [4, с. 13]. В книге Г. А. Кушаева и К. А. Акишева "Древняя культура саков и усуней долины реки Или" говорится: "Усунь жили в Семиречье и в северной части современной Киргизии (Кыргызстан). Границы объединенных племен усуней проходили на западе - по побережью р. Чу до р. Талас, на востоке - до Тангри-Тага, на севере - до оз. Балхаш, на юге - до оз.

Иссык-Куль" [12, с. 143]. Поскольку эти сведения подтверждают, что северные границы усуней достигают оз. Балхаш, то значит земли усуней находились севернее р. Или.

Сведения китайских письменных источников о том, что усунь обитали на огромной территории Центральной Азии - в западной части Тангри-Тага, бассейне р. Или, от Тарбагатайских гор до озера Балхаш, подтверждаются многочисленными могильниками усуней и памятниками их жизнедеятельности, обнаруженными в ходе археологических раскопок в бассейне рек Или, Чу, Манас, у озера Иссык-Куль и в других местах.

2. Теле и Сичжоуские хуэйху - древние жители кумульского оазиса

Кумул с давних времен был местом обитания различных тюркских племен. В цзюане (главе) 84 "Суйшу" (Истории династии Суй), есть сведения о том, что "западнее Иву (Кумул), севернее Яньци (Карашар), сбоку от Бэйшань (Тангри-Таг) - есть племена циби (чибни), уху (угуз), хэгу (киргиз)..." [2, т. 1, с. 13]. В "Суйшу" также сказано, что теле (тура) состоят из множества племен и родов. Одни исследователи считают, что они являются потомками хуннов, другие - потомками динлинов.

Племена теле занимали обширную территорию от реки Тола на востоке, до побережья Средиземного моря (Сихай) на западе. Упомянувшиеся племена циби и хэгу жили у подножья Тангри-Тага, в районе современного Кумула. Вместе с ними здесь проживали племена болочжи (боло) и др. [2, т. 1, с. 13].

Сведения из "Суйшу" подтверждает (Свод сведений о важнейших событиях в эпоху Тан). В главе 100-й которого сказано: "...западнее Иву, севернее Яньци, сбоку от Бэйшаня - есть (племена) циби, уху, хугу... Хугу позже [назвались] хуэйху..." [2, т. 1, с. 13].

"Хуэйху", так уйгуры стали называться в конце VIII в., а в начале VI в. они назывались "хуэйхэ". В "Цзю Таншу" об этом записано так: "В 1-й г. Да-е (605 г.) ...имелись [племена] пугэ, тунло, хуэйхэ, баэгу, фуболо... объединились и назвали себя сыцзин, позже назвались хуэйхэ" [2, т. 1, с. 13].

В "Синь Таншу" (История Новой династии Тан), главе 217, также отмечается, что "хуэйхэ вместе с пугэ, тунло, баэгу восстали... все называются хуэйхэ" [2, т. 1, с. 13].

После гибели уйгурского каганата (744-845 гг.), часть хуэйху, жившая в бассейне реки Орхон, направилась на запад и юг, в район между Тангри-Тагом и Ганьяном (совр. пров. Ганьсу), где они осели и стали заниматься земледелием. В районах Восточного Туркестана и Ганьсу уже с давних времен жили родственные хуэйху (хуэйхэ) племена, поэтому было естественным это переселение их сюда из районов Орхона [2, т. 1, с. 13].

Одна часть уйгуров - хуэйху направилась по Хэсискому коридору в районы Хэси. Используя современные географические названия, можно отметить следующие места их обитания в Ганьсу: уезд Чжангэ, уезд Дуньхуан, уезд Увэй, уезд Хэлань, уезд Тяньшуй, берега реки Эпзинахэ. Уезды Цзюцюань и Чжангэ были местами проживания так называемых "желтоголовых" уйгуров (хуантоу хуэйху) [2, т. 1, с. 39]. Поскольку, все вышеперечисленные районы находились в Хэси, то и в китайской исторической литературе этих хуэйху стали называть "хэси хуэйху" (хэсиские хуэйху) [2, т. 1, с. 40].

Другая часть хуэйху переселилась на запад гор Цунлинь (Памир) и стали называться "цунлинь хуэйху" (памирские хуэйху) [2, т. 1, с. 40].

И, наконец, еще одна часть хуэйху переселилась в Сичжоу. Они быстро расширили свою территорию и к 1001 году уже дошли до Гуйцы и, вскоре, территория сичжоуских уйгуров (хуэйху), помимо Турфанской впадины (Гаочан) в центре, охватывала Гуйцы на западе до Памира, Ичжоу (Кумул) - на востоке до Ганьсу, на севере доходила до Тангри-Тага, на юге - до Юйтянь (Хотан) [2, т. 1, с. 53].

По местам их расселения сичжоуские уйгуры стали называться также бешбалыкскими уйгурами (бэйтин хуэйху), хэчжоускими уйгурами (хэчжоу хуэйху), турфанскими уйгурами (гаочан хуэйху), кучарскими уйгурами (гуйцы хуэйху) и т.д.

В китайских письменных источниках эпохи Сун (960-1279 гг.) есть сведения, что в середине эпохи Тан, в VIII в. в Турфане (Гаочан) уже имелось несколько групп хуэйху. Например, в "Гаочан чжуань", разделе "Сунши", записано: "Гаочан... в этих землях есть хуэйху" [2, т. 1, с. 53]. Западные археологи также говорят о том, что в середине VIII в. хуэйху заняли Кара-ходжо (Хала-хочжэ), ставшую столицей гаочанских хуэйху. А. Ван Ле-Кок пишет: "В середине VIII в., приблизительно в 760 г., родственные тюркам племена заняли Кара-ходжо, хуэйху - сильные тюркские племена... заняли северную восточную часть Синьцзяна... Кара-ходжо - это транспортный пункт двух горных дорог..." [14, с. 21].

В "Гуйцы чжуань" (Повествовании о Гуйцы), главе 490 "Сунши" - есть сведения о кучарских уйгурах (гуйцы хуэйху): "Гуйцы - другое племя этих же хуэйху... еще зовутся сичжоу хуэйху, со времени правления Тянь-шэна³³ прибывают [в Китай] с дарами" [2, т. 1, с. 55].

В китайских источниках сохранились также сведения о территории расселения сичжоуских уйгуров в X в. Китайский путешественник Ван Яньдэ так описал границы их государства: "Западная и юго-западная стороны... доходят до границ государства арабов, Ирана и западной части Тибета, южные границы достигают Хотана. Можно сказать, что в то время, южные и северные уйгуры объединились и создали объединенное государство со столицей в Кара-ходжо" [2, т. 1, с. 54].

В главе 122 "Юань ши" (Истории династии Юань) сказано: "...Цзяочжоу, а именно Хочжоу (совр. Кара-ходжо), все являются землями Бешбалыка. На севере [достигают] реки Ашу (р. Ачагол), на юге соединяются с Цзюцюань (пров. Ганьсу), на востоке - с Эрдуньцзяшиха (оз. Унагэши, к востоку от совр. Кумула), на западе располагаются близ западных районов Сифань (южная дорога в Тангри-Таг)..." [2, т. 1, с. 55].

Что касается столицы государства сичжоуских уйгуров (хуэйху), то Шавани, в своем "Исследовании о проникновении манихейства в Китай", писал, что "в эпоху Сун столица сичжоуских хуэйху... не в Бешбалыке, а на самом деле, к востоку от Турфана - в Кара-ходжо" [2, т. 1, с. 56]. В китайских источниках отмечается, что выстроена она была в IX в. и располагалась, как уже было упомянуто выше, недалеко от Турфана. В то время Кара-ходжо был крупным культурным и религиозным центром. Сохранились многочисленные строения, напоминающие о сосуществовании в нем манихейства и буддизма [2, т. 1, с. 59].

Говоря о Гаочане и его жителях, китайские и зарубежные исследователи отмечают высокий уровень жизни хуэйху того времени. Некий путешественник Ибн Мухэйни (Мухални), описывая свое путешествие по Восточному Туркестану, примерно в 913 году, писал, что гаочанские уйгуры (хуэйху) носят одежду, сотканную из овечьей шерсти и хлопка [2, т. 1, с. 59].

В "Гаочан чжуань" (Повествовании о Гаочане), главе 490 "Сунши", есть такие строки: "Гаочан... на земле выращивают пять видов злаков, единственно нет гречихи. Аристократы разводят лошадей, остальные - баранов, уток, гусей... В государстве нет бедных людей, нуждающимся в пище помогают сообща, много престарелых (кому за сто лет). В городе много деревьев и трав. Люди белолицые, честные, по характеру трудолюбивые..." [2, т. 1, с. 59].

Еще сведения из китайских источников о внешнем облике уйгуров-хуэйху: "Хуэйху... у этих людей курчавые (вьющиеся) волосы, темные глаза, брови подправляют (приводят в порядок) и темнят, ...густая вьющаяся борода" [2, т. 1, с. 57]. "...У всех хуэйху длинная борода, большой нос, куском материи обвязывают (обматывают) голову, одежда свободная" [2, т. 1, с. 57].

В уже упоминавшемся "Гаочан чжуань", есть сведения о том, что "замужние женщины хуэйху носят на голове сумичжэ (покрывало?)" [2, т. 1, с. 13]. А уйгурские монахи носят одежду "без рукавов", поверх нее пояс (широкий кусок материи), который свешивается с левого плеча на грудь и закидывается на правое плечо" [2, т. 1, с. 149].

Таким образом, сведения китайских источников показывают, что уйгуры-хуэйху являются союзом многочисленных тюркских племен и родов, которые в середине IX в. расселились на территории Центральной Азии, а часть их, сичжоуские хуэйху, обитали на территории Кумульского оазиса.

¹ Хань - эпоха, династия (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.)

² Даюэчки - юэчки название древнего народа. После нападения на них хуннов (177-176 гг. до н.э.) большая их часть переселилась на запад и назвалась "даюэчками", а меньшая часть вошла в Наньшань (сейчас горы Цилян), смешалась с "цзянями" и назвалась "сяоюэчками" [4, с. 1496].

³ Куньюмо (Куньми) - верховный правитель усуней (титул).

⁴ Ху, жун - большинство современных синологов разделяет мнение известного китайского историка Ван Говэя о том, что встречающиеся с источниками племенные названия ху, жун, ди, гуйфан, хунги, сюньюй, сяньюнь - обозначали один и тот же народ, вошедший в историю под именем хунну, т.е. непосредственные их предки [15, с. 10].

⁵ Сайчжуи - сайчжуи до II в. до н.э. жили в бассейне р. Или и в районе оз. Иссык-Куль (Исайкэху). Когда даюэчки переселились на запад и вошли в их земли, сайчжуи разбежались. Одна часть ушла на юг в земли Кашмира (Цаибин) и дальше, другая - осталась на прежних землях и смешалась с усунями, также вторгшимися в пределы их территории. В большинстве западных и индийских источников их называют сайсянжэнь, саэрмасаньжэнь, шидзя, шодзя [7, с. 2].

⁶ Ван - король, князь, царь, правитель.

⁷ Хэсидзоудан - земли Хэси, здесь, это область оазисов между хребтом Наньшань и пустыней, примыкавшей к излучине реки Хуанхэ. Название это характерно для китайской географии. Определявший местоположение стран за Великой китайской стеной по ориентирам: "Хэси" означает "к западу от реки Хуанхэ" [11, с. 143].

⁸ Цин - это название древнего народа, со времени Цинь и Хань. Вплоть до эпох Тан и Сун многочисленные их племена занимались скотоводством. В конце эпохи Восточная Хань часть их переселилась в Китай [6, с. 1918].

⁹ Восточная Хань - эпоха, династия (25 - 220 гг.).

¹⁰ Люшя - пустынные районы на северо-западе Китая. В древности назывались Байлуидуй шамо, т.е. пустыня Байлуидуй (досл. Дюны Белого Дракона).

¹¹ Тан - эпоха, династия (618-907 гг.).

¹² Цинь - эпоха, династия (221-207 гг. до н.э.).

¹³ Западная Хань - эпоха, династия (206 г. до н.э. - 8 г. н.э.).

¹⁴ Пулэй - Танский уезд Пулэй - центр совр. Баркуль-Казахского автономного уезда в СУАР (КНР).

¹⁵ Доулань - это гос-во Шаньшань. Терр. его находилась к югу от оз. Лобнор. Шаньшань было ближайшим к Среднему государству из всех государств Западного края [9, с. 196].

¹⁶ Бэйтин - термин "бэйтин" очень древний. Известен со времени правления династии Хань. Первоначально этот термин, дословный перевод которого "северная ставка", "северный двор", имел значение "ставка, двор шаньюя". В переносном смысле употреблялся в значении "северные варвары". Значительно позднее термин "бэйтин" превратился в топоним, в частности, стал китайским вариантом названия Бешбалык [13, с. 176].

¹⁷ Восточный Туркестан - Сиюй в кит. источниках, территория СУАР (КНР).

¹⁸ Шаньюй - титул верховных правителей хуннов. По мнению известного китайского историка Вань Гу, "шаньюй" означает "обширный" и показывает, что носитель этого титула "обширен подобно Небу". Этимология термина "шаньюй" окончательно не выяснена [14, с. 128].

¹⁹ Дася - Бактрия, государство в Центральной Азии. В то время называлось Тухоло и располагалось между горами Гиндукуша и верхним течением р. Амударья (терр. совр. Афганистана) [см. 10, с. 197-198, 237-238].

²⁰ Чжан Цянь - известный ханьский дипломат и путешественник ( ).

²¹ Гумо - одно из 36 государств, существовавших в Западном крае одновременно с государством Хань. Древнее государство нах. в районе Аксу [10, с. 190].

²² Гуйцы - Куча, большое оазисное гос-во, расположенное в низовьях рек Куча и Муэртэ, в кит. источниках со времени гос-ва Раннее Хань известно под названием Гуйцы. Существуют многочисленные варианты транскрипций этого слова: Цюцы, Цюйцы, Цаюйи, Цюйчжи и др. Совр. г. Кучэ (СУАР, КНР) [10, с. 218].

²³ Яньци - упоминается в кит. источниках начиная со времени правления Хань. На востоке граничит с государством Гаочан, а на западе с государством Куча. Район Карашара в совр. СУАР (КНР) [9, с. 207].

²⁴ Юаньду - название древнего скотоводческого племени в Восточном Туркестане, их территория сейчас в границах совр. уезда Улугчат (Уля).

²⁵ Вэньсу - совр. Учтурфан (Уши).

²⁶ Канцзюй - Кангюй, Кангха, возникло во II в. до н.э. В период наивысшего расцвета оно занимало значительную территорию в верхн. и нижн. течении р. Амударья, в том числе и район Хорезма [10, с. 201].

²⁷ Чэнь Тань - второе имя Цзы Гун, уроженец уезда Сяцю в округе Шаньян (совр. пров. Шаньдун), был фусювзем (помощником военачальника) в Восточном Туркестане.

²⁸ Духу - наместник, генерал-губернатор. Впервые эта должность была учреждена при династии Хань в 60 г. до н.э. после завоевания Восточного Туркестана.

²⁹ Цин - эпоха, маньчжурская династия (1644-1911 гг.)

³⁰ Хуханье - хуньский шаньюй (?-31г. до н.э.), шаньюем стал в 52 г. до н.э. позже был разбит своим братом - шаньюем Чжичжи.

³¹ Цзянькунь - государство древних кочевников-скотоводов в эп. Хань и Вэй, предков современных киргизов. Места их обитания - в верхнем течении р. Енисей. Также назывались хэгу, цигу, цзегу, в эп. Хань - тансягасы, в эп. Юань - цзилицзисы, в эп. Цин - булутэ [см. 7, с. 8].

³² Дицзинь - тюркоязычный народ, кочевавший в Средней Азии в III в. до н.э. - V в. н.э. В период расцвета дицзинь захватили огромную территорию к юго-западу от оз. Байкал до Алтая [см. 15, с. 136].

³³ Тянь-шэи - девиз правления императора Сун Жэнь-цзун (1023-1031 гг.)

Список использованной литературы:

1. Ван Минчжэ, Ван Вихуа. Усунь яньцзю (Исследование об усунях). Урумчи, 1983. - 200 с. 1956. Т. 1, 2. - 300 с.
2. Вуэрцау шилло цзяньбянь (Неполное собрание сведений по истории уйгуров). Бэйцзин, 1956. Т. 1, 2. - 300 с.
3. Сяньцзян лиши дифан лиши цзялю сяюаньцзи (Извлечения из исторических материалов по истории Сяньцзяна). Бэйцзин, 1987. - 654 с.
4. Су Вэйхай. Сиюй лиши дили (Историческая география Западного края). Урумчи, 1988. - 396 с.
5. Цзянь Воцзэнь и др. Лидай гэцзю чжуаньцзи хуйбянь (Собрание записей о различных народах, сменявших друг друга). Шанхай, 1979. - 2214 с.
6. Чжунго лиши дацзидянь. Сяньцзян (Большой словарь по истории Китая. Сяньцзян) // Сяньцзян лиши яньцзю. Урумчи, 1985. - 140 с.
7. Чэнь Шилань. Усунь юаньчжуду бяньчжэнь (О местах первоначального проживания усуней) // Сяньцзян лиши яньцзю. Урумчи, 1987, № . - С. 16-23.
8. Гумилев Л.Н. Хунну в Китае. Три века войны со степными народами III-VI вв. М., 1974. - 226 с.
9. Кушев Г.А., Акишев К.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. - 300 с.
10. Маливкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981. - 336 с.
11. Маливкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. - 431 с.
12. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М., 1968. - 177 с.
13. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М., 1973. - 171 с.
14. Le Coq A. Buried treasures of Chinese Turkestan. London, 1928. - 300 p.

РЕЦЕНЗИЯ

Современные казахи: кто они?

Такой подзаголовок напрашивается, когда берешь в руки последнюю книгу шведского востоковеда Ингвара Сванберга "Современные казахи: культурные и социальные перспективы" (Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives. Ed. By I.Svanberg. Richmond: Curzon Press, 1999. - XI+151 pp.). И.Сванберг давно известен как неумолимый исследователь казахов. Свои исследования в этой области он начал еще в начале 1980-х гг. с изучения казахской диаспоры в Швеции. Этот интерес привел его к необходимости искать корни европейских казахов в Турции. А после знакомства с казахской общиной в Турции он неизбежно пришел к выводу, что нужно продолжить изучение синьцзянских казахов, из которых в основной массе сформировалась казахская община в Анатолии. Результатом его исследований стали такие книги как "Казахи Китая" (1988, совместно с Линдой Бенсон), "Казахские беженцы в Турции" (1989) и "Последние кочевники Китая: история и культура китайских казахов". В этих книгах Сванберг и его коллеги дали развернутую историческую и этнографическую картину жизни казахов в Восточном Туркестане, а затем в СУАР, описали историю их сопротивления китайскому господству и исходу в Индию, а оттуда - в страны Востока и в Европу. И вот последняя книга Сванберга, завершая эту своеобразную тетралогию, описывает казахов у себя на родине - в Казахстане, а также в Монголии.

Говоря о зарождении своего интереса к казахам, Сванберг подчеркивает, что его первые встречи с представителями нашего народа имели место в конце 1979 г. в Турции, где его поразили их гостеприимность и образ жизни. Их рассказы о жизни в Китае, а также начавшаяся в 1980-х гг. относительная открытость китайского общества позволили Сванбергу начать полевые исследования в Синьцзяне. Но только после 1991 г. Сванберг и его западные коллеги-этнографы получили возможность наблюдать собственно казахов в Казахстане. Эти результаты были положены в основу настоящей книги. Сванберг посчитал полезным включить в новую книгу главу о монгольских казаках, так как на его глазах развернулась кампания по их возвращению на "историческую родину". Однако результаты репатриации монгольских казахов, как это стало позднее известно, были обескураживающими. В целом, западные этнографы столкнулись при изучении казахского общества в Казахстане с такими реалистичными, которые однозначно указывали, что традиционного кочевого общества, более или менее полные фрагменты которого этнографы могли наблюдать в Синьцзяне и Монголии, в Казахстане больше не существует. Но авторы во главе со Сванбергом все же делают попытку показать эволюцию казахов в направлении создания национального государства, и следовательно - возрождения прежних традиций казахов как индивидуального народа с устойчивой кочевой традицией.

Историческая часть книги переполнена сведениями, которые вряд ли представляют интерес для нас, так как собственная история Казахстана нам хорошо известна. Следует обратить внимание только на одну из предпосылок появления казахского государства-нации. Сванберг однозначно утверждает, что возможности для этого сложились в советскую эпоху, т.е. у казахов появились собственные административная территория, закрепленная законодательно, своя элита, располагавшая собственными национальными интересами и своим видением путей развития нации, а также ряд социально-психологических и поведенческих традиций, заложивших фундамент в формировании "казахской социалистической нации". Разумеется, этот термин достаточно условен. Внутри казахской нации, как и внутри ее элиты сложились вполне определенные географические, социальные и языковые различия, которые, тем не менее, больше свидетельствовали о гомогенном единстве казахов, чем об их раздробленности.

Два фактора, по мнению авторов, определяют современную ситуацию в Казахстане: первый состоит в том, что казахи довольно быстро справились с задачей национально-государственного строительства, т.е. овладели всеми политическими, административными, экономическими и финансовыми рычагами. Казахстан приобрел свой национальный облик вместе с новыми названиями городов, улиц и площадей и введением национальной атрибутики. Второй фактор, выделяющий Казахстан из ряда других пост-советских государств, это крайне выраженная степень русификации, или точнее - аккультурации. Русский язык по-прежнему занимает прочные позиции в казахстанском обществе, также как и среди его элиты, и это не кажется уже чем-то чуждым и привнесенным извне.

Далее авторы обращаются к феномену образования современной казахской элиты. Ее ядром они считают казахскую билингвистичную интеллигенцию, сложившуюся в советскую эпоху и сыгравшую в этот период чрезвычайно важную роль для формирования новой казахской идентичности. Авангардом этого социального слоя, пишут авторы, были академические и вузовские ученые, получившие образование в Москве и Ленинграде. Однако после получения независимости внутри интеллигенции произошла трансформация, связанная с приоритетной ролью национальной культуры, которая привела к выдвиганию на первый план носителей чисто национальных казахских традиций и языка. Во многом этому процессу способствовала эйфория, возникшая на волне национальной независимости. Таким образом, делают вывод авторы, произошел разрыв между основной массой интеллигентной элиты, по инерции жившей традициями, сформировавшимися еще в советскую эпоху, и новым слоем, активно пропагандировавшим новые этноориентированные ценности. Разрыв наиболее ощутимо наблюдался между стремлением этой группы побыстрее создать новую, чисто казахскую идентичность, и реальными условиями, в которых находились образование, уровень знания казахского языка, мировоззренческий опыт большинства населения, а также повседневной жизнью.

Обращаясь к проблеме иерархии внутри казахской элиты, авторы неизбежно затрагивают жужовый вопрос. Они считают, что проблему родовых отношений у современных казахов ни в коем случае нельзя преувеличивать. У казахов, как у других национальностей в советском обществе, иерархия складывалась прежде всего на основе профессиональной и корпоративной солидарности. Родовые пережитки у казахов авторы советуют искать в таких обычаях, как уважение к старшим или симпатия к единоплеменникам. Крушение прежней социально-экономической системы и внедрение рыночных отношений имели своим следствием два результата: во-первых, был нанесен сокрушительный удар по привилегиям и социальному статусу прежней советской элиты. Интеллигенция и ее структуры (академические институты и вузы) были в буквальном смысле опустошены. Однако, во-вторых, сразу вслед за этим и даже параллельно этому процессу происходил другой: элита начала обучать своих детей в новых престижных сферах, связанных с рыночной экономикой, менеджментом и финансами. Таким образом, принципы устойчивости традиций и воспроизводства элиты были в основных чертах были сохранены. В целом же, говорят авторы, казахская элита должна была в новых условиях выполнить ту же задачу, которая стояла перед ней и в советское время при плановой экономике - сохранить свой контроль над ресурсами, и это ей удалось.

Конечно, в советское время казахская элита была вынуждена подчиниться Москве, и этот фактор ограничивал ее возможности в контроле над экономическими ресурсами. Однако западная социология утверждает, что помимо т.н. экономического капитала существуют еще "культурный капитал" и "символический" капитал, под которыми подразумеваются обладания знаниями, специфическими навыками, аккумуляция престижа и уважения. После исчезновения контроля из Москвы казахская элита в полной мере воспользовалась своим обладанием культурным и символическим капиталом. Несмотря на резкое падение престижа научных профессий, особенно в гуманитарных областях, перед казахской гуманитарной интеллигенцией стоит задача фундаментально пересмотреть национальную историю,

что облегчалось чрезвычайной тенденциозностью советской сталинизированной историографии, поднять интерес к казахской культуре, языку и традициям. И в этом смысле спрос в обществе на нее сохраняется, и сохраняется тем самым ее статус как части казахской элиты. В наиболее сложном положении, считают авторы, оказалось среднее поколение научной интеллигенции, которое потратило свою молодость на то, чтобы достичь определенного положения согласно старой советской академической иерархии, и что в одночасье потеряло всякую экономическую и социальную привлекательность, и которое уже недостаточно молодо, чтобы начать карьеру в бизнесе с начала. Однако, как мы знаем, есть немало примеров обратного.

Авторы увидели на примере казахской интеллигенции процесс, который они переносят на всю казахскую элиту. Он заключается в том, что на смену господствовавшей в первой половине 1990-х гг. тенденции к этническому единству пришла тенденция к фрагментации казахского общества. Одним из водоразделов между казахами является отношение к роли русского и казахского языков как к атрибуту этнической принадлежности и социального статуса. Одним из признаков такой тенденции является стремление казахской элиты сохранить у детей знание русского языка и дать образование в русскоязычных школах. Однако эта тенденция происходит на фоне более обширного процесса - воспитания у новой казахской элиты интернационально ориентированного (в смысле прозападной ориентации) поколения. И именно этой части элиты, уже не исключительно русско-ориентированной, но и не чисто казахской по воспитанию, предстоит сыграть решающую роль в будущем Казахстана.

Отдельная глава посвящена социальным процессам у казахов в сельской среде. Автор раздела (Х.Эйцен) сосредоточила внимание на застольных и пиршественных обычаях в контексте социальной стратификации, семейно-родственных связей и статусных позиций и влияния на них "рыночных" отношений. Основной вывод, к которому пришла исследовательница, долгое время прожившая в сельской местности на юге республики, звучит следующим образом: застолья и пиры всегда играли чрезвычайно важную роль в общественных отношениях у казахов. Изменение экономических отношений в 1990-х гг. способствовало усилению роли самостоятельных хозяйств, возрождению старинных обычаев и консолидации казахов как этноса с древней кочевой культурой, чьей неотъемлемой частью является традиция пиршеств, с одной стороны, а с другой - пауперизации значительной части сельского населения, что привело к усилению особой роли пиров и застолий как показателей статуса их устроителей. Таким образом, эта область современной казахской этнографии как лакмусовая бумажка выявила социальную дифференциацию в сельской казахской среде.

В особом разделе книги тем же автором дается попытка интерпретировать роль Наурыза в условиях современного Казахстана в качестве интегрирующего начала в многонациональном казахстанском обществе. Эйцен в начале описывает принципиальные различия в праздновании Наурыза в городской и сельской среде, также среди различных национальностей. Вывод, который делает исследовательница, заключается в том, что именно Наурыз призван заменить собой ушедшие в прошлое общенародные праздники советской эпохи и инкорпорировать существующие этнические, социальные и региональные особенности в единую новую казахскую/казахстанскую общность. И это вполне укладывается в плюрализм культур, традиций и обычаев, традиционно существовавший на территории Казахстана, резюмирует американская исследовательница.

Особняком от всех глав книги стоит раздел, написанный немецким этнографом П.Финке и посвященный казахам Западной Монголии. Появление этого эссе в книге вызвано, на наш взгляд, событиями, имевшими место в первой половине 1990-х гг. и связанных с движением среди зарубежных казахов по возвращению на родину. Современная казахская диаспора в Монголии, насчитывавшая в 1989 г. 123 тыс. чел. (6% населения МНР), возникла в период между 1860 и 1940-ми гг. в основном за счет передвижения казахских родов из Синьцзяна, а также частично из Русского

Алтая и Восточного Казахстана. В начале 1990-х гг. их потомки двинулись в Казахстан, поверив, что здесь они обретут свою настоящую родину. К середине 1990-х гг. почти половина из них переселилась в Казахстан, но второй половине десятилетия этот процесс остановился и начался процесс реэмиграции. Финке считает, что причины эмиграции монгольских казахов лежали в крахе социалистической системы, сопутствующем ему изменении прежних политических и экономических отношений в бывшей МНР и последовавшей вслед за этим приватизацией.

Инициаторами возвращения стали казахи из Улан-Батора и других промышленных и городских центров; вскоре к ним стали присоединяться сельские казахи. Главной причиной эмиграции было изменение их политического статуса, который в социалистическое время был довольно высок, а также монголизация и буддизация страны. В то же время Финке подчеркивает, что монгольские казахи были единственным этническим меньшинством в этой стране, располагавшим достаточной административной и культурной автономией. Для Улан-Батора казахи играли также роль буфера между халха-монголами и ойратами (западными монголами), гася сепаратистские настроения последних. Монгольское правительство поддержало казахскую эмиграцию, но затем оно также приветствовало их возвращение в Монголию, исходя из опасений ойратского сепаратизма и экономических соображений, так как аймаки Западной Монголии попросту опустели. Немецкий ученый отмечает, что среди казахов также имели место сепаратистские настроения и раздавались требования отделиться от Монголии и присоединиться к Казахстану, однако какого-либо серьезного эффекта они не имели.

С экономической точки зрения изменения, прошедшие в народном хозяйстве Монголии также были неблагоприятны. Если казахские недengi (колхозы) выиграли в целом от коллективизации 1930-х гг., то начавшаяся в 1990-х гг. приватизация ухудшила экономическое положение казахских хозяйств. Этот процесс совпал с прекращением советской экономической помощи и развалом всей прежней экономической инфраструктуры социалистической Монголии. Таким образом, в эмиграции казахов из Монголии сыграли свою роль как политические и этнические, так и экономические факторы.

По оценкам Финке, в Казахстан из Монголии переселились порядка 50-60 тыс. чел. На исторической родине эти люди получили статус иностранных рабочих и вынужденно сохраняли монгольское гражданство. Большинство из них были расселены в северных областях: Кокчетавской, Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской. Интеллектуалы и студенты осели в Алма-Ате. Переселение монгольских казахов в благодатные южные области республики было заблокировано как административными мерами, так и объективной ситуацией на рынке труда и жилья. Точной цифры реэмигрантов неизвестно, но как предполагает немецкий этнограф, она колеблется между 10 и 20 тыс. чел. Основную причину реэмиграции он предлагает искать в тяжелых экономических условиях, с которыми столкнулись репатрианты в Северном Казахстане. Для многих из них они были даже тяжелее, чем на родине. Другой причиной, заставившей их вернуться в Монголию, была языковая ситуация в этих областях. Правительство, расселив монгольских казахов в этих регионах, было озабочено "казахизацией" опустевших после массового исхода немецкого и русскоязычного населения территорий. Однако местные казахи зачастую не говорили по-казахски, в то время как монгольские казахи не владели русским.

Внимательно изучая статистические данные, Финке пришел к выводу, что основную массу эмигрантов из Монголии составили урбанизированные казахи, которые, потеряв работу в городах, предпочли уехать в Казахстан, чем возвращаться в сельскую местность в Западной Монголии. Среди реэмигрантов преобладали в основном также не они, а животноводы. Таким образом, казахская эмиграция из Монголии является помимо прочего частью процесса деурбанизации и деиндустриализации Монголии. Реэмигранты, которые перед эмиграцией зачастую продавали все, после возвращения получали помощь от родственников и друзей, а иногда даже от монголов. В целом межэтнические отношения между казахами и монголами достаточно стабильные и

дружественные. Все казахи владеют монгольским языком, а многие монголы в Западном аймаке - казахским. В то же время смешанных браков почти не бывает. Большинство местных казахов рассматривают все же Монголию в качестве своей родины. Возможность их эмиграции (или ререэмиграции) в Казахстан - это вопрос будущего экономического развития как Казахстана, так и Монголии. А монгольские казахи, считает Финке, постараются как можно дальше сохранить для себя шанс как остаться в Монголии, так и переселиться в Казахстан.

Итак, данная монография представляет собой попытку показать современных казахов. К сожалению, приходится констатировать, что это не самая удачная среди книг И.Сванберга о казахах, написанных им самим или создававшихся под его редакцией. Авторы фактически проигнорировали ряд сюжетов, являющихся центральными в понимании процессов, развивающихся в современном Казахстане. В первую очередь этот упрек относится к разделу о казахской элите, являющимся в понимании авторов ключевым. Ничего не сказано о новой властной и экономической элите, которая формирует облик современной казахской нации. Остались полностью без внимания вопросы внутрисоциальных изменений в казахстанском обществе, отношения между казахами на региональном уровне, а также межэтнические отношения в контексте формирования казахского государства-нации. За пределами монографии остались проблемы геополитического и внешнеполитического характера, без понимания которых трудно ставить вопрос о создании современной казахской идентичности. Почти не затронуты последствия осуществленной в Казахстане приватизации и передела собственности, которые в свою очередь самым прямым образом повлияли на социальные изменения как внутри казахов, так и на их отношения с другими этническими группами. Таким образом, книга оставляет больше вопросов, чем ответов. На наш взгляд, монография "Современные казахи" является попыткой профессиональных этнографов осветить вопросы, которые лежат в большей степени в сфере социологии, политологии и экономики. С этнографической точки зрения материал, представленный в книге, фрагментарен, отрывочен, не систематизирован и явно не достаточен, чтобы дать представление о современных казахах. И так, вопрос по-прежнему остается - современные казахи: кто же они?

Мурат Лаужулин

SUMMARY

Forming of the communal market of services of a Custom Union's countries and the Community on the whole

*Isingarin N. K.
Barbasov M. A.*

This article is devoted to the problems of forming of the communal market of services within the limits of Commonwealth of Independent States as a whole and the countries of a custom Union in particular. The estimation of a role of sphere of services in modern economics is given. It is marked that the variation of a proportion of trade in commodities and services is an index of a level of economical progressing of country.

The poliethnic structure of the population and state national security

Aitkaliev R. A.

In this paper is regarded an issue of the link of problems of national security with problems of national progressing of the polyethnic states, on an example of Republic of Kazakhstan. The role of ethno-social patterns of ethnic groups which component the population, is tracked during the formation of threats to national progressing of country. The question on a choice of attitudes of national progressing is considered in the given context.

Water resources of the Central Asia's transborder rivers: problems, conflicts and mutual using

*Nadyrov Sh. M.
Berdygulova G. E.
Latypaev Sh. T.*

The article is devoted to a problem of sharing of waterpower resources transborder river Syrdarya by countries of the Central Asia. There are the problems of creation some intergovernmental mechanism of conflictfree the water using and protection of an environment.

British eastknowledge and the Central Asia research
Laumulin M. T.

In given paper the communal historiographic analysis British eastknowledge in a ratio of countries of Central Asia is considered. The writer esteems the basic works of the English explorers, since XVIII century and up to now. The main notice is given to the growth of concern to the region per postwar years and years of cold war among the British scientists. The analysis of operations of all leading modern researchers devoted to the region of Central Asia is given.

The peoples of the ancient Kazakhstan on the path of the First-rate states creation

Kadyrbaev A. Sh.

The problems of early political history of the peoples of ancient Kazakhstan are examined in the given article. The writer gives the main notice to the first-rate state associations formed on the territory of Kazakhstan by ancient Indo-Aries tribes.

The ancient peoples of the Central Asia

Karimova N. E.

The given paper is devoted to the problems of the Uisun state, one of the important ancient states existing on the territory of Kazakhstan. The paper is written on the base of Chinese sources and introduces many unknown earlier datas of Uisun history.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айткалиев Равиль Анзерович - заведующий отделом внутренней политики Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Барбасов Мухамеджан Асельханович - Интеграционный Комитет Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, консультант

Бердыгулова Гульмира Ертысовна - аспирант АГУ им. Абая

Исингарин Нигмаджан Кабатаевич - председатель Интеграционного Комитета Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана

Кадырбаев Александр Шайдатович - доктор исторических наук

Каримова Наталья Эрмановна - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения АН Узбекистана

Латыпаев Шухрат Тауржанович - научный сотрудник отдела экономической безопасности Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Лаумулин Мурат Турарович - кандидат исторических наук

Надыров Шерипжан Марупович - заведующий отделом экономической безопасности Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор географических наук